Жизнь замечательных людей

Биогр. б-ка Ф. Павленкова

Богдан Хмельницкий

Его жизнь и общественная деятельность

Биогр. очерк
В. И. Яковенко

СПб.:
Тип. и фототипия В. И. Штейна
Дозв. ценз. СПб. 14 апрѣля 1893 г. Тип. тов. „Общ. польза" В. Подъяч., 39
1894

Богданъ Хмѣльницкій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Яковенко.

Съ портретомъ Богдана, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и фототипія В. И. Штейна. М. Морская, № 20.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Ноября 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

I. **ПЕРЕДЪ СМЕРТЕЛЬНОЙ БОРЬБОЙ**. Присоединеніе древней Руси къ Литвѣ и Польшѣ.—Характерная особенность общественнаго строя Рѣчи Посполитой.—Экономическое положеніе крестьянства.—Украина.—Дворянство.—Горожане.—Казачество.—Татары.—Запорожская Сѣча.—Посягательство на казацкія «привилегіи и вольности».—Церковная унія.—Возстаніе и морскіе походы. Косинскій.—Наливайко.—Сагайдачный.—Тарасъ. — Сулима. — Павлюкъ.—Остранинъ.—Скиданъ.—Гуня 5

II. **КАЗАЦКІЙ БАТЬКО—БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ**. Памятникъ Хмельницкому въ Кіевѣ.—Происхожденіе Хмельницкаго.—Его отецъ.—Воспитаніе.—Подъ Цецорою.—Въ плѣну.—На родинѣ.—Сношенія Владислава съ казаками.—Похищеніе королевской привилегіи.—Женщина.—Наѣздъ Чаплинскаго.—Тяжба съ Чаплинскимъ.—На законномъ основаніи. — Конецъ колебаніямъ. — Личныя чувства.—Женитьба Тимоши. — Гибель Тимоши. —Наслѣдственное гетманство.—Дипломатничанье. 25

III. **«АДЪ КРОМѢШНОЙ ЗЛОБЫ»**. Объ успѣхѣ.—По дорогѣ на родину.—Тайное совѣщаніе.—Арестъ.—Бѣгство на Запорожье.—Союзъ съ татарами.—Переговоры и требованія Хмельницкаго. — Настроеніе народа. —Сборы польскихъ пановъ. — Битва у Желтыхъ Водъ. — Битва подъ Корсунемъ. — Разговоры. — Изложеніе обидъ и неправдъ.—За вѣру!—Сношенія съ Москвою.—Разгаръ адской ненависти.—Вишневецкій.—Распространеніе возстанія 41

IV. **РАЗГРОМЪ**. Медлительность Хмельницкаго.—Сеймъ.—Посылка коммиссаровъ.—Польское войско и польскіе паны. — Разгромъ шляхты подъ Пилявою.—Осада Львова. — Недовольство черни.—Осада Замостья.—Разговоры на сеймѣ.—Избраніе Яна Казимира.—Первые шаги новаго короля.—Универсалъ Хмельницкаго.—Въѣздъ въ Кіевъ. — На вершинѣ славы.—Рѣшимость «кончать ляховъ».—Перемѣна фронта со стороны Москвы.—Переговоры съ польскими коммиссарами. — Поздно!— Война за вѣру и народъ.—Больше дипломатъ, чѣмъ строитель 53

V. **«ЗГОДА!»** Открытіе военныхъ дѣйствій.—Осада подъ Збаражемъ.—Битва подъ Зборовымъ.—«Дѣти мои, не бѣгите отъ меня!» — Позорная сдѣлка —Зборовскій договоръ.—Несостоятельность его.—Внутреннее устройство Украи-

ны.—Недовольство народа.—Казни нарушителей панскаго покоя.—Приготовленія къ войнѣ.—Угрожающее положеніе Москвы по отношенію къ полякамъ 68
VI. **СНОВА ВОЙНА.** Успѣхи поляковъ.—Война подъ знаменами двухъ религій.—Битва подъ Берестечкомъ.—Исчезновеніе Хмельницкаго.—Пораженіе казаковъ въ Литвѣ.—Усмиреніе бунтовъ въ Червонной Руси и Польшѣ.—Торжество поляковъ.—Появленіе Хмельницкаго. — Стоглавая гидра мятежа оживаетъ.—Переговоры съ поляками.—Волненіе въ казацкомъ войскѣ.—Нерѣшительное сраженіе.—Бѣлоцерковскій договоръ.—Нѣтъ пощады непокорнымъ!—«Адъ подданныхъ».—Призывъ къ войнѣ Хмельницкаго.—Битва подъ Батогомъ.—Шутки долой!—Неистовство Чарнецкаго.—Осада подъ Жванцемъ.—Разрывъ «вѣчнаго докончанія» Москвы съ Польшею 77
VII. **ВОЗСОЕДИНЕНІЕ.** Неизбѣжность возсоединенія, вытекавшая изъ общаго положенія вещей.—Рѣшеніе земской думы въ Москвѣ.—Переяславская рада 8 янв. 1654 г.—Условія возсоединенія.—Несогласія среди казацкой старшины.—Война Москвы съ Польшей.—Объявленіе войны Польшѣ со стороны Швеціи.—Разгромъ Польши.—Независимость по образцу голландцевъ. — Виленскій договоръ. — Союзъ Хмельницкаго съ Карломъ-Густавомъ и Ракочіемъ. — Недовольство Москвою и недовольство въ Москвѣ.—Преданность Хмельницкаго своей основной задачѣ. 89

Предлагаемый очеркъ жизни и дѣятельности Богдана Хмельницкаго составленъ по нижеслѣдующимъ источникамъ:

1) Богданъ Хмельницкій, историческая монографія Костомарова.
2) О Богданѣ Хмельницкомъ, Буцинскаго.
3) Исторія возсоединенія Руси, Кулиша.
4) Отпаденіе Малороссіи отъ Польши, Кулиша.
5) Исторія Россіи, Соловьева.
6) Дневникъ Станислава Освѣцима (русскій переводъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г.).
7) Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіемъ Антоновича и Драгоманова.
8) Исторія войска запорожскаго, Эварницкаго.
9) Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго, Скальковскаго.
10) Крестьяне Юго-Западной Россіи по Литовскому праву, Леонтовича.
11) «Архивъ Юго-Западной Россіи»: статья Новицкаго—объ экономическомъ положеніи крестьянъ, Антоновича о казачествѣ, Иванишева—объ уніи.

I.

Передъ смертельной борьбой.

Присоединеніе древней Руси къ Литвѣ и Польшѣ.—Характерная особенность общественнаго строя Рѣчи Посполитой.—Экономическое положеніе крестьянства.—Украина.—Дворянство.—Горожане.—Казачество.—Татары.—Запорожская Сѣча.—Посягательство на казацкія «привилегіи и вольности».—Церковная унія.—Возстанія и морскіе походы.—Косинскій.—Наливайко.—Сагайдачный.—Тарасъ.—Сулима.—Павлюкъ.—Остранинъ.—Скиданъ.—Гуня.

Оживленное нѣкогда поднѣпровье долго лежало въ запустѣніи послѣ Батыева нашествія. Прошли времена Владиміра-краснаго солнышка. Прошла слава Олеговъ и Святославовъ, досягавшихъ своими дерзновенными руками до твердынь самаго Царьграда. Прошли жестокія и безславныя времена удѣльныхъ распрей. Все, даже самую память о быломъ смела азіятская дичь, промчавшаяся дикимъ вихремъ по русской землѣ. Русскому человѣку, словно застигнутому грознымъ неотвратимымъ явленіемъ природы, оставалось одно только: бѣжать, укрыться. И онъ бѣжалъ: бѣжалъ въ полѣсскія болота, на сѣверъ, бѣжалъ къ карпатскому предгорью, въ Червонную Русь. Сюда, въ столицу червоннорусскихъ князей Романа и Данила, и переносится на нѣкоторое время центръ южнорусской жизни. Но львовскимъ князьямъ не удалось создать сильнаго государства. Въ XIV столѣтіи Червонная Русь присоединена была къ Польшѣ, а остальная часть южнорусской области: Подоль, Кіевщина, тогдашняя Украина, вошли въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Правда, это литовское княжество было въ дѣйствительности русское княжество; здѣсь господствовали южно-русская образованность и южно-русскій языкъ. И послѣ того, какъ литовскіе князья одержали верхъ надъ татарской силой и отбросили ее къ самымъ берегамъ Чернаго моря, наступала, казалось, новая эра для развитія самобытнаго южно-русскаго государства. Но къ этому вре-

мени выросла уже Польша, которой не затопила монгольская волна и которая продолжала развиваться въ близкомъ соприкосновенiи съ западно-европейскимъ мiромъ. Въ 1386 году Польша и Литва соединились подъ властью литовскаго князя Ягелло, женившагося на наслѣдницѣ польской короны Ядвигѣ. Оба го ударства сохраняли свою полную самостоятельность: въ Литвѣ продолжалъ княжить старый княжескiй родъ, а Польша избирала себѣ въ короли литовскаго князя. Личная унiя съ теченiемъ времени переходитъ въ полное государственное объединенiе, а высшая культура естественно даетъ перевѣсъ полякамъ. Въ 1476 году уничтожается удѣльное Кiевское княжество; оно превращается въ простое воеводство. Въ 1569 году по Люблинской гражданской унiи вся южно-русская область присоединяется непосредственно къ Польшѣ, становится провинцiею Польши, хотя и на правахъ равной и свободной страны и съ полнымъ сохраненiемъ вѣры, языка, законовъ, нацiональности. Но это бумажное равенство и свобода прикрывали совершившееся уже порабощенiе. Вскорѣ послѣ Люблинской унiи открывается столѣтняя казацко-шляхетская война; она истощила силы обоихъ народовъ и привела въ концѣ концовъ къ гибели старую Польшу «отъ моря до моря».

Характерную особенность Рѣчи Посполитой въ это время составляло рѣзкое раздѣленiе народа на два класса: своевольствующее шляхетство и порабощенное хлопство. Правда, подобное раздѣленiе существовало въ тѣ времена повсюду въ Европѣ; но едва ли можно указать другую страну, гдѣ бы противоположность между этими двумя общественными классами была такъ велика, какъ въ старой Польшѣ. И, любопытно, причина тому лежала не столько въ угнетенности и безправности закрѣпощеннаго крестьянства, сколько въ чрезвычайной полноправности и независимости шляхетства. Крестьяне въ Польшѣ, какъ и вездѣ, представляли тогда просто орудiе производства, человѣческiй инвентарь владѣльческаго помѣстья; они были порабощены, угнетены и отданы всецѣло во власть помѣщиковъ, какъ и вездѣ; въ этомъ отношенiи не было особенно значительнаго различiя между «хлопами» различныхъ странъ Европы. Но шляхтичъ, панъ, магнатъ являлся въ Польшѣ не только полновластнымъ господиномъ, феодаломъ, маленькимъ царькомъ въ своихъ помѣстьяхъ, но и полновластнымъ, можно сказать, даже своевольнымъ вершителемъ судебъ всей Рѣчи Посполитой. Въ вѣка господства физической силы всякiй дѣйствительно сильный человѣкъ, достаточно богатый, чтобы собрать около себя силу, достаточно отважный и предпрiимчивый, можетъ стать вершителемъ

судьбы своего отечества. Всѣмъ хорошо извѣстны безпрестанныя и кровопролитныя распри королей съ ихъ, якобы, подданными феодалами,—распри, заполняющія исторію среднихъ вѣковъ. Но нигдѣ въ Европѣ въ ту пору, да и въ позднѣйшія времена отдѣльный представитель господствующаго класса не пользовался такимъ безусловнымъ *правомъ* рѣшать судьбы своего отечества, какъ liberum veto польскаго шляхтича, это всеуничтожающее «не позволю», которымъ пріостанавливалось любое рѣшеніе сейма. Политическое право, какъ и политическое безправіе, является всегда выраженіемъ существующаго соотношенія между различными общественными силами; это — форма, получающая свое значеніе въ зависимости отъ содержанія, отъ матеріальной и духовной жизни народа. Экономическая же и духовная жизнь польскаго общества въ XVI вѣкѣ стояла на чрезвычайно низкомъ уровнѣ развитія. Въ экономическомъ отношеніи мы видимъ самое жестокое порабощеніе трудящагося класса, а въ духовной — господство іезуитизма. Естественно, что и liberum veto, это быть можетъ идеальнѣйшее изъ идеальныхъ правъ, питаемое съ одной стороны экономическимъ, а съ другой—духовнымъ насиліемъ, превращается само въ своего рода насиліе—въ безграничное своеволіе. Нѣтъ такой алхиміи, говоритъ Спенсеръ, при помощи которой изъ свинцовыхъ инстинктовъ можно было бы создать золотое поведеніе. И политическая алхимія даже съ ея liberum veto не могла выработать изъ польскаго шляхетства ничего, кромѣ своевольныхъ насильниковъ, въ крови народной потопившихъ свою самобытность и самостоятельность.

Liberum veto лежало, такъ сказать, на самомъ днѣ той пропасти, которую польское шляхетство старательно рыло между собою и народомъ. Даже при полной національной однородности государственнаго тѣла и единой религіи такое глубокое разъединеніе общественныхъ классовъ не обошлось бы безъ жестокихъ внутреннихъ потрясеній. Но Польша въ XVI вѣкѣ далеко не представляла единаго тѣла. Русскіе и послѣ присоединенія къ Польшѣ продолжали сохранять свою національность и религію, а они занимали тогда громадныя пространства на востокѣ и югѣ Рѣчи Посполитой. Правда, верхній слой русскаго народа сталъ быстро ополячиваться: онъ усвоивалъ польскую культуру, переходилъ въ католичество и получалъ всѣ шляхетскія права; но тѣмъ крѣпче простой народъ стоялъ за свою національность и вѣру, такъ какъ потеря того и другого означала бы безповоротное обращеніе въ хлоповъ. Экономическія условія играли громадную роль, какъ въ покладливости верхняго слоя, такъ и въ строптивости и непримиримости нижняго.

Національная же и религіозная рознь снимала, такъ сказать, завѣсу съ глазъ и развязывала руки на борьбу.

Въ до-статутовый періодъ право на землю въ Литовскомъ княжествѣ принадлежало великому князю; поэтому землевладѣніе было одинаково условно для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія и не составляло собственно ничьей привилегіи; всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами; всѣ земли были обложены въ пользу великаго князя повинностями; большинство земледѣльческаго населенія сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось своимъ общиннымъ судомъ. Но со времени установленія уніи между Литовскимъ княжествомъ и Польшей, въ Литвѣ и на Руси начинаютъ распространяться польскіе порядки, и положеніе крестьянъ значительно ухудшается. Первымъ дѣломъ изъ рукъ великаго князя ускользаетъ право собственности на землю; она становится фактически достояніемъ шляхты; къ ней же переходятъ судъ и расправа надъ крестьянами, превращающимися въ «подданныхъ» можновластнаго пана. Такъ, еще по статуту 1529 года «права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли, если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю, были болѣе или менѣе обезпечены и прочны». Но уже статутъ 1566 года начинаетъ строго преслѣдовать всякое притязаніе крестьянъ на участіе въ землевладѣніи и гарантируетъ имъ только право на движимость. Этотъ процессъ перехода земли въ собственность шляхты и превращеніе свободнаго крестьянина въ польскаго подданнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перехода всей юридической и административной власти въ руки той же шляхты совершался быстрѣе въ сопредѣльныхъ съ Польшею областяхъ, на Литвѣ, чѣмъ въ Поднѣпровьѣ и въ отдаленныхъ южныхъ степяхъ, куда медленно, но неуклонно подвигалась южно-русская колонизація. Поэтому и гнетъ шляхетскаго господства давалъ себя чувствовать гораздо сильнѣе въ Полѣсьѣ или на Волынѣ, чѣмъ на Украинѣ. Порабощеніе литовскихъ крестьянъ одинъ современникъ сравниваетъ съ татарской неволей и упрекаетъ литовскихъ пановъ за то, что они мучатъ, уродуютъ и убиваютъ безъ всякаго суда своихъ людей. Каково же вообще было положеніе крестьянина въ Польшѣ, лучше всего видно изъ свидѣтельствъ, оставленныхъ современниками.

«Нѣтъ государства,—говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга, — гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ, подъ безпредѣльною властью шляхты. Разгнѣванный земянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отнимаетъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и самого убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурного не по-

терпитъ». «Крестьяне въ Польшѣ,—говоритъ другой современникъ,—мучатся, какъ въ чистилищѣ, въ то время, какъ господа ихъ блаженствуютъ, какъ въ раю».

Крестьянинъ отбывалъ панщину, отдавалъ дѣтей своихъ въ дворовую службу, трижды въ годъ доставлялъ своему владѣльцу натурою зерно, всякую живность; со всего имущества (быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ) отдавалъ десятую часть; кромѣ того это же имущество было обложено еще всевозможными пошлинами: *очковое* платилось съ каждаго улья, *рогатое*—съ каждаго вола, *ставщина*—за право ловить рыбу, *спасное*—за право пасти скотъ, *жолудное*—за право собирать жолуди, *сухомельщина*—за помолъ муки; *дудокъ* платился при рожденіи ребенка, *поемщизна*—при женитьбѣ сына или выдачѣ замужъ дочери и т. д. Однимъ словомъ, каждый шагъ крестьянина былъ обложенъ всевозможнаго рода платежами, деньгами и натурой въ пользу пана.

Тѣмъ не менѣе театромъ казацкошляхетской борьбы была именно Украина, т. е. провинція, наименѣе сравнительно угнетенная панами, и именно потому, что народъ здѣсь не былъ еще окончательно задавленъ. Кромѣ того Украина представляла самую отдаленную провинцію, почти неизвѣстную полякамъ; едвали бы даже они могли указать пограничную линію, гдѣ оканчивались владѣнія Польши и начинались кочевья татаръ. Это былъ, однимъ словомъ, обширнѣйшій аванпостъ, занятый передовыми колонизаціонными отрядами южноруссовъ, возвращавшихся на свои стародавнія пепелища,—аванпостъ, лишенный всякихъ удобствъ культурной жизни и гдѣ самая жизнь подвергалась безпрестанной опасности. Понятно, что такая страна, какой бы роскошью и богатствомъ природы она ни отличалась, не могла представляться особенно заманчивой для шляхты. Затѣмъ Украина естественно стала сосредоточьемъ всякаго бѣглаго и безпокойнаго люда, неужившагося съ шляхетскими распорядками во внутреннихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. Сюда бѣжалъ крестьянинъ отъ гнета шляхтича, горожанинъ—отъ притѣсненій старосты и воеводы, мелкій шляхтичъ—отъ самовольства магната, а въ иныхъ случаяхъ даже магнатъ, подвергнувшійся баниціи. Такой народъ не могъ конечно пассивно относиться къ посягательствамъ на свой трудъ и свою свободу, а посягательства не замедлили проявиться, какъ только жизнь въ этой пограничной области получила нѣкоторую устойчивость. Такъ, въ сеймовомъ постановленіи 1590 года, изданномъ отъ имени короля, читаемъ:

«Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ, лежащихъ впустѣ, нашихъ владѣній на Украинскомъ пограничьѣ за Бѣлой Церковью. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и прино-

сили какую нибудь пользу, мы, на основаніи представленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни по нашему усмотрѣнію въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за заслуги передъ нами и Рѣчью Посполитою».

И дѣйствительно, со времени возстанія Богдана Хмельницкаго мы встрѣчаемъ польскихъ магнатовъ, довольно прочно осѣвшихъ уже даже въ лѣвобережной Украинѣ и захватившихъ здѣсь въ свои руки десятки городовъ и сотни селеній. Однако народъ уходилъ на Украину не затѣмъ, чтобы спокойно надѣть на себя ярмо панщины, когда шляхтичамъ вздумается прекратить тѣ льготы, которыми они заманивали на поселенье. Здѣсь на поляхъ свободолюбивой Украины южнорусскій народъ вступилъ въ кровавую борьбу съ польской шляхтою. Кто же становится во главѣ этой народной борьбы? Кто подымаетъ до ясно сознанной идеи смутныя, инстинктивныя стремленія народа? Кто наконецъ организуетъ борьбу и руководитъ ею? Южно-русская интеллигенція, лучшіе люди своего народа, сохраняющіе свою кровную связь съ нимъ? Увы, гдѣ она эта южно-русская интеллигенція или потому времени аристократія? Родовитыхъ русиновъ прельстило положеніе польскихъ магнатовъ, они потянулись къ польской культурѣ, принимали католичество и совсѣмъ порывали связь съ своимъ народомъ. Да кромѣ того эта аристократія въ описываемую эпоху вовсе не представляла уже лучшихъ людей своего народа. Вотъ какъ отзываются современники о польскомъ и ополячившемся дворянствѣ того времени...

«Никто не хочетъ жить трудомъ,—говоритъ Старовольскій,—всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить; заработки убогихъ людей, собранные съ ихъ слезами, иногда со шкурой, истребляютъ они какъ гарпіи или саранча: одна особа съѣдаетъ въ одинъ день столько, сколько множество бѣдняковъ заработаютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо»... Или вотъ отзывъ московскаго бѣглеца Курбскаго о польской аристократіи. «Вельможи,—говоритъ онъ,—знаютъ только пить, да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву, и Константинополь, и еслибы даже на небо забился турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проспятся, встанутъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ, за кубки и болтаютъ съ своими пьяными бабами, изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагами и, походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ татаръ въ лѣсахъ, какое нибудь имѣніе или скотъ,—все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ».

Таково было польское дворянство еще до возстанія Богдана Хмельницкаго, и эта характеристика вполнѣ подтверждается много-

численными эпизодами изъ эпохи самаго возстанія. Таково было и русское дворянство. Естественно, что оно не только не могло руководить борьбой южнорусскаго народа, но даже не сочувствовало ей. Нѣкоторые изъ пановъ оставались еще православными и интересы вѣры не были имъ совершенно чужды; но лучшіе изъ нихъ были или уже слишкомъ сдержаны, величавоспокойны, какъ князь Острожскій, или же увертливы и хитроумны, какъ Адамъ Кисель. Вообще можно сказать, что русской аристократіи, въ смыслѣ верхняго культурнаго слоя, какъ отдѣльнаго класса, уже не существовало въ эпоху казацкихъ войнъ. Поэтому намъ и нечего сказать о ея роли въ этомъ дѣлѣ. Городскому сословію, довольно сплоченному и политически развитому, благодаря своему древнему общинному быту, а затѣмъ магдебургскому праву, было собственно мало дѣла до гнета, испытываемаго крестьянствомъ, и до всякихъ счетовъ между шляхтою и хлопствомъ; а какъ люди ремесленные, коммерческіе, они всегда становились на сторону порядка. Но тутъ затрогивался еще религіозный вопросъ, шла борьба между православіемъ и католицизмомъ, и въ этомъ отношеніи горожане оказались не такъ покладливы, какъ дворяне. Они крѣпко стояли за свою вѣру и организовались въ извѣстныя братства. Объ нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Въ политическо-экономической же борьбѣ южнорусскаго народа они, горожане, какъ сословіе, не играли замѣтной роли.

Итакъ народъ, въ узкомъ смыслѣ слова, былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ. Однако, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, у народа этого сложилась своеобразная организація, на которую и пала трудная задача вѣковой борьбы съ сильнымъ и побѣдоноснымъ нѣкогда государствомъ. Во главѣ народнаго движенія стали казаки и по мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба, крестьянство переходило все большими и большими массами въ казачество. И были моменты, когда вся возставшая Украина представляла, казалось, одинъ казацкій станъ и подчинялась одному казацкому режиму. Что же такое представляло собою казачество и какъ оно возникло?

Съ того времени, какъ татары завладѣли крымскимъ полуостровомъ и черноморскимъ побережьемъ, южныя окраины Польскаго государства, т. е. русскія области, подвергались безпрестаннымъ опустошеніямъ. Здѣсь не было никакой опредѣленной рѣзкой границы. Безпредѣльная степь, раскинувшаяся во всѣ стороны, сохраняла еще почти всю свою первобытную дикость. Она то волновалась высокой густой травой, въ которой легко могъ укрываться всадникъ и которая кишѣла массой всякой дичи, то превращалась въ безжизненную выжженную равнину. Нельзя сказать, чтобы она безмол-

ствовала, такъ какъ тысячи звуковъ, производимыхъ насѣкомыми, птицами и т. п., сливались въ одинъ шумъ, но здѣсь рѣдко раздавался голосъ человѣческій. Вотъ пробирается татарскій загонъ на Украину. Всадники медленно и осторожно, молча, подвигаются впередъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ запасныхъ лошадей. Приближаясь къ русскимъ поселеніямъ, загонъ раздѣляется на четыре отряда: одинъ изъ нихъ направляется на сѣверъ, другой на югъ, третій—на востокъ, четвертый—на западъ; отъѣхавши на нѣкоторое разстояніе, каждый отрядъ разбивается на три группы и разъѣзжается въ три разныя стороны; затѣмъ каждая группа снова распадается на три шайки. Все это дѣлается съ той цѣлью, чтобы быстро осмотрѣть мѣстность и затѣмъ напасть врасплохъ на врага. Сдѣлавши свое дѣло, высмотрѣвши мѣстность, каждая шайка возвращается въ условленное мѣсто и весь загонъ выжидаетъ удобнаго времени для нападенія. Стремительно, съ дикимъ крикомъ набрасываются татары на намѣченныя села, захватываютъ скотъ, имущество, людей и быстро бросаются въ обратный путь. И степь умолкаетъ. Притоптанная трава подымается, и трудно отыскать даже слѣдъ недавняго набѣга. Татары составляли одну стихію съ степью, и, чтобы успѣшно бороться съ ними, необходимо было создать своеобразную организацію, совершенно отличную отъ обычной военной организаціи того времени.

По мѣрѣ того, какъ русско-польская колонизація подвигалась все далѣе и далѣе на югъ столкновенія съ этими степовиками, естественно, должны были все болѣе и болѣе учащаться. Съ одной стороны, татары не хотѣли знать никакой границы; они привыкли свободно кочевать по всей необъятной степи; съ другой, близость—добычи, близость украинскихъ поселеній, надвигавшихся все ближе и ближе къ ихъ кочевьямъ, соблазняла и возбуждала татарскую удаль. Въ XV вѣкѣ наиболѣе значительные набѣги отмѣчены лѣтописью подъ годами: 1416, 1447, 1452, 1453, 1457, 1462, 1469; въ XVI вѣкѣ—подъ годами 1516, 1532, 1537, 1538, 1550, 1558, 1566, 1593,—вообще же не проходило года, чтобы татарскіе загоны не появлялись въ той или другой мѣстности и не подвергали страну опустошенію. Въ годы большихъ набѣговъ татары творили, какъ выражается лѣтопись, «многія пакости». Они уводили по 5, 8, 15, а случалось и свыше 50 тысячъ человѣкъ въ неволю. Послѣ набѣга 1593 г. въ Луцкомъ повѣтѣ оставалось до 1601 г. 269 разрушенныхъ мѣстечекъ и селеній.

Къ тому же эти хищники, причинявшіе страшный матеріальный уронъ, были нехристы, былъ тотъ врагъ, противъ котораго ополчилась и вся католическая Европа. Они находились въ зависимости отъ Турціи и представляли, можно сказать, ея передовыя полчища.

Непримиримая борьба съ ними считалась святымъ дѣломъ. Какъ тамъ, въ Европѣ, такъ и здѣсь, въ украинскихъ степяхъ, лицомъ къ лицу стояло два міра: міръ христіанскій и міръ мусульманскій, и послѣдній, воодушевленный дикой отвагой, съ обнаженнымъ мечомъ грозилъ покорить подъ власть Ислама невѣрныхъ гяуровъ. Долго длилась эта борьба и большихъ жертвъ стоила она христіанскимъ народамъ. На долю нашей Украины выпала самая неблагодарная роль. Главная арена борьбы была въ средней Европѣ: тамъ происходили громкія побѣды и громкія пораженія; тамъ герои, признанные исторіей и увѣнчанные лаврами. Что же касается Украины, то одно только небо, да молчаливая степь съ своими курганами были свидѣтелями ежедневной неустанной борьбы, которую выдерживали здѣсь наши предки. Сѣренькая, не громкая, не эффектная борьба эта требовала въ дѣйствительности бо̀льшей отваги, бо̀льшаго напряженія, чѣмъ шумныя сраженія громадныхъ армій по ту сторону Карпатскихъ горъ. Но чего не сдѣлали присяжные лѣтописцы и историки, сдѣлалъ самъ народъ. Онъ въ своихъ думахъ воспѣлъ свою борьбу, свои страданія и побѣды, и эти думы останутся навѣки лучшимъ памятникомъ его былого героизма. Итакъ, мусульманскій міръ въ лицѣ степного хищника-татарина встрѣтилъ должный отпоръ со стороны христіанскаго міра, въ лицѣ украинскаго казака, который долгое время велъ, можно сказать, одинъ борьбу съ врагомъ и удерживалъ его натискъ на Польшу, пока объединившаяся Русь не завладѣла самымъ его гнѣздомъ—Крымомъ.

Безлюдная степь со своимъ громаднымъ просторомъ, темно синимъ небомъ и палящимъ солнцемъ, беззащитная граница, безпокойный врагъ-наѣздникъ, налетавшій точно саранча на села и города, вѣра, дѣлавшая борьбу упорной и придававшая ей возвышенный характеръ, наконецъ отсутствіе какихъ либо систематическихъ мѣропріятій со стороны Рѣчи Посполитой для защиты степной границы—вотъ условія, благодаря которымъ зарождается и развивается казачество. Далеко не сразу казачество нашло свой центръ и приняло сколько нибудь организованный видъ. Сначала это были вѣроятно бродячія, случайно собиравшіяся ватаги удальцовъ, которые отваживались преслѣдовать татаръ въ безлюдной степи и проникали до ихъ жилья. Боевая, наѣздническая жизнь не располагала къ земледѣльческому труду, а просторная, богатая роскошной растительностью степь манила каждаго, кому только посчастливилось съ добычей возвратиться назадъ. Тамъ, въ степи можно было заняться скотоводствомъ, звѣроловствомъ, рыболовствомъ въ низовьяхъ Днѣпра, наконецъ торговлей, такъ какъ тамъ же проходилъ

путь изъ Турціи и вообще побережья Чернаго моря въ Московію и Польшу. И лихой наѣздникъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ становился пастухомъ, рыболовомъ, торговцемъ и т. п. Эти своевольныя ватаги на время своихъ предпріятій составляли «кошъ» *) и выбирали себѣ «атамана», которому подчинялись безусловно.

Такимъ образомъ вошло въ обыкновеніе среди пограничнаго украинскаго населенія *ходить въ казаки*. Этой повадкой пользовались между прочимъ и старосты сторожевыхъ королевскихъ замковъ, а также порубежные магнаты. Они сзывали къ себѣ охотниковъ показаковать, нерѣдко становились сами во главѣ ватаги и ударяли на врага. Въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ уже прямыя указанія лѣтописцевъ на такихъ предводителей и устроителей казачества: это были — хмельницкій староста Ляндскоронскій, черкасскій и каневскій староста Дашковичъ и позднѣе Дмитрій Вишневецкій. Средоточіемъ казачества становятся Черкассы, древнѣйшій городъ южной Руси, и Каневъ. Всѣ эти предводители принадлежали къ людямъ «мѣтнымъ» (знатнымъ), какъ выразился московскій царь по поводу Дашкевича. Они поняли, какую службу могутъ сослужить казаки Польшѣ въ ея естественномъ движеніи на югъ, къ Черному морю, и обращались къ правительству съ предложеніемъ дать казачеству постоянную организацію; польскій сеймъ одобрялъ сначала эти планы, проектировалъ устройство рыцарской школы за днѣпровскими порогами, но дальше разговоровъ дѣло не шло. Можетъ-быть его пугало слишкомъ независимое положеніе этихъ «мѣтныхъ» порубежниковъ. Они позволяли себѣ свободно переходить со службы польскому королю на службу къ московскому царю и даже турецкому султану. Съ другой стороны, казаки затѣвали свои набѣги на татаръ, даже въ Турцію, иногда совсѣмъ не во-время для польскаго правительства: поляки заключаютъ *вѣчный* миръ, а казаки не унимаются и громятъ не только татарскія кочевья, но и побережные черноморскіе города, находившіеся тогда во власти турокъ. Польское правительство не только не обнаруживало никакой охоты воспользоваться этимъ непреодолимымъ, какъ оказалось, стремленіемъ народа къ казачеству въ своихъ государственныхъ интересахъ, но даже всячески старалось затормозить его. Но невозможно пріостановить образованіе пара, если вы будете постоянно подбрасывать дрова подъ котелъ съ водою. Панскій гнетъ постепенно подвигался изъ внутрен-

*) Кошъ — «всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ, или на дорогѣ, отдѣльная кибитка, лагерь, остановище, сборное мѣсто».

нихъ областей на Украину; религіозная рознь между католиками и православными обострялась; русская національность, представителями которой оставались крестьяне да духовенство съ мѣщанами, попиралась. Въ отвѣтъ на все это народъ все бо́льшими и большими массами уходилъ въ казаки, разсыпался по степи, спускался къ низовью Днѣпра и велъ здѣсь кочевую, полуосѣдлую жизнь, въ вѣчной тревогѣ за самое свое существованіе, но зато во всякомъ случаѣ велъ жизнь вольную. Скоро само собой возникло и средоточіе, центръ этой вольной жизни. Чего не хотѣли сдѣлать польскіе короли, сдѣлалъ самъ народъ. Онъ устроилъ пониже днѣпровскихъ пороговъ свою *Сѣчу запорожскую*. «Сичь—маты, а Великій Лугъ—батько,—говорили запорожцы,—тамъ слѣдуетъ жить, тамъ слѣдуетъ и умирать». Дѣйствительно, запорожская сѣчь, свободно созданная самимъ народомъ и не регламентированная никакимъ внѣшнимъ правительственнымъ законамъ, была колыбелью, въ которой выростала казацкая свобода, казацкая сила и казацкая слава. Безъ запорожской сѣчи трудно себѣ представить эти постоянныя возстанія, эту кровопролитную вѣковую борьбу; и положительно не возможно представить торжество разъединеннаго, угнетеннаго, лишеннаго своихъ лучшихъ культурныхъ силъ народа надъ государствомъ, хотя и повинномъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ шляхетскаго своеволія, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще достаточно сильнаго, чтобы одерживать побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ. Въ началѣ Сѣчь запорожская служила однако для совершенно иной цѣли. Когда собственно возникла первая сѣчь и какъ образовалась она, мы не знаемъ. Но кѣмъ бы ни пополнялась сѣчь и по какимъ бы мотивамъ люди ни шли сюда, несомнѣнно, что она представляла самый передовой оплотъ христіанскаго земледѣльческаго населенія противъ мусульманскихъ кочевыхъ народовъ. Пока русскій народъ не вступилъ въ смертельную борьбу съ польской шляхтой, сѣчь служила главнымъ образомъ центромъ народной самозащиты отъ хищника «бусурманской» вѣры. Это былъ въ своемъ родѣ монашескій орденъ, какой могло создать при данныхъ условіяхъ мѣста и времени крестьянство во всей своей грубой непосредственности.

На Запорожье свободно могъ приходить всякій, даже «бусурманинъ»; здѣсь никто не спрашивалъ у него документовъ; но, вступая въ товарищество, всякій давалъ обѣтъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Въ этомъ отношеніи характерно обычное воззваніе, съ какимъ казаки обращались къ народу, затѣвая походъ противъ татаръ или турокъ: «Кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, — взывали они, — кто хо-

четъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ принять всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти, приставай къ намъ!». Тутъ дѣло шло не о «панствѣ великомъ» и не о «лакомствѣ несчастномъ», какъ говорится въ одной украинской народной думѣ, а о самой смерти. Отъ желавшихъ поступить въ товарищество не требовали никакихъ вкладовъ, никакого имущества: все это была въ подавляющей массѣ — настоящая голь; недвижимая собственность не признавалась вовсе, движимою же (каковую составляло награбленное добро, а позднѣе скотъ у тѣхъ, кто проживалъ въ такъ называемыхъ паланкахъ) каждый распоряжался по своему усмотрѣнію. Въ товарищество поступали и холостые, и женатые, но никому подъ страхомъ смертной казни не дозволялось приводить женщинъ на сѣчу: здѣсь соблюдалось полное цѣломудріе: за блудъ жестоко наказывали палочными ударами. Воровство также преслѣдовалось безпощадно: «за едино путо вѣшаютъ на древѣ». Самое безчеловѣчное насиліе и разбой дозволялись на войнѣ, но за нападенія на мирныя христіанскія поселенія казнили смертной казнью. Жили сѣчевые запорожцы въ куреняхъ, длинныхъ казармахъ, выстроенныхъ изъ дерева. «Вотъ тоби и домовина»,—говорилъ куренный атаманъ новичку, отводя ему мѣсто въ 3 аршина длины и 2 аршина ширины. Каждый курень имѣлъ своего кашевара и трапеза совершалась за общимъ столомъ. Пища была самая простая: соломаха, тетеря и щерба (ржаная мука, вода и рыба въ различныхъ соединеніяхъ)—вотъ и всѣ обычные деликатесы ихъ стола. Зато разнаго рода «пьяные напитки» выпивались въ изрядномъ количествѣ, въ особенности послѣ удачныхъ походовъ. Всѣ внутренніе распорядки покоились на общинномъ началѣ «товариства». На общей радѣ, вѣчѣ, каждый запорожецъ имѣлъ одинаковый голосъ: здѣсь соблюдалось полнѣйшее равенство между всѣми, начиная съ сѣчевой «старшины» и кончая простой «сироматней». Всѣ важнѣйшіе вопросы рѣшались радой; она же выбирала начальниковъ: кошевого атамана, полкового писаря, асауловъ и т. д. Во всѣхъ случаяхъ строго проводилось подчиненіе избраннымъ лицамъ; но эти послѣдніе, не исключая и кошевого атамана, во-первыхъ, дѣйствовали постоянно на виду всего товариства, а во-вторыхъ, должны были отдавать отчетъ по окончаніи своихъ полномочій. Съ теченіемъ времени жизнь Запорожской сѣчи развивалась, усложнялась,—развивался и ея правительственный механизмъ. Здѣсь мы отмѣтили только существенныя черты, которыя обнаружились на первыхъ же порахъ. Кромѣ собственно Сѣчи, многіе казаки, принадлежавшіе къ «славному войску запорожскому», жили по хуторамъ на земляхъ,

входившихъ въ составъ войсковыхъ вольностей. Здѣсь они могли вести уже семейную жизнь и заниматься земледѣльческимъ хозяйствомъ. Территорія же, принадлежавшая войску запорожскому въ позднѣйшую эпоху (при Екатеринѣ), обнимала всю теперешнюю Екатеринославскую губернію, три примыкающіе уѣзда Херсонской, часть Днѣпровскаго уѣзда Таврической и часть Изюмскаго—Харьковской губ. Какъ видите, это было цѣлое маленькое государство, казацкая республика, первоначальную ячейку котораго составляло нѣчто вродѣ монашескаго ордена,—государство, предпринимавшее на свой страхъ войны и дружившее, съ кѣмъ хотѣло: съ Польшей, Московіею, Туречиной. Кулишъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ общій складъ запорожскаго товарищества:

«Мрачное чувство отчужденія отъ свѣта и обычныхъ утѣхъ сказывалось въ запорожскомъ быту. Запорожская веселость, которою низовые братчики гордились и хвалились, которую вмѣняли молодежи своей въ обязанность, была веселость трагическая, происходящая отъ разочарованія въ жизни, и постоянно сопровождалась иронією или сарказмомъ въ знакъ презрѣнія къ ея обманчивымъ благамъ. Опасность висѣла у запорожца надъ головой каждую минуту, жизнь его была крайне необезпечена и отсюда равнодушіе къ смерти, которымъ запорожскіе казаки постоянно удивляли своихъ наблюдателей. Въ основѣ сѣчевого братства лежалъ своего рода аскетизмъ. Онъ выражался главнымъ образомъ въ готовности на смерть, въ спартанскомъ перенесеніи физическихъ страданій, въ совершенномъ равнодушіи ко всему, чѣмъ дорожитъ человѣкъ въ быту обыкновенномъ».

Запорожская сѣча нѣсколько разъ перемѣняла свое мѣсто, послѣ неудачной попытки Вишневецкаго устроить ее на островѣ Хортицѣ; но она всегда устраивалась пониже днѣпровскихъ пороговъ. Сѣча составляла центръ, куда уходили люди, почему либо вынужденные покинуть свои отцовскіе «грунты». Но кромѣ Запорожья, масса казаковъ проживала на Украинѣ, въ нынѣшнихъ Кіевской, Полтавской и южной части Подольской губерніи.

Стефанъ Баторій (1575 — 1586 гг.), вступивъ на польскій престолъ, обратилъ серьезное вниманіе на казачество, уже сильно развившееся къ тому времени и не хотѣвшее признавать никакихъ польскихъ властей. По время было упущено, чтобы совладать съ казаками и заставить ихъ служить на пользу польской народности: во первыхъ, ихъ было много и, во-вторыхъ, они привыкли уже къ свободѣ. Баторій попробовалъ примѣнить извѣстное правило: разъединяй и властвуй. Онъ предписалъ составить реестръ казакамъ и опредѣлилъ число ихъ всего только въ 6 тысячъ; ихъ гетману Федору Богданкѣ онъ послалъ въ знакъ своей благосклонности бунчукъ, булаву, знамя, войсковую печать и утвержденіе, какъ гет-

мана, такъ и старшинъ. Всѣ же остальные казаки должны были мало по малу обратиться опять въ холоповъ. Но этотъ маневръ не удался. Признанные казаки, въ лицѣ своего гетмана, благодарили за присланные подарки, но продолжали держаться независимо и не признавали надъ собой начальства польскаго главнокомандующаго. Безъ разрѣшенія короля они отправились подъ предводительствомъ Подковы на войну съ турками и овладѣли Молдавіею, находившеюся въ вассальной зависимости отъ Турціи. Султанъ требовалъ, чтобы король унялъ своихъ казаковъ. Но польскій коронный гетманъ не въ состояніи былъ сдѣлать это. Наконецъ уговорили Подкову ѣхать къ королю и оправдать свои дѣйствія, причемъ ему гарантировалась безопасность. Однако король не принялъ его, а велѣлъ заковать въ оковы и затѣмъ казнить. Казаки не могли примириться съ такимъ вѣроломствомъ и готовы были воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы отомстить полякамъ. Такимъ образомъ взаимная вражда разгоралась. Преемникъ Баторія, Сигизмундъ III (1587 — 1632), еще круче взялся за стѣсненіе казацкихъ вольностей. Такъ какъ мѣщане и хлопы продолжали уходить въ казаки, то постановлено было завести особыхъ урядниковъ, которые наблюдали бы, чтобы никто не бѣгалъ на Сѣчу и вообще въ понизовье Днѣпра, и построить на Днѣпрѣ городокъ. Запрещалось продавать простому народу оружіе и всякіе военные припасы: порохъ, селитру и т. п. Наконецъ отмѣнялось казацкое выборное начало: казаки должны были находиться подъ властью короннаго гетмана, назначаемаго королемъ, а коронный гетманъ назначаетъ уже по своему усмотрѣнію казацкую старшину. Все это можно было продѣлать съ реестровыми казаками, но какъ было совладать съ той массой непризнаннаго казачества, которая въ свою очередь не хотѣла признавать никакихъ распоряженій короля и отвѣчала на нихъ возстаніями и къ которой однако неудержимо тяготѣлъ весь народъ?

Мы знаемъ, какъ усиливался постепенно экономическій гнетъ въ южной и югозападной Руси, какъ русскіе дворяне перерождались въ польскихъ магнатовъ и шляхтичей, а народъ—въ хлоповъ, какъ стѣснялась свобода того многочисленнаго класса, который не превращался ни въ шляхту, ни въ хлопство и, оставаясь самобытнымъ, готовъ былъ всякую минуту отстаивать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ. Наряду съ этими причинами, вызывавшими непримиримую вражду между Русью и Польшею, слѣдуетъ поставить еще одну: посягательство на совѣсть, это одно изъ возмутительнѣйшихъ проявленій насилія. Поляки, разжигаемые іезуитами, хотѣли всѣхъ русскихъ сдѣлать католиками, съ каковой цѣлью задумали

устроить церковную *унію*. Русское дворянство противилось ей, но оно было уже ослаблено переходами знатнѣйшихъ фамилій въ католичество. Православное духовенство находилось въ дезорганизованномъ состояніи. Король пользовался неограниченнымъ правомъ раздавать епископіи и монастыри. Эти мѣста расхватывали обыкновенно шляхтичи знатныхъ фамилій, имѣя въ виду одни матеріальные интересы. Иногда на одно и то-же мѣсто оказывалось нѣсколько претендентовъ, и они вступали между собою въ открытый бой. Ничего нѣтъ страннаго, что такіе епископы распоряжались церковнымъ имуществомъ, какъ своею собственностью, отдавали его въ приданое за дочерьми и т. д.; они не прочь были заняться даже грабежемъ, дѣлали наѣзды на шляхтичей, оказывали вооруженное сопротивленіе предписаніямъ короля. Интересы же православія и народа для нихъ были дѣломъ послѣднимъ. Польскіе магнаты и польскіе прелаты могли въ своей католической ревности доходить до геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, луцкій староста Симашко приказываетъ брать «мыто» за входъ въ соборную церковь съ духовенства и народа по грошу и по два гроша съ человѣка или даже вовсе не пускать въ церковь; въ страстную субботу и святое воскресенье онъ устраиваетъ въ притворахъ церкви танцы и иныя игры, а гайдукамъ своимъ приказываетъ стрѣлять въ церковный куполъ и крестъ. Жалобы епископа оставались безъ послѣдствій. Ему прямо даютъ почувствовать, что слѣдуетъ принять унію и тогда всѣ преслѣдованія кончатся. Нужно было обладать ясной совѣстью и сильной волей, чтобы упорствовать при такихъ условіяхъ. Наконецъ высшіе православные іерархи, въ лицѣ Тарлецкаго, Потѣя и др., учинили, хотя и фальсифицированную, унію. Въ 1594 г. епископъ луцкій со всѣмъ соборнымъ духовенствомъ внесъ въ городскія актовыя книги документъ, въ которомъ между прочимъ говорится:

«По волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, пана нашего милостиваго Сигизмунда III, и ихъ милостей пановъ сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между двумя церквами, восточной и западной, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ».

А въ 1595 г. Сигизмундъ III издалъ манифестъ. Въ немъ ясно просвѣчивается не только религіозное, но и политическое значеніе уніи, какъ дѣйствительнаго средства для сліянія двухъ народовъ.

«Наше величайшее желаніе,—говоритъ король,—состоитъ въ томъ, чтобы мы могли пребывать съ своими подданными въ единой вселенской церкви,

подъ однимъ истиннымъ пастыремъ, чтобы славить Бога едиными устами и единымъ сердцемъ, чтобы, пребывая въ такомъ соединеніи, по долгу христіанства, водворять въ народахъ одной и нераздѣльной Рѣчи Посполитой согласіе, единство и любовь, эти верховныя и общія блага, и чтобы тѣмъ *сохранить и укрѣпить цѣлость государственнаго союза*».

Вѣсть объ уніи вызвала всеобщій ропотъ и негодованіе среди русскихъ. Помѣстные дворяне, придерживавшіеся еще православія, отправляя на генеральный сеймъ (1596 г.) депутатовъ, поручили имъ просить короля, чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, были лишены сана и на мѣсто ихъ назначены новые. Оппозиція, какъ видимъ, весьма скромная. Во главѣ ея становится князь Константинъ Острожскій. Но король отвергъ эту просьбу. Тогда русскіе депутаты написали протестъ, въ которомъ изложили притѣсненія и обиды, претерпѣваемыя русскимъ православнымъ народомъ. Сеймъ не допустилъ чтенія этого протеста. Польская конституція дѣлала возможнымъ еще одинъ выходъ. Протесты и просьбы были занесены въ актовыя книги, съ нихъ сняты копіи и разосланы по воеводствамъ. Такимъ образомъ депутаты представляли дѣло на усмотрѣніе всего народа. Это было нѣчто вродѣ обращенія къ народу, въ которомъ происходило уже сильное броженіе и даже открытое возмущеніе. Сигизмундъ не отступалъ отъ своего «душеспасительнаго» дѣла и еще настойчивѣе сталъ стремиться къ осуществленію уніи. Онъ велѣлъ митрополиту кіевскому Михаилу Рогозѣ созвать немедленно соборъ въ Брестѣ и рѣшить окончательно всеобщее присоединеніе. Къ участію на этотъ соборъ были допущены всѣ подданные православнаго исповѣданія. Съѣхалось множество духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Соборъ разбился на двѣ партіи: сторонниковъ православія и сторонниковъ уніи. Каждая изъ нихъ засѣдала отдѣльно и постановила прямо противоположныя рѣшенія. Православные лишили митрополита и епископовъ, измѣнившихъ православію, сана и власти, постановили просить короля не дѣлать насилія надъ русскимъ народомъ, опубликовать декретъ о низложеніи принявшихъ унію іереевъ и предложить повѣтовымъ сеймамъ отправить на общій сеймъ и къ королю депутатовъ все съ тѣми же просьбами. Сторонники же уніи торжественно признали соединеніе церквей подъ верховенствомъ папы, лишили сана епископовъ, не признавшихъ уніи, и прокляли ихъ и ихъ сообщниковъ. Въ концѣ концовъ дворянство больше шумѣло; да едва-ли оно, уже въ значительнѣйшей степени распропагандированное іезуитами, и могло оказать какое нибудь болѣе рѣшительное противодѣйствіе. Духовенство распалось на двое: низшее хотя и крѣпко стояло за православіе, но не имѣло силы, а высшее больше тянуло

къ уніи. Городское сословіе въ политическомъ отношеніи было безсильно. Въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ оно пользовалось самоуправленіемъ. Но вопросъ объ уніи—былъ вопросомъ общегосударственнымъ, и конечно у мѣщанъ не спросили, желаютъ ли они принять ее. Однако какъ люди, всецѣло приверженные еще религіи своихъ отцевъ, они не могли пассивно отнестись къ насилію надъ своею религіозной совѣстью. Все, что они могли сдѣлать, не выходя изъ своего круга, это—блюсти православіе въ своемъ приходѣ, наблюдать за духовными пастырями, отражать всякія попытки со стороны уніатовъ или католиковъ, пытавшихся при случаѣ насильно завладѣть церковнымъ имуществомъ, открывать православныя школы и т. д. Братства, напримѣръ львовское, виленское и др., представляли именно такія общины, при посредствѣ которыхъ мѣщане выступали на защиту своихъ религіозныхъ интересовъ. Однако, какъ бы ни было существенно значеніе этихъ братствъ въ борьбѣ русскаго народа съ шляхетско-католическимъ міромъ, не имъ принадлежитъ главная роль. Религіозныя гоненія и притѣсненія только разожгли новымъ свѣтомъ ту борьбу, которую казаки и простой народъ, превращавшійся въ минуты возстанія въ казаковъ, вели съ шляхтою и цѣлой Рѣчью Посполитой, вслѣдствіе стѣсненія прежнихъ вольностей и экономическаго угнетенія. Отдѣльныя вспышки недовольства, отчаянные взрывы негодованія, страшная месть, всякое насиліе за насиліе, всякое изувѣрство за изувѣрство,—все это, благодаря религіозному элементу, получало во первыхъ всеобщій, а во вторыхъ болѣе возвышенный характеръ. Религіозныя притѣсненія, такъ сказать, подсушили отсырѣвшій порохъ экономическаго недовольства, и Украина запылала отъ Львова и Люблина до побережій Псла и Ворсклы. Объ этихъ отдѣльныхъ вспышкахъ, первое проявленіе которыхъ почти совпадаетъ съ провозглашеніемъ церковной уніи и которыя послужили какъ бы подготовительной школой къ великому возстанію при Хмельницкомъ, намъ необходимо упомянуть хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ.

Возстанія противъ пановъ чередовались съ отважными морскими походами противъ турокъ и разгромомъ побережныхъ турецкихъ городовъ. Словно какой то неукротимый духъ овладѣлъ народомъ и неотступно требовалъ кровавыхъ разрушительныхъ дѣлъ. Въ 1593 году во главѣ возстанія становится шляхтичъ *Косинскій*. Къ нему стекаются толпы казаковъ и хлоповъ изъ кіевскаго, брацлавскаго и волынскаго воеводствъ. Онъ разоряетъ панскія имѣнія; при этомъ обязательно захватываетъ всякіе документы, «привилегіи и мемврованы» и предаетъ ихъ огню. «Какіе документы, казалось го-

ворили мятежники, земля—наша! Мы отстояли ее отъ орды, намъ она и принадлежитъ!» Косинскій погибъ. Въ предупрежденіи подобныхъ вспышекъ сеймъ принялъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ. Самовольныя сборища, «купы», производящія безчинства, были объявлены внѣ закона, и каждый имѣлъ право, не дожидая никакого разрѣшенія, уничтожать ихъ собственными усиліями, а также ловить бѣглыхъ хлоповъ и приневоливать ихъ къ труду, пока не отыщется владѣлецъ. Въ 1596 году во главѣ возстанія становятся *Лобода* и *Наливайко*. Къ возстанію этому имѣлъ повидимому какое то отношеніе и князь Острожскій, защитникъ православія. Наливайко, красавецъ и храбрецъ, душа возстанія, громитъ и грабитъ преимущественно двухъ поборниковъ уніи, Кирилла Тарлецкаго и Семашко, и находитъ безопасный пріютъ во владѣніяхъ упомянутаго князя, у котораго братъ его служилъ въ качествѣ домашняго священника. Наливайко заставила взяться за оружіе личная обида: магнатъ Калиновскій отнялъ землю у его отца и избилъ его такъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. «А вѣдь онъ у меня *одинъ* былъ!» восклицаетъ Наливайко въ оправдательномъ письмѣ къ королю. Одинъ! И паны отняли его! Кто можетъ возвратить сыну отца! Или паны не понимаютъ, что подобныя преступленія не прощаются... Когда и это возстаніе было подавлено, то масса казаковъ и хлоповъ устремилась на Запорожье и отсюда предпринимала дерзкіе походы противъ турокъ и татаръ, ходила «заживать, какъ говорилось тогда, рыцарской славы». Походами противъ турокъ въ особенности прославился знаменитый казацкій предводитель и весьма крупная личность—Петръ *Конашевичъ-Сагайдачный*. При немъ казаки отваживались переплывать Черное море, нападали на побережные города Малой Азіи, появлялись въ окрестностяхъ самой столицы и «окуривали мушкатнымъ дымомъ» твердыню мусульманскаго владычества въ Европѣ. Поляки ничего не могли подѣлать съ ними. Они ограничивали число реестровыхъ казаковъ, низводили его всего до одной тысячи; но всѣ эти ограниченія оставались на бумагѣ. Наконецъ, въ критическую минуту во время войны съ Москвою, самъ король вынужденъ былъ обратиться за помощью къ казакамъ, и 20-тысячное казацкое войско подъ предводительствомъ Сагайдачнаго спасло королевича Владислава отъ неминуемой гибели подъ Можайскомъ. Сагайдачный весьма умѣло воспользовался этой услугой. Правда, онъ удерживалъ казаковъ отъ возстанія противъ панства, но въ то-же время упорядочилъ ихъ внутренній бытъ, отстоялъ ихъ независимость отъ польскихъ властей, значительно увеличилъ ихъ чи-

сленность и, что въ особенности важно, возстановилъ православную іерархію, воспользовавшись проѣздомъ черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха, который посвятилъ въ санъ кіевскаго митрополита Іова Борецкаго; такимъ образомъ русское духовенство получило снова независимую организацію и могло вступить въ борьбу съ римско-католической пропагандой. Эти мирные успѣхи привели къ тому, что въ 1625 г. казаки выступили передъ сеймомъ съ довольно смѣлыми требованіями относительно обезпеченія древней православной вѣры, казацкихъ вольностей и т. п. Поляки послали противъ нихъ войско и принудили ихъ подписать кураковскій договоръ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы, въ силу котораго число реестровыхъ казаковъ снова низводилось до 6 тысячъ; имъ запрещалось ходить на море, заключать договоры съ сосѣдними державами, вмѣшиваться въ дѣла, не относящіяся къ войску; дозволялось жить въ панскихъ имѣніяхъ только съ согласія владѣльца; войско ставилось снова подъ власть гетмана, утверждаемаго королемъ. Исключенные изъ реестра («выписчики») не могли примириться съ такимъ договоромъ. Они попрежнему предпринимали морскіе походы и въ 1630 году подняли возстаніе подъ предводительствомъ *Тараса*, но реестровые казаки повидимому не поддержали его; онъ попался въ руки врагамъ и былъ казненъ. Въ 1632 году умеръ король и казаки посылали пословъ на сеймъ; они заявляли свое желаніе видѣть на на польскомъ престолѣ королевича Владислава. Всѣмъ извѣстно, говорили они, что «мы въ царствованіе покойнаго короля терпѣли большія несправедливости, неслыханныя оскорбленія и находились въ великомъ огорченіи оттого, что уніаты вступаютъ въ наши права и вольности, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, причиняютъ много утѣсненій намъ, казакамъ, и всему русскому народу». Изложивъ свои требованія относительно «обезпеченія вѣры», они заканчиваютъ такъ: «Если же, сохрани Боже, сталось-бы иначе, то мы принуждены будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія, а мы того не желаемъ...» Домогательство казаковъ участвовать въ выборѣ короля было встрѣчено панами крайне недружелюбно. «Одному только шляхетскому сословію Рѣчи Посполитой,— отвѣчали они,—принадлежитъ право избранія короля; что же касается греческой религіи, то паны сенаторы сумѣютъ найти вѣрныя средства, ведущія къ успокоенію недоразумѣній и къ удовлетворенію послѣдователей греческой религіи». Казакамъ не понравился такой отвѣтъ. «Какъ ни прискорбно для насъ,—говорятъ они на слѣдующемъ сеймѣ,—то обстоятельство, что насъ удаляютъ отъ избирательства, но еще прискорбнѣе, что вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ каждый

сеймъ молимъ и слезно просимъ объ успокоеніи нашей древней греческой церкви;... но насъ водили, откладывали рѣшеніе дѣла отъ сейма до сейма... Теперь мы поручаемъ нашимъ посламъ слезно просить Рѣчь Посполитую и усиленно домогаться, чтобы нашъ русскій народъ оставался при своихъ правахъ и свободѣ...» Затѣмъ они жаловались на разныя нарушенія казацкихъ правъ и требовали возстановленія ихъ. Между тѣмъ поляки, чтобы удержать казаковъ отъ морскихъ походовъ, выстроили на Днѣпрѣ небольшую крѣпость Кодакъ. Нѣкто *Сулима*, возвращаясь въ 1635 г. съ похода, напалъ на нее и уничтожилъ весь гарнизонъ. Вспыхнуло возстаніе. Къ Сулимѣ стекались толпы выписчиковъ и хлоповъ, но реестровые казаки не приняли участья. Они хитростью проникли въ таборъ Сулимы, схватили его и выдали полякамъ. Ихъ похвалили за вѣрность и—только. Казаки снова и снова посылали пословъ на сеймъ, заявляли свои неудовольствія и требованія; паны снаряжали коммиссіи, вели переговоры, стращали ихъ мечомъ. Тѣмъ временемъ выискался новый предводитель. Въ 1637 году Карлъ Павловичъ Гудзанъ, извѣстный подъ именемъ *Павлюка*, возвратившись съ похода противъ татаръ и узнавъ, что дѣлается на Украинѣ, напалъ на Черкассы, главный центръ реестроваго казачества, захватилъ пушки и перевезъ ихъ на Запорожье. Затѣмъ онъ обратился къ народу съ воззваньемъ, въ которомъ приглашалъ всѣхъ итти въ казаки. Скоро на его сторону стали переходить и реестровые полки. Возстаніе разгорѣлось по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. На мирныя предложенія пановъ казаки отвѣчали, что они «уже не дозволятъ болѣе выписывать себя, уменьшать свое сословіе, да дурачить себя коммиссіями». Однако подъ Кумейками, а затѣмъ Боровицею они были жестоко разбиты. Въ казацкомъ лагерѣ обнаружился роковой разладъ, реестровые принесли повинную и выдали полякамъ предводителей Павлюка и Томиленка; другіе успѣли бѣжать. Потоцкій, коронный гетманъ, нещадно казнилъ попавшихся ему въ руки казаковъ и кричалъ: «Теперь я сдѣлаю изъ васъ восковыхъ!» Сеймъ порѣшилъ лишить казаковъ разныхъ привилегій, дарованныхъ прежними королями, а со временемъ уничтожить даже самое ихъ существованіе. Но бѣжавшіе *Остранинъ*, *Скиданъ* и *Гуня* снова собрали разбитыя и разогнанныя толпы народа и въ слѣдующемъ же 1638 году возстаніе вспыхнуло съ новой силой въ лѣвобережной Украинѣ. Здѣсь, подъ Голтвою, Лубнами и въ особенности въ устьѣ Старицы, казаки съ замѣчательнымъ упорствомъ и отвагой отражали нападенія поляковъ, но, лишенные возможности перейти въ наступленіе и обезсиленные голодомъ, принуждены были сдаться

на усмотрѣніе побѣдителей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя казацкая рада собралась на урочищѣ Масловъ Ставъ слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Казаки не смѣли просить теперь о вольностяхъ и привилегіяхъ. Благо, если побѣдители оставятъ имъ жизнь и имущество. Такъ и случилось. Паны лишили ихъ прежнихъ правъ и даже права имѣть выборную старшину. Они старались низвести козаковъ почти до хлопскаго состоянія. «Ни чести имъ (казакамъ), ни славы не было,—говоритъ украинскій лѣтописецъ;—бѣда ихъ сталась хуже турецкой неволи, полковники и всѣ старшины-шляхтичи обращались съ ними, какъ съ рабами, приказывали топить себѣ печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы ихъ...»

Прошло десять лѣтъ, прежде чѣмъ народъ собрался снова съ силами и появился новый вождь, на этотъ разъ не только *отважный*, но и достаточно *способный* для того, чтобы сплотить всѣ народныя силы и воспользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами въ интересахъ освобожденія южнорусскаго народа изъ польско-шляхетской неволи...

II.

Казацкій батько — Богданъ Хмельницкій.

Памятникъ Хмельницкому въ Кіевѣ. — Происхожденіе Хмельницкаго. — Его отецъ. — Воспитаніе. — Подъ Цецорою. — Въ плѣну. — На родинѣ. — Сношенія Владислава съ казаками. — Похищеніе королевской привилегіи. — Женщина. — Наѣздъ Чаплинскаго. — Тяжба съ Чаплинскимъ. — На законномъ основаніи. — Конецъ колебаніямъ. — Личныя чувства: — женитьба Тимоши; гибель Тимоши.—Наслѣдственное гетманство.—Дипломатничанье.

На Софійской площади въ Кіевѣ гарцуетъ мѣдный всадникъ. На крѣпкой небольшой лошади возсѣдаетъ чья-то мощная фигура съ протянутой рукой на востокъ. Въ глазахъ и чертахъ лица всадника, не смотря на всю тяжесть мѣди, просвѣчиваются рѣшительность, непреклонность, суровость, граничащая даже съ жестокостью, вообще отъ всей фигуры вѣетъ дикой, неукротимой *силой*. Толпа богомольцевъ одна за другой проходитъ мимо всадника, останавливается съ удивленіемъ, осматриваетъ памятникъ со всѣхъ сторонъ и идетъ дальше. Ни мысли, ни чувства, которыя показывали бы, что между этимъ мѣднымъ всадникомъ и живой толпой народа сохраняется какая нибудь связь. Народной массѣ повидимому сталъ совершенно чуждымъ герой ея кровавой борьбы. Что ей гетманъ

Богданъ Хмельницкій, когда онъ, народъ, точно сквозь сонъ вспоминаетъ о самой вѣковой борьбѣ, о дѣлѣ, за которое онъ пролилъ рѣки крови? Правда, изрѣдка вы можете еще услышать изъ устъ стариковъ сказанія о давноминувшихъ дѣлахъ, вамъ пропоютъ какую нибудь историческую думу, исполненную глубокаго смысла и трогательной прелести; но, повторяю, народъ въ массѣ втянулся въ новую жизнь и поглощенъ новыми интересами; возвращеніе же къ старинѣ сознательнымъ путемъ, возникновеніе той новизны, въ которой, по мѣткому выраженію старообрядцевъ, слышилась бы давняя старина, это дѣло еще всецѣло будущаго. И памятникъ Богдану Хмельницкому, эта грандіозная эмблема казачества, поставленная на виду у всѣхъ, будетъ несомнѣнно содѣйствовать пробужденію такого сознанія.

Богданъ Хмельницкій былъ сыномъ своего народа и своего времени. Онъ происходилъ изъ безвѣстной казацкой семьи, правда нѣсколько уже поднявшейся изъ рядового казачества, такъ какъ отецъ его, Михаилъ Хмельницкій, былъ чигиринскимъ сотникомъ, т. е. принадлежалъ къ казацкой «старшинѣ»; но во-первыхъ сотники составляли самый низшій рангъ старшины, а во-вторыхъ въ тѣ времена старшина очень мало чѣмъ отличалась отъ рядового казачества. Существуютъ впрочемъ свидѣтельства, что болѣе отдаленные предки его принадлежали къ шляхетскому сословію. Мы не можемъ конечно придавать значенія позднѣйшимъ измышленіямъ о происхожденіи Хмельницкаго отъ молдаванскаго рода Богдановъ, властвовавшихъ въ Молдавіи въ XV вѣкѣ и т. п. При добромъ желаніи не трудно вывести какую угодно генеологію. Мы, понятно, говоримъ только о томъ, что достовѣрно извѣстно. Безвѣстность происхожденія Богдана настолько велика, что мы не знаемъ ни года его рожденія, ни матери, ни дѣтства. Тамъ, въ безвѣстной народной средѣ и безвѣстной мѣстности, на далекой окраинѣ, на границѣ безпредѣльной степи, среди вѣчныхъ тревогъ и опасностей, родился и выросъ будущій герой кровавой казацкой эпопеи. Отецъ его, какъ мы сказали, былъ чигиринскимъ сотникомъ; онъ владѣлъ хуторомъ Суботовымъ, подареннымъ ему за военныя заслуги. У сотника очевидно былъ уже нѣкоторый матеріальный достатокъ и нѣкоторая культурность. Сынъ его, Богданъ, получилъ довольно порядочное по тому времени образованіе, сначала въ кіевской братской школѣ, а затѣмъ, по словамъ польскихъ историковъ, въ іезуитской коллегіи въ Ярославлѣ (Галицкомъ). Онъ владѣлъ польскимъ и латинскимъ языками, а современемъ научился турецкому и, говорятъ, даже французскому языку. Мы не знаемъ, какую пользу извлекъ Богданъ изъ знанія латинскаго и французскаго языковъ для своего ума и

сердца. Въ періодъ же его десятилѣтняго руководительства казацкимъ возстаніемъ мы видимъ большой природный умъ и не замѣчаемъ почти никакихъ слѣдовъ этой внѣшней образованности. Для того, чтобы быть народнымъ вождемъ, требуется нѣчто гораздо посущественнѣе латыни и какихъ угодно языковъ, и что въ этомъ отношеніи дала школа Богдану, и дала ли что, мы совершенно не знаемъ.

Въ первый разъ мы слышимъ о Хмельницкомъ, какъ участникѣ польско-турецкой войны (1620—1621 года). Вѣроятно Богданъ былъ тогда еще юношей. Онъ отправился въ походъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Здѣсь онъ знакомится съ военнымъ дѣломъ подъ руководствомъ знаменитаго польскаго полководца Жолкевскаго; знакомится съ искусствомъ отступленія по труднопроходимымъ мѣстамъ, перерѣзаннымъ болотистыми балками и байраками, и искусствомъ составлять подвижной таборъ изъ повозокъ и т. д. Кромѣ того здѣсь «онъ видѣлъ впервые,—говоритъ историкъ Кулишъ,—какъ мало солидарны между собою паны, изъ которыхъ каждый смотрѣлъ вѣнценосцемъ. Онъ видѣлъ впервые, къ чему способенъ казакъ, питающійся соломатою. Онъ видѣлъ въ первый и конечно въ послѣдній разъ, какъ много можетъ дѣлать одинъ человѣкъ, употребившій 44 года на то, чтобы, по его собственному выраженію, держать на своихъ плечахъ всю Рѣчь Посполитую». Походъ окончился страшнымъ пораженіемъ поляковъ подъ Цецорою, гдѣ былъ убитъ самъ гетманъ и между прочимъ Михаилъ Хмельницкій, а Богданъ вмѣстѣ со многими польскими магнатами и шляхтичами взятъ въ плѣнъ. Плѣнниковъ, кого познатнѣе, турки посадили въ башню въ ожиданіи выкупа, а остальныхъ, по обычаямъ того времени, вывели на рынокъ и продали въ рабство. Богданъ попалъ къ какому-то богатому турку, у котораго пробылъ около двухъ лѣтъ. Какъ онъ жилъ въ неволѣ, не сохранилось къ сожалѣнію достовѣрныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно, что за это время онъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ турецкими обычаями и нравами, изучилъ турецкій языкъ, но повидимому не испыталъ той тяжкой бусурманской неволи, какая оплакивается въ народныхъ думахъ. («Невольничій плачъ», «Про Кишку Самійла» и др. Выкупился ли Богданъ, или бѣжалъ изъ неволи, остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстна также и его жизнь по возвращеніи. Существуютъ указанія, что онъ принималъ участіе въ морскихъ походахъ запорожцевъ на турецкіе города. Упоминается также объ его участіи въ войнѣ Владислава съ Москвою. Но во всякомъ случаѣ онъ повидимому не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ народныхъ возстаніяхъ противъ польской шляхты, которыя слѣдовали

одно за другимъ, постоянно разростаясь. Затѣмъ мы встрѣчаемъ его снова на родинѣ въ качествѣ чигиринскаго сотника. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца хуторъ Суботовъ, женился на Аннѣ Сомковнѣ изъ Переяслава и занялся хозяйствомъ. Это не значитъ, что онъ предался мирнымъ занятіямъ. Въ тѣхъ пограничныхъ областяхъ каждую пядь обработанной земли приходилось прикрывать вооруженной рукой, и чигиринскому сотнику нерѣдко вѣроятно случалось отражать татарскіе набѣги и подстерегать врага въ безлюдныхъ степяхъ. Какъ бы тамъ ни было, Богданъ не заботился о «карьерѣ», не искалъ покровительства магнатовъ и другихъ шляхтичей. А онъ не былъ лишенъ талантовъ, которые могли бы выдвинуть его, и не принадлежалъ къ хлопамъ, которымъ никакія небесныя и земныя силы не могли помочь въ тѣ времена подняться на общественные верхи. Нѣтъ, Богдану Хмельницкому не нужны были громкія дѣла, онъ не мечталъ о подвигахъ, чтобы прославиться. Его манила скорѣе мирная жизнь. Все же у него былъ хуторъ, было сравнительно большое хозяйство, были стада скота и табуны лошадей. И онъ дорожилъ этимъ. Онъ не сочувствовалъ конечно панскому гнету и стѣсненію казаковъ. Поэтому мы и встрѣчаемъ его въ качествѣ депутата, отправляемаго казаками съ разными просьбами къ королю или на сеймъ, то въ качествѣ войскового писаря, подписывающагося подъ рѣшеніями рады, то даже съ оружіемъ въ рукахъ въ рядахъ прочаго реестроваго казачества, увлеченнаго народнымъ потокомъ въ борьбу со шляхтой. Но все это были, такъ сказать, свои семейные раздоры. Польскіе паны вѣдь тоже устраивали нерѣдко наѣзды одни на другихъ, составляли конфедераціи и т. п., и все это не мѣшало имъ однако признавать нераздѣльность Рѣчи Посполитой и нерушимость ея общественнаго строя. Чигиринскій сотникъ, однимъ словомъ, не злоумышлялъ ни противъ королевской власти, ни противъ цѣлости польскаго королевства, ни противъ шляхты. Онъ не прочь былъ показаковать насчетъ татарвы, разгромить гдѣ нибудь на морѣ турецкіе галеры, навести страхъ на самого падишаха. Всякое истинно козацкое сердце горѣло желаніемъ помѣряться силами съ бусурманиномъ. Пусть только паны-шляхта не мѣшаютъ казакамъ въ этомъ дѣлѣ, и пусть они не посягаютъ на казацкія вольности. Казаки же въ свою очередь готовы помогать панамъ держать въ повиновеніи своевольныхъ хлоповъ и всегда будутъ биться вмѣстѣ съ ними противъ бусурманъ, Москвы и кого-бы то ни пришлось. И чигиринскій сотникъ, просвѣщенный латынью и понимавшій французскую рѣчь, вѣроятно менѣе всякаго другого изъ

казацкой старшины сочувствовалъ буйству черни. Съ годами воинственный пылъ уходилъ и спокойная жизнь въ Суботовѣ получала все большую и большую цѣну. Для человѣка, которому перевалило за 45 лѣтъ, перспектива скитальческой жизни, исполненной жестокихъ лишеній и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, не могла особенно улыбаться. Богданъ мирно встрѣтилъ бы свою старость и умеръ бы безвѣстнымъ сотникомъ, еслибы преслѣдованія со стороны польской шляхты не сдѣлали для него лично невозможнымъ дальнѣйшую жизнь въ Суботовѣ и не выпудили его бѣжать за Запорожье и искать защиты у сѣчевого товарищества. Было тутъ еще одно обстоятельство. Нельзя сказать, чтобы исторія вполнѣ раскрыла его, но что оно было, это—несомнѣнно.

Когда Владиславъ былъ еще королевичемъ, то между нимъ и казаками существовали какія-то тайныя сношенія. Казаки настойчиво выражали свое желаніе видѣть его на польскомъ престолѣ. «Если же,—писали они ему въ своемъ посланіи,—сохрани Богъ, кто нибудь будетъ препятствовать вашему величеству получить престолъ отца вашего, то мы обязываемся жертвовать своимъ достояніемъ и жизнью за ваше величество». Владиславъ, сдѣлавшись королемъ, благоволилъ къ казакамъ и не прочь былъ при помощи ихъ обуздать своевольную шляхту. Въ особенности же онъ нуждался въ содѣйствіи казаковъ для того, чтобы начать войну съ турками, о которой онъ мечталъ, какъ о святомъ дѣлѣ. Въ переговорахъ съ Владиславомъ принималъ участіе между прочимъ и Богданъ Хмельницкій; разсказываютъ, что онъ ѣздилъ съ разными порученіями отъ короля даже во Францію. Въ 1646 году Владиславъ, побуждая казаковъ къ открытію военныхъ дѣйствій противъ турокъ, выдалъ имъ тайную грамоту на возстановленіе казацкихъ правъ, послалъ красное адамашковое знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла, деньги и приказалъ строить чайки. Эту грамоту, «привилею», казацкая старшина припрятала отъ казаковъ въ виду тѣхъ соображеній, что ей, старшинѣ, выгоднѣе было, какъ говорится, въ думѣ, «изъ ляхами, мостивими панами, зъ успокоемъ хлибъ-силь по викъ вичный уживаты». По какимъ побужденіямъ неизвѣстно, Хмельницкій задумалъ выкрасть эту грамоту, хранившуюся по разсказамъ однихъ у казацкаго старшого Барабаша, а по разсказамъ другихъ—у Ильяша. Вѣроятнѣе всего, что у Богдана уже тогда обострялись отношенія съ шляхтичемъ Чаплинскимъ, и онъ предчувствовалъ, что добромъ для него возникшая личная распря не кончится.

Онъ устраиваетъ въ своемъ хуторѣ Суботовѣ пиръ, сзываетъ казацкую старшину, и, когда гости изрядно подвыпили, начинаетъ съ Барабашомъ разговоръ въ такомъ родѣ:

«Что ты, любезный кумъ, держишь листъ королевскій,—говоритъ онъ,—дай мнѣ прочитать его теперь».—«На что тебѣ, куманекъ, читать его,—отвѣчаетъ тотъ съ пьяна откровенно;—мы податей не платимъ, въ войскѣ польскомъ не служимъ. Лучше намъ, начальникамъ брать деньги безъ счету, а дорогія сукна безъ мѣры, чѣмъ, потакая черни, таскаться по лѣсамъ да буеракамъ, да своимъ же тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, кормить».

Хмельницкій одобряетъ мудрыя соображенія старшого и подливаетъ ему еще вина; скоро онъ сваливается съ ногъ и засыпаетъ. Тогда Хмельницкій беретъ у него шапку и платокъ, зоветъ своего джуру (джура—молодой казакъ вродѣ пажа) и говоритъ ему:

«Скорѣй садись на лошадь и спѣши къ панъѣ Барабашихѣ и скажи, что ея панъ приказалъ отдать тотъ листъ, который получилъ отъ короля».

Джура ночью прискакалъ въ Черкассы. Барабашиха спала и, пробужденная стукомъ, выскочила.

«Пани,—сказалъ джура,—заспорилъ мой панъ съ твоимъ паномъ, передерутся; такъ онъ прислалъ, чтобы вы дали тѣ права, которыя присланы отъ короля».— «На горе себѣ онъ вздумалъ съ Хмельницкимъ гулять, отвѣчала испуганная Барабашиха;—вотъ тамъ въ стѣнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ въ ящичкѣ въ землѣ».

Джура отыскалъ погребецъ и доставилъ привилегію Хмельницкому, который и держалъ ее съ тѣхъ поръ у себя. Это подзадориванie со стороны короля, эти «королевскіе листы» о правахъ и вольностяхъ въ то время, когда повсюду обнаруживались необычайное броженіе и шатость, оказывали вліяніе несомнѣнно даже на самые нерѣшительные умы. Достаточно было самой незначительной капли, чтобы чаша терпѣнія переполнилась, чтобы человѣкъ сталъ въ ряды открытыхъ мятежниковъ и обнажилъ свой мечъ. На голову же Богдана обрушился цѣлый рядъ личныхъ бѣдъ.

Пожалуй, что и въ данномъ случаѣ дѣло началось изъ за женщины. Роль прекрасной Елены пришлось разыграть какой то полькѣ, Париса — подстаростѣ чигиринскому, шляхтичу Чаплинскому, а оскорбленнаго Менелая—будущему казацкому «батькѣ», Богдану Хмельницкому. Понятно, вся эта исторія—потемки, и мы бродимъ въ нихъ ощупью, судимъ по кое какимъ намекамъ. Послѣ смерти первой жены Анны Сомковны, Богданъ взялъ себѣ въ подруги жизни упомянутую польку и жилъ съ нею, хотя они не были повидимому повѣнчаны. Чаплинскій также питалъ нѣжныя чувства къ этой полькѣ и воспылалъ страшнымъ гнѣвомъ противъ своего соперника. Онъ—шляхтичъ и долженъ уступить какому-то казаку!.. Никогда не бывать тому. Возникла непримиримая вражда. Разсказываютъ, что спѣсивый шляхтичъ хотѣлъ изъ-за угла покончить съ хитроватымъ казакомъ. Онъ подговорилъ какого-то него-

для убить Хмельницкаго во время стычки съ татарами. Это не удалось: нанесенный ударъ оказался недостаточно сильнымъ. Тогда пускаются въ ходъ разные навѣты. Хмельницкій не только трусъ и не способенъ ни къ какому военному дѣлу, нашептываетъ подстароста Чаплинскій старостѣ и коронному хорунжему Конецпольскому, но и измѣнникъ: онъ выжидаетъ только удобнаго случая, чтобы стакнуться съ татарами и пойти противъ поляковъ. А время было, мы знаемъ, тревожное: каждаго казака можно было заподозрить не то, чтобы въ измѣнѣ своему отечеству, а въ желаніи ниспровергнуть шляхетскій строй Рѣчи Посполитой; но для шляхтича Рѣчь Посполита и шляхта казались синонимы. Вспомнились при этомъ Конецпольскому и слова его отца, сказанныя подъ конецъ жизни относительно Хмельницкаго: «Жалко,—говорилъ старый гетманъ,—что я оставилъ въ живыхъ такую безпокойную голову». Конечно проще было бы отрубить ему голову или посадить на колъ. «Вотъ,—продолжаетъ между тѣмъ свои рѣчи Чаплинскій, видя, что онѣ производятъ желаемое впечатлѣніе,—я много лѣтъ служу вамъ, милостивый панъ, а не получилъ ничего, тогда какъ неблагодарные измѣнники и трусы пользуются вашими благодѣяніями. Подарите мнѣ Суботово, которымъ владѣетъ Хмельницкій; отъ меня, вѣрнаго дворянина, получите больше пользы, нежели отъ негоднаго казака». Староста и не прочь бы удовлетворить эту просьбу, но гоноръ не позволяетъ: хуторъ Суботовъ подаренъ Хмельницкому его отцомъ и онъ счелъ бы за большое себѣ безчестье нарушать безъ всякаго повода волю прежняго старосты, своего отца. Хорошо, возражаетъ Чаплинскій, предоставьте мнѣ самому раздѣлаться. Хмельницкій не имѣетъ никакого формальнаго документа на владѣніе этимъ хуторомъ; кромѣ того, какъ казакъ, онъ не имѣетъ права держать людей. «Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуторомъ. Если же онъ придетъ къ вамъ жаловаться, то вы скажите, что ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хочетъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ. А онъ судомъ ничего со мною не сдѣлаетъ, потому что я—польскій дворянинъ». Итакъ, рѣшено было покончить всѣ счеты съ непріятнымъ казакомъ хорошо испытаннымъ шляхетскимъ средствомъ,—наѣздомъ: при этомъ, само собою разумѣется, Чаплинскій имѣлъ въ виду похитить и свою Елену, ту польку, о которой мы говорили выше.

Хмельницкій вѣроятно чувствовалъ себя не въ силахъ отразить наѣздъ своего врага, а быть можетъ онъ разсчитывалъ еще найти правый судъ, хотя ему было конечно хорошо извѣстно, что на шляхтича нѣтъ никакого суда. Такъ или иначе, но Хмельниц-

кій, заслышавъ о приближеніи Чаплинскаго, бѣжалъ изъ Суботова, оставивъ тамъ дѣтей и польку. Едва ли бы онъ сдѣлалъ это, еслибы уже въ ту пору замыслилъ свою кровавую месть шляхтѣ вообще. Онъ бѣжалъ въ Чигиринъ искать защиты отъ насилія у старосты, т. е. того Конецпольскаго, который далъ молчаливое согласіе на разбой. Чаплинскій ворвался въ хуторъ, проникъ безпрепятственно въ домъ и овладѣлъ яблокомъ раздора. При этомъ былъ жестоко высѣченъ меньшой сынъ Богдана, мальчикъ десяти лѣтъ, умершій отъ истязанія на другой день. Недолго медля Чаплинскій обвѣнчался съ полькой и сталъ хозяйничать въ хуторѣ. Хмельницкій и тутъ не обнажилъ своей казацкой сабли, а, какъ самый мирный гражданинъ, обращается изъ одной инстанціи въ другую.

Первымъ дѣломъ онъ обратился конечно къ ближайшему представителю власти, старшинѣ Конецпольскому. «Я ничего не знаю,—отвѣчалъ тотъ,—нападеніе сдѣлано безъ моего вѣдома; можете судиться съ Чаплинскимъ законнымъ порядкомъ». Но законный порядокъ означаетъ формальный порядокъ, а у Хмельницкаго не было *документа* на право владѣнія хуторомъ, занесеннаго въ земскія книги; свидѣтельство же, выданное гетманомъ Конецпольскимъ, не имѣло силы. Судъ нашелъ, что хуторъ Суботовъ принадлежитъ къ староству и отъ старосты зависитъ отдать его кому угодно. «Если же,—сказали судьи Богдану,—королю извѣстны твои права, то совѣтуемъ тебѣ отправиться въ Варшаву и подать просьбу на сеймъ». Разсказываютъ, что, прежде чѣмъ продолжать дѣло судебнымъ порядкомъ, Хмельницкій предложилъ Чаплинскому покончить споръ поединкомъ. Шляхтичъ не могъ конечно унизиться до поединка съ казакомъ; зато въ его обычаѣ было дѣйствовать грубымъ и даже гнуснымъ насиліемъ со всякимъ, стоявшимъ ниже его. Вмѣсто поединка, Чаплинскій, взявъ на помощь себѣ трехъ служителей, напалъ неожиданно на Хмельницкаго. Панцырь спасъ казака; онъ не только выдержалъ неожиданные удары, но даже разогналъ своихъ враговъ. «Маю саблю въ руци, —вскричалъ онъ при этомъ,—ще козацька не вмерла маты!» Напоминаніе о «козацькой маты» было дурнымъ предзнаменованіемъ для шляхты. Но кто же могъ думать тогда, чтобы въ этомъ уже пожиломъ и видимо желавшемъ прожить въ мирѣ съ шляхетскимъ государствомъ свою жизнь человѣкѣ таился громадный запасъ дикой разрушительной силы. За напоминаніе о «козацькой маты» Богдана схватили и посадили было въ тюрьму, откуда его выпустили, только благодаря просьбамъ бывшей его сожительницы, а теперь жены врага. Онъ еще разъ рѣ-

шается продолжать дѣло законнымъ порядкомъ и отправляется съ этой цѣлью въ Варшаву. Сюда же явился и Чаплинскій. По дѣлу о завладѣніи хуторомъ послѣдній отвѣчалъ такъ:

«Имѣніе, на которое претендуетъ панъ Хмельницкій, было несправедливо отторгнуто отъ староства, и я ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только на законномъ основаніи возвратилъ его староству; а владѣю имъ потому, что пану старостѣ угодно было его пожаловать въ награду за мою службу Рѣчи Посполитой. Что же касается того, что панъ Хмельницкій представляетъ давность владѣнія и издержки, то панъ староста опредѣляетъ выдать ему 50 флор.».

Сеймъ нашелъ, что самъ Хмельницкій виноватъ въ потерѣ своего хутора, такъ какъ не запасся форменнымъ документомъ, и совѣтовалъ ему просить старосту чигиринскаго, чтобы тотъ утвердилъ распоряженія отца и выдалъ ему форменное свидѣтельство. Такое рѣшеніе, въ виду извѣстныхъ уже намъ отношеній между чигиринскимъ старостою и сотникомъ, означало полную потерю хутора. По дѣлу объ истязаніи ребенка Чаплинскій не отрицалъ, что зять его приказалъ высѣчь мальчика «за возмутительныя угрозы»: но рѣшительно отвергалъ, чтобы ребенокъ умеръ отъ побоевъ. Вѣроятно ему удалось убѣдить судей, такъ какъ они и это дѣло рѣшили въ пользу отвѣтчика. Что же касается похищенія женщины, то Хмельницкому конечно не слѣдовало и подымать этого вопроса, такъ какъ женщина эта стала законной женой его врага и повидимому примирилась съ своимъ положеніемъ. Во всякомъ случаѣ Чаплинскій рѣшительно заявилъ, что онъ не отпуститъ ее отъ себя: «да еслибъ я и сдѣлалъ это,—прибавилъ онъ,—то она сама не захочетъ ни за что въ свѣтѣ возвратиться къ Хмельницкому». Судъ разсмѣялся и шутливо отвѣчалъ истцу: «Охота тебѣ, пане Хмельницкій, жалѣть о такой женщинѣ! На бѣломъ свѣтѣ много красавицъ получше. Поищи себѣ другую; а эта пусть остается съ тѣмъ, къ кому привязалась».

Такимъ образомъ Хмельницкій лишился сына, любимой женщины и хутора. Потеря для мирнаго человѣка не малая. И оказывается, что онъ лишался всего этого на полномъ законномъ основаніи: сеймъ руководился въ своемъ рѣшеніи не какими либо симпатіями и антипатіями, а повидимому только закономъ. Однако по этому закону вышло, что шляхтичъ можетъ отнять у казака хуторъ, женщину, убить ребенка и на жалобу потерпѣвшаго ему только посмѣются въ глаза. Не можетъ быть, чтобы Богданъ въ первый разъ натолкнулся на эту ужасную мысль. Развѣ мало между его товарищами-казаками было людей, обиженныхъ шляхтичами также кровно и также на вполнѣ законномъ основаніи? А эти толпы народа, увлекавшія подчасъ и его въ открытое возмущеніе противъ

установленнаго порядка? Развѣ онѣ состояли не изъ людей, отчаявшихся въ самой возможности мирнаго существованія? Развѣ страсть къ гультяйству, разбою, грабежу можетъ охватывать цѣлымъ народомъ, подымать его на борьбу съ правящими классами, возжигать внутреннюю междуусобицу? Развѣ цѣлые десятки тысячъ людей станутъ жертвовать своей жизнью, подвергаться мучительнымъ пыткамъ и позорной смерти, пока для нихъ остается хотя какая нибудь возможность мирнымъ трудомъ добывать себѣ средства существованія? Нѣтъ, нужно оставить всѣ эти шляхетскія благоглупости о безсмысленномъ своевольствѣ разнузданной черни, о страсти къ грабежу и изувѣрству и т. д. Всѣ эти ужасные и свирѣпые оборванцы, выступавшіе съ косами и дубьемъ противъ пановъ-ляховъ, всѣ они были такіе же обездоленные и поруганные люди, какъ и онъ, сотникъ чигиринскій, въ то время. Если раньше разница въ положеніи мѣшала ему чувствовать свою кровную связь съ народомъ и ясно видѣть общее положеніе вещей, то теперь преграда рушилась. И Богданъ убѣдился, что онъ можетъ возстановить свое попранное достоинство и положеніе, только соединивъ свое дѣло съ дѣломъ всего народа. Конецъ колебаніямъ и нерѣшительности! Онъ не будетъ болѣе простымъ зрителемъ и невольнымъ участникомъ кровавой народной драмы; онъ станетъ теперь во главѣ движенія и будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать народные интересы.

Вспомнилъ конечно при этомъ Богданъ и о сочувствіи короля къ казакамъ и о той роли, какую можетъ сыграть выданная королемъ грамота. Въ представленіи народа король былъ какимъ то миѳическимъ лицомъ, во всякомъ случаѣ желавшимъ блага своему народу. Все же зло заключалось въ панахъ. Весьма важно было придать внѣшнюю законность возстанью, пользуясь именемъ верховнаго повелителя страны. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Хмельницкій посѣщаетъ короля и разсказываетъ ему всѣ свои злоключенія и всѣ бѣдствія казаковъ и русскаго народа. Какой разговоръ произошелъ тутъ между королемъ, служившимъ, вопреки собственному желанію, игрушкой въ рукахъ магнатовъ-пановъ, и казакомъ, находившимся наканунѣ своего неограниченнаго владычества надъ народомъ,—можно только догадываться. «Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить,—заключилъ свою рѣчь король, что вы—воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же съ своей стороны всегда буду вашимъ благодѣтелемъ». Съ такимъ напутствіемъ уѣхалъ ограбленный и осмѣянный казакъ къ себѣ на Украину, и скоро панамъ жестоко пришлось расплатиться за свои неправды.

Въ слѣдующей главѣ мы возвратимся къ изложенію хода событій, а теперь пополнимъ нашу характеристику казацкаго батьки, какъ личности, еще нѣсколькими крупными чертами.

Богданъ Хмельницкій, какъ мы только что показали, принадлежалъ къ той категоріи общественныхъ дѣятелей, которые становятся во главѣ общаго дѣла, только испытавъ на себѣ лично всю несправедливость извѣстнаго порядка. Этотъ личный элементъ даетъ себя чувствовать и въ его нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ дѣяніяхъ. Понятно, что личное чувство далеко не всегда находилось въ соотвѣтствіи съ общественными интересами. Такъ, Хмельницкій никогда не могъ забыть о Чаплинскомъ. Возвративъ себѣ хуторъ Суботовъ и женщину, разыгравшую невольно роль прекрасной Елены, находясь на верху своего могущества, онъ всетаки коритъ пановъ несправедливостями, учиненными надъ нимъ лично, требуетъ выдачи своего личнаго врага и грозитъ, что онъ отправится искать его въ Варшаву, даже въ Гданскъ. Странно читать эти угрозы, это требованіе на ряду съ требованіями, которыя должны обезпечить религіозную, соціальную и политическую независимость народа. Въ минуты раздраженія Чаплинскій въ его глазахъ играетъ даже бóльшую роль, чѣмъ всѣ бѣдствія народа: онъ—причина братоубійственной войны и взаимныхъ жестокостей. Только человѣкъ, ослѣпленный личной злобой, можетъ доходить до подобныхъ смѣшныхъ объясненій. Хмельницкій при этомъ забывалъ одно маленькое обстоятельство: не онъ поднялъ русскій народъ на отмщеніе обиды, нанесенной ему, Хмельницкому, Чаплинскимъ, а наоборотъ, возставшій уже народъ принялъ его и поставилъ во главѣ своего возстанія, чтобы онъ отстоялъ возможность человѣческаго существованія *для всѣхъ*.

Тотъ же личный элементъ чувствуется и въ войнѣ съ молдаванскимъ господаремъ Лупуломъ. Въ самый разгаръ народной борьбы, когда врагъ успѣлъ оправиться отъ первыхъ пораженій и когда слѣдовало быть особенно осмотрительнымъ и не растрачивать своихъ силъ на постороннія дѣла, Богданъ затѣялъ женить сына своего Тимофея на Домнѣ Розандѣ, дочери Лупула, и такъ какъ господарь молдаванскій не видѣлъ ничего лестнаго для себя въ родствѣ съ мятежнымъ казакомъ, то прекрасную Розанду приходилось добывать силой. «Если ты не отдашь своей дочери за моего сына,—писалъ Хмельницкій Лупулѣ,—то я пошлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ!» Лупулъ, разсчитывая на поддержку поляковъ, заупрямился. Тогда Хмельницкій дѣйствительно отправилъ свадебный поѣздъ въ числѣ 15 тысячъ казаковъ и 20 тысячъ татаръ подъ предводительствомъ самого жениха Тимоши. Отъ дѣла были отвлечены не только эти

силы. Самъ гетманъ съ остальнымъ войскомъ держался также, по необходимости, около границы, чтобы въ случаѣ нужды подать помощь. Тимошъ ворвался въ Молдавію, опустошилъ ее, подступилъ уже къ самымъ Яссамъ. Лупулъ, оставленный поляками, долженъ былъ теперь унизительно просить пощады и соглашался отдать дочь свою за Тимофея. Но это было притворное согласіе. Подъ разными предлогами онъ откладывалъ свадьбу. Да и какъ было не откладывать. Домна-Розанда могла сдѣлать получше партію: на ней не прочь были жениться такіе представители польскаго магнатства, какъ Вишневецкій, Потоцкій, Калиновскій. А тутъ приходится предпочесть простого казака, хотя отважнаго и ловкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубаго, лишеннаго образованія, не знавшаго, какъ себя держать и на всѣ привѣтствія отвѣчавшаго упорнымъ молчаніемъ, однимъ словомъ «ни бе, ни ме», какъ выражается о немъ одинъ очевидецъ. Лупулъ тянулъ, а казацкій вождь терялъ время и силы на устройство семейнаго дѣла. Наконецъ раздосадованный, онъ снова пишетъ господарю въ такомъ тонѣ: «Сосватаи, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ, Тимофеемъ, и тоби добре буде, а не видаси — изотру, изомну и останку твоего не останется, и вихремъ прахъ твой размечу по воздуси». Что это были не пустыя слова, показала батогская битва, въ которой Хмельницкій нанесъ жестокое пораженіе полякамъ. Дѣйствительно, онъ могъ теперь «измять», «истереть» молдавскаго господаря такъ, что и «останка» его не осталось бы. Лупулъ поспѣшилъ написать, что ждетъ Тимоша. Свадьба состоялась. Однако Богданъ Хмельницкій дорого заплатилъ за свою настойчивость: онъ потерялъ сына, и въ немъ быть можетъ преемника, способнаго довести до конца начатое дѣло. Молдавію въ ту пору обуревали внутренніе раздоры. Тимошъ защищалъ конечно своего тестя. Подъ Сочавою онъ былъ раненъ. Извѣстіе объ этомъ застало Хмельницкаго какъ разъ среди военныхъ приготовленій противъ поляковъ, готовыхъ вторгнуться подъ предводительствомъ самого короля въ русскую землю. Страхъ потерять сына былъ такъ великъ, что гетманъ, несмотря на открытый протестъ казацкихъ полковниковъ, указывавшихъ на угрожавшую опасность Украинѣ и необходимость защищать первымъ дѣломъ ее, рѣшился итти на помощь къ сыну. Но рана Тимоши оказалась смертельной, онъ умеръ. Казаки, храбро выдерживавшіе осаду подъ Сочавой, сдались на условіяхъ, обезпечивавшихъ имъ возможность честнаго отступленія, и теперь везли на Украину гробъ съ останками своего предводителя. Эта печальная процессія попалась навстрѣчу спѣшившему отцу. «Слава Богу,—сказалъ онъ,—мой Тимофей умеръ, какъ казакъ, и не достался въ руки враговъ».

Такъ печально кончившееся вмѣшательство въ дѣла молдаванскія можетъ быть еще объяснено политическими соображеніями. Для Украины безспорно было бы выгодно имѣть въ лицѣ молдаванскаго господаря союзника, связаннаго узами родства. Несвоевременно только все это затѣялъ Хмельницкій. Личныя семейныя отношенія мѣшали ему взглянуть прямо на общее положеніе вещей и дать надлежащую оцѣнку совершавшимся явленіямъ. То-же повторилось и въ дѣлѣ еще болѣе важномъ, при выборѣ преемника казацкому батькѣ. Будучи гетманомъ, Хмельницкій пользовался почти неограниченной властью. Казаки не признавали наслѣдственной власти; они избирали себѣ вождя. На него возлагалось трудное дѣло — управлять народомъ среди безпрестанныхъ военныхъ тревогъ. Чтобы успѣшно выполнить такую задачу, необходимы были чрезвычайныя полномочія, и каждый казацкій гетманъ обыкновенно получалъ ихъ. Кто же не оправдывалъ довѣрія, тотъ долженъ былъ сложить булаву и могъ поплатиться даже жизнью. Во все время кровавой борьбы Богданъ оставался во главѣ народа. Но ему было уже около 60-ти лѣтъ; силы его замѣтно ослабѣвали. Разсказываютъ, что его отравили недруги южнорусскаго народа медленно дѣйствующимъ ядомъ. Хуже всякаго яда на старѣющаго гетмана дѣйствовала вѣроятно необходимость не только постоянной борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, но и безпрестанныхъ дипломатическихъ ухищреній. И при всемъ томъ онъ не могъ отвязаться отъ тяжелой мысли, что, не смотря на рѣки пролитой крови и массу потраченнаго труда, будущее Украины представляетъ загадку, и даже весьма тревожную загадку. Среди этой борьбы и этой дипломатіи его все чаще и чаще посѣщаетъ мысль о смерти. Кто же будетъ продолжать неоконченное дѣло? Но развѣ мало было у него славныхъ сподвижниковъ? Развѣ могъ бы онъ собрать свой разрозненный народъ и такъ страшно разгромить Польшу, еслибы онъ былъ одинъ среди бездарностей, еслибы ему не помогали отважные полководцы и вообще люди способные? Конечно они есть, и онъ укажетъ ихъ казацкой старшинѣ. А родъ Хмельницкихъ долженъ будетъ снова возвратиться къ безвѣстному существованію и мои дѣти, мое потомство превратится въ простыхъ казаковъ? Къ тоскѣ по общему дѣлу присоединяется тоска по личному. Вотъ еслибы живъ былъ Тимошъ, этотъ многообѣщавшій юноша; онъ могъ бы продолжать дѣло отца, могъ бы по праву занять его мѣсто. Увы, Тимошъ погибъ изъ за прекрасныхъ глазъ Домны-Розанды и честолюбія отца. Но развѣ, думаетъ старикъ, недостаточно заслугъ моихъ, развѣ не я вырвалъ украинскій народъ изъ рукъ шляхетскихъ и развѣ въ вознагражденіе моихъ заслугъ гетманское

достоинство не слѣдуетъ оставить въ моемъ родѣ? Эта мысль овладѣваетъ имъ все настойчивѣе и настойчивѣе, и онъ желаетъ, чтобы гетманское достоинство было передано сыну его Юрію, тогда еще 16-ти-лѣтнему юношѣ, болѣзненному, трусливому и совершенно неспособному. Это было конечно безумное желаніе. Онъ не рѣшается высказать его прямо, но очевидно подготовляетъ исподволь почву. На собравшейся по его желанію радѣ изъ казацкой старшины онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братья, и оставляю васъ на произволъ судьбы».... «Богъ знаетъ, братья, чье это несчастье, что не далъ мнѣ Господь окончить этой войны такъ, какъ бы хотѣлось: во первыхъ утвердить навѣки независимость и вольность вашу; во вторыхъ освободить также Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье, и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій, благочестивый, принуждаемый къ уніи..... Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ при моихъ глазахъ новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу».

Затѣмъ онъ указываетъ на нѣкоторыхъ заслуженныхъ казаковъ:

«Нѣтъ, нѣтъ!—кричитъ рада, зная его затаенное желаніе.—За твои знаменитыя заслуги передъ войскомъ запорожскимъ, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которымъ ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго, прославилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ народомъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына».

За эту фальшъ, за эту попытку установить наслѣдственное гетманство Украина пролила немало крови: дѣла, совершенныя «разумомъ и мужествомъ», требуютъ и для дальнѣйшаго своего преуспѣянія разума и мужества, а не вырождающагося идіотизма.

Многіе ставятъ въ вину Богдану его дипломатическое двоедушіе и даже криводушіе. Мы думаемъ, что пристрастье къ своимъ личнымъ дѣламъ, отъ котораго онъ не могъ освободиться даже въ вопросахъ величайшей общественной важности, имѣетъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ эти якобы коварство и вѣроломство. Стоитъ только представить себѣ условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать Хмельницкому, чтобы понять всю пустоту подобныхъ обвиненій. Скажемъ больше, не обладай Богданъ такими дипломатическими способностями, едвали бы ему удалось совершить то, что онъ совершилъ. Обвиняютъ Хмельницкаго, какъ будто бы всѣ вокругъ его были въ прекраснодушномъ настроеніи и одинъ только этотъ коварный казакъ пускался на хитрости, присягалъ, измѣнялъ,

снова присягалъ и такъ безъ конца. Но кто были его враги и его союзники? Поляки, турки, татары, Москва. Поляки дѣйствительно не разъ присылали Адама Киселя въ качествѣ миротворца. Но кто же изъ казаковъ не понималъ, что его краснорѣчивыя изліянія означали просто временное безсилье шляхты и что какіе бы договоры ни подписывались, поляки нарушатъ ихъ, какъ только соберутся съ силами. Поляки примирились бы искренно только на одномъ условіи: на полномъ уничтоженіи казачества и на превращеніи всего русскаго народа въ безгласныхъ хлоповъ. Выдающійся полякъ того времени Іеремія Вишневецкій не считалъ нужнымъ скрывать этого. Такимъ образомъ двоедушная дипломатія съ поляками была прямымъ отвѣтомъ на ихъ двоедушную политику. Татары не знали другого закона, кромѣ грабежа, и всегда были на сторонѣ того, кто могъ привлечь ихъ заманчивыми грабительскими перспективами. Они измѣняли южноруссамъ въ самый критическій моментъ. И почему бы это Богданъ Хмельницкій питалъ къ нимъ какія нибудь особенно лойальныя чувства? Напротивъ, это былъ явный и злѣйшій врагъ. По обстоятельствамъ времени и мѣста изъ него временно удавалось сдѣлать союзника и союзникъ этотъ оказывался единственнымъ: никакого выбора не представлялось: естественно, что Хмельницкій всѣми силами старался поддерживать добрыя отношенія, глубоко затаивъ до лучшихъ дней мысль о расплатѣ за всѣ опустошенія, причиняемыя Украинѣ. Татары находились въ зависимости отъ турецкаго султана, и, чтобы имѣть ихъ на своей сторонѣ, необходимо было поддерживать хорошія отношенія съ Турціею. Отсюда сношенія съ Турціею. Въ трудныя минуты, когда союзники и якобы друзья, пользуясь обстоятельствами, раскрывали свои волчьи пасти, Хмельницкій готовъ былъ итти въ подданство даже турецкому султану. Это была по тому времени страшно еретическая мысль: итти добровольно въ подданство къ непримиримому врагу всего христіанскаго міра! Но во-первыхъ мысль эта приходила Хмельницкому только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ попадалъ въ ловушку, изъ которой не представлялось никакого другого выхода; во-вторыхъ въ настоящее время мы видимъ, что даже завоеванные мечомъ народы не потеряли подъ турецкимъ владычествомъ своей самобытности и на нашихъ глазахъ возрождаются въ самостоятельныя государства. Такъ ли уже былъ недальновиденъ Богданъ, какъ это представляется его недоброжелателямъ? Остается еще Москва. Но она, какъ извѣстно, придерживалась тогда крайне нерѣшительной и медлительной политики по отношенію къ Малороссіи; отношенія же ея къ покореннымъ княжествамъ и сосѣднимъ государствамъ

далеко не отличались въ то время прямодушіемъ. Извѣстно, какъ настойчиво добивались казаки помощи отъ Москвы и какъ она подъ разными предлогами отказывала имъ; только когда рушились всякія надежды объединить польское и московское государства подъ главенствомъ Московскаго царя, оказалось возможнымъ «нарушить крестное цѣлованіе», объявить войну полякамъ и принять казаковъ подъ «высокую государеву руку». Смѣшно было бы ожидать отъ Хмельницкаго открытой, что называется, честной политики, когда отношенія не только между чуждыми народами, но и между родственными князьями всецѣло держались на подсиживаньи, обманѣ, вѣроломствѣ и тому подобныхъ прелестяхъ грубой дипломатіи XVII вѣка. Богданъ Хмельницкій не былъ религіознымъ или соціальнымъ реформаторомъ. Онъ призванъ былъ освободить южнорусскій народъ отъ шляхетско-католической зависимости. При другихъ условіяхъ это освобожденіе могло бы совершиться и безъ нарушенія единства польскаго государства. И какъ самъ онъ былъ сыномъ своего времени, такъ и дѣйствовать онъ могъ, пользуясь тѣми общественными силами и тѣми вообще пріемами, какіе были выработаны раньше его.

Другое дѣло его внутренняя политика, его отношеніе къ интересамъ народной массы, которая собственно и доставила ему торжество. Двоедушія и вѣроломства здѣсь также не было, но была нерѣшительность, недостаточная опредѣленность поступковъ, какъ бы даже непониманіе, во имя чего возстало все это хлопство. Вынуждаемый обстоятельствами, онъ шелъ на компромиссы съ поляками, заходившіе иногда такъ далеко, что они теряли характеръ компромисса и превращались, казалось, въ отступничество. Но не будемъ слишкомъ строги къ человѣку, волей судебъ поставленному въ самомъ центрѣ «ада кромѣшной злобы» и чувствовавшему временами свое полное безсиліе укротить эти адскія силы. Удушливыя испаренія польскошляхетской культуры могли затуманить не такую голову. Нужно подумать только, что̀ представлялъ въ то время русскій народъ, лишенный іезуитами лучшихъ своихъ силъ, тогдашняя *чернь*, чтобы понять, какъ трудно, какъ невозможно даже было дѣлать вмѣстѣ съ нею какое нибудь *положительное* дѣло! А между тѣмъ для дѣйствительнаго достиженія той цѣли, къ которой стремилась чернь, нужно было не только изгнать пановъ-ляховъ, но и заложить новое основаніе общественнаго порядка. Чернь же давала массу горючаго матеріала для разрушительной работы и почти никакого для созидательной. Поэтому всякій разъ, когда отъ войны дѣло переходило къ миру, Хмельницкій, какъ бы отступался отъ черни. Но не слѣдуетъ забывать, что это отступничество носило ли-

пломатическій, бумажный характеръ, что все время, пока Хмельницкій стоялъ во главѣ народа, паны-ляхи не могли возвратить себѣ прежняго положенія на Украинѣ и что «подданные» ихъ сохраняли на самомъ дѣлѣ полную свободу. Заключая Зборовскій и Бѣлоцерковскій договоры, усмиряя чернь, онъ прекрасно понималъ всю недолговѣчность этихъ соглашеній и готовился къ новой войнѣ за свободу усмиряемой же имъ черни. Чернь узнавала объ этомъ только тогда, когда начиналась новая война, и потому волновалась и обвиняла своего гетмана въ измѣнѣ. Но для насъ, имѣющихъ возможность обозрѣть дѣятельность Хмельницкаго во всей ея совокупности, всякія такія обвиненія теряютъ смыслъ и значеніе.

III.

„Адъ кромѣшной злобы."

Объ успѣхѣ.—По дорогѣ на родину.—Тайное совѣщаніе.—Арестъ.—Бѣгство на Запорожье.—Союзъ съ татарами.—Переговоры и требованіе Хмельницкаго.— Настроеніе народа.— Сборы польскихъ пановъ.— Битва у Желтыхъ Водъ.— Подъ Корсунемъ.— Разговоры. — Изложеніе обидъ и неправдъ.— За вѣру.—Сношеніе съ Москвою.—Разгаръ адской ненависти.—Вишневецкій.— Распространеніе возстанья.

Итакъ мы знаемъ, что насильникъ и насилье, учиненное надъ Богданомъ Хмельницкимъ, торжествовали во всѣхъ законныхъ инстанціяхъ. Оставалось противопоставить насилію силу, взяться за казацкую саблю. Хмельницкій прекрасно понималъ, что онъ будетъ не одинъ, что на его зовъ соберутся всѣ эти бѣглецы, стремившіеся на Запорожье, всѣ тѣ, надъ кѣмъ паны совершили какое нибудь насилье, и всѣ тѣ, кто хотя бы лично и не пострадалъ еще, но не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, кто вообще не могъ примириться съ шляхетскими порядками. А не значило ли это, что весь южнорусскій народъ готовъ подняться, какъ одинъ человѣкъ, разъ только найдется предводитель, способный внушить къ себѣ довѣрье? Вѣрилъ ли самъ Богданъ въ успѣхъ затѣваемаго имъ возстанія? Праздный вопросъ. Онъ не могъ дѣлать никакихъ выкладокъ на этотъ счетъ и конечно не зналъ теоріи вѣроятностей. Онъ не думалъ объ этомъ. Не въ успѣхѣ дѣло. Успѣхъ зависитъ отъ массы сложныхъ условій, которыя невозможно даже бываетъ предусмотрѣть. Объ успѣхѣ нечего заботиться, такъ какъ всякое правое дѣло въ концѣ концовъ восторжествуетъ. Не желаніе успѣха побудило его взяться за саблю, а

страшная непререкаемая дѣйствительность. Она ворвалась въ его повидимому даже хорошо сложившуюся жизнь, перевернула все вверхъ дномъ и сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее мирное существованіе. Онъ *долженъ* былъ обнажить свою саблю и сразиться съ дѣйствительностью, не загадывая много объ успѣхахъ.

Изъ Варшавы Хмельницкій отправляется на родину, чтобы покончить со своими личными дѣлами и бѣжать на Запорожье. Дорогой онъ присматривается къ настроенію народа, заводитъ разговоры объ угнетеніи и при случаѣ высказываетъ свое рѣшеніе. «Пусть будетъ вамъ извѣстно,—говоритъ онъ,—я рѣшился мстить панамъ-ляхамъ войною не за свою только обиду, но за попраніе вѣры русской и за поруганіе народа русскаго. Я безсиленъ, но вы мнѣ помогите». И вѣроятно нерѣдко приходилось ему слышать въ отвѣтъ: «Берись за оружіе, станемъ съ тобою; поднимется земля русская, какъ никогда еще не поднималась!» Таково было общее настроеніе хлоповъ. Затѣмъ Хмельницкій старается заручиться сочувствіемъ реестровыхъ казаковъ. Онъ собираетъ нѣсколько десятковъ своихъ товарищей по оружію, даетъ имъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Варшаву, о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, читаетъ тутъ же похищенную у Барабаша знаменитую привилегію Владислава и спрашиваетъ: «Ужели долѣе будемъ терпѣть? Ужели оставимъ въ бѣдствіи братьевъ нашихъ русскихъ, православныхъ? Проѣзжая по Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія тиранства; несчастный народъ вопитъ о помощи; всѣ готовы взять оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами заодно». Тутъ казаки припоминаютъ конечно и всѣ стѣсненія, которымъ подвергаются они отъ Рѣчи Посполитой, припоминаютъ обиды, насилія отъ пановъ и т. д., и т. д., и рѣшаютъ поднять возстаніе. Но, сознавая, что однимъ имъ не по силамъ будетъ вести борьбу съ могущественнымъ организованнымъ государствомъ, они считаютъ необходимымъ обезпечить себя предварительно союзникомъ. На Москву нельзя было разсчитывать: она рѣшительно уклонялась отъ активнаго вмѣшательства въ польско-русскую распрю. Оставались татары, эти исконные враги казаковъ. Въ рукахъ казаковъ находилась теперь грамота Владислава, разрѣшавшая имъ готовить чайки и снаряжаться въ походъ противъ татаръ. Ею можно было воспользоваться и настроить татаръ противъ поляковъ, раздражавшихъ ихъ къ тому же постоянной неаккуратностью по части уплаты разныхъ «выкуповъ». Такъ и порѣшили. На Богдана возложили трудное дѣло переговоровъ съ ордою и тутъ же хотѣли избрать его гетманомъ, но онъ отказался.

Въ то время люди заботились больше о дѣлѣ, чѣмъ о протоко-

лахъ, и потому до насъ не дошло вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ совѣщаніи; но что оно было, это—фактъ. Между заговорщиками нашелся предатель. Скоро къ коронному гетману Потоцкому летѣлъ уже гонецъ съ вѣстями о заговорѣ. Приказано было немедленно схватить Хмельницкаго и держать его подъ стражей.

Тѣмъ временемъ Хмельницкій распродавалъ остатки своего имущества и повелъ на ярмарку въ селѣ Бужинѣ коня. Здѣсь онъ былъ схваченъ и, хотя на допросѣ онъ успѣшно опровергалъ всѣ обвиненія и свои слова подтверждалъ даже свидѣтельскими показаніями, однако его отдали впредь до дальнѣйшихъ распоряженій подъ надзоръ Кречовскому, переяславскому полковнику. Гетманъ Потоцкій, раздраженный постоянными возстаніями, не поцеремонился и однимъ ударомъ хотѣлъ отдѣлаться отъ новаго бунтовщика: онъ послалъ предписаніе казнить Хмельницкаго. Но Хмельницкій былъ уже внѣ опасности. Кречовскій, будущій его сподвижникъ, не устерегъ преступника, и онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ сыномъ Тимофеемъ въ Запорожье. Это случилось въ 1647 году, съ каковаго года и начинается освободительная дѣятельность Хмельницкаго.

Сичевики приняли радушно бѣглеца, пользовавшагося уже извѣстностью на Украинѣ.

«Смотрите на меня,- говоритъ онъ этимъ завзятымъ рубакамъ,—на меня, писаря войска запорожскаго, стараго казака; я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гонятъ, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и напослѣдокъ осудили на смерть. Нѣтъ для меня другой награды за кровь, пролитую для ихъ же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя и вамъ тоже угрожаетъ»!

Такія рѣчи производили сильное впечатлѣніе: всѣ эти сичевики были люди, для которыхъ въ сущности также не оставалось ничего, кромѣ смерти. Отважные воины, они были однако плохими политиками; а дѣло, задуманное Богданомъ, требовало осторожности, такта, а по тому времени—просто хитрости. Нужно было подготовить не какую-нибудь мѣстную вспышку, а всеобщее возстаніе; поэтому нужно было до поры до времени сохранять истинныя намѣренія въ тайнѣ, дабы поляки не развѣдали и не потушили пламени, пока оно еще не разгорѣлось. Хмельницкій былъ мастеромъ на такого рода дѣла. Онъ посвящаетъ въ свои планы только запорожскую старшину, а между простыми запорожцами распространяетъ слухъ, что на первыхъ порахъ предполагается ограничить все дѣло посылкой депутаціи къ королю. Къ польскимъ же панамъ и самому

коронному гетману онъ пишетъ довольно успокоительныя письма. Потоцкій самъ не прочь избѣжать кровопролитія; но ему нужна голова Хмельницкаго. Онъ хочетъ выманить его какъ-нибудь или по крайней мѣрѣ затянуть время, чтобы собраться съ силами, съ каковой цѣлью посылаетъ опытнаго въ подобныхъ дѣлахъ шляхтича для переговоровъ. Переговоры ведутся тайно отъ запорожской «сиромы» и также тайно Богданъ исчезаетъ вслѣдъ затѣмъ въ Крымъ—искать союзника. Ему удалось разсѣять недовѣрчивость татаръ, хотя въ залогъ вѣрности союза пришлось оставить въ Бахчисараѣ Тимофея. На помощь казакамъ былъ отпущенъ Тугай-Бей съ ордой.

Что требованія Хмельницкаго на первыхъ порахъ были довольно скромны и во всякомъ случаѣ касались только чисто казацкихъ нуждъ, видно даже изъ письма Потоцкаго къ королю.

«Хотя я и знаю,—писалъ коронный гетманъ, — что этотъ безразсудный человѣкъ Хмельницкій не преклоняется кротостью, однако не разъ уже я посылалъ къ нему съ предложеніемъ выйти изъ Запорожья съ обѣщаніемъ помилованія и прощенія всѣхъ поступковъ... Хмельницкій отпустилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ такими требованіями: во 1) чтобы я съ войсками выступилъ изъ Украины; во 2) чтобы удалить полковниковъ и офицеровъ; въ 3) чтобы уничтожить установленное республикою казацкое устройство и чтобы казаки оставались при такихъ вольностяхъ, при которыхъ они могли бы не только ссорить насъ съ посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество». (Дальше читатель убѣдится, какъ ошибался Потоцкій насчетъ посягательства на величество.) «...Что онъ давно обдумалъ, — пишетъ затѣмъ гетманъ,—какъ начать бунтъ и какъ дѣйствовать, въ этомъ ваша королевская милость убѣдиться извольте, обративъ вниманіе на число его сообщниковъ, простирающееся до 3,000 чел. Сохрани Богъ, если онъ войдетъ съ ними въ Украину! Тогда эти три тысячи быстро возрастутъ до 100,000 и намъ будетъ трудная работа съ бунтовщиками».

Потоцкій не обманывался. Дѣйствительность принимала грозный видъ. Не смотря на всю осторожность, съ какой Хмельницкій велъ дѣло, въ народѣ шла усиленная молва о подготовляемомъ возстаніи. Собирались своевольныя толпы. Побѣги хлоповъ учащались. Народъ запасался оружіемъ. Одинъ Іеремія Вишневецкій отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ. Наконецъ появились агитаторы Хмельницкаго, которые ходили по селамъ и склоняли народъ на сторону казаковъ. Въ томъ же письмѣ къ королю коронный гетманъ говоритъ, что гибельное пламя возстанія уже такъ разгорѣлось, «что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ не раздавалось бы призыва къ своеволью и гдѣ бы не умышляли на жизнь и имѣніе пановъ своихъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія». Пожалуй уже поздно было «однимъ страхомъ» прекращать войну. Нужно было браться

за оружіе. Разнесся слухъ, что Хмельницкій выступилъ съ войскомъ изъ Запорожья и направился въ Украину. Дѣйствительно, Хмельницкій, уладивъ союзъ съ татарами, возвратился на Запорожье и здѣсь, на многолюдной радѣ, былъ избранъ гетманомъ запорожскаго войска. Съ наступленіемъ весны онъ намѣревался идти въ Украину.

Между тѣмъ польскіе паны медлительно собирались съ своими надворными командами къ главному предводителю, коронному гетману Потоцкому. Что значило для польскихъ шляхтичей потушить вспышку казацкаго своеволія? Не въ первый разъ имъ приходится имѣть дѣло съ этой «сволочью». Разсчитывали, что побѣда дастся легко, и проводили время въ пирушкахъ. Къ тому же королевскіе коммиссары расхолаживали всякій пылъ. Король былъ увѣренъ, что казаки собрались противъ турокъ (по его же наущенію), и потому находилъ, что самое лучшее средство усмирить имъ, это—дозволить имъ свободно отправиться на море.

Въ такомъ духѣ и дѣйствовали его коммиссары. Однако вѣсти съ низовья Днѣпра становились все тревожнѣе и тревожнѣе. Собрали военный совѣтъ и порѣшили, что всему войску двигаться незачѣмъ и что достаточно будетъ отправить впередъ сильный отрядъ, который «уничтожитъ до тла презрѣнное скопище и приведетъ зачинщиковъ на праведную казнь». Реестровые казаки, подъ начальствомъ Барабаша, отправились Днѣпромъ, а панскіе жолнеры и драгуны (въ числѣ послѣднихъ также много было русскихъ)—сухопутьемъ. Узнавъ о движеніи поляковъ, Хмельницкій выступилъ изъ Запорожья имъ на встрѣчу; Тугай-Бей шелъ вслѣдъ за нимъ съ татарами. Какъ велика была численность противниковъ, достовѣрно неизвѣстно. У Хмельницкаго было 8 тысячъ украинцевъ; татаръ на этотъ разъ насчитывали немного, тысячъ около 4. У поляковъ же реестровыхъ казаковъ было около 6 тысячъ, да остального регулярнаго войска отъ 2 до 6 тысячъ. Можетъ быть поляки въ численномъ отношеніи и уступали украинцамъ, но зато они имѣли хорошую артиллерію и обученное войско, тогда какъ въ рядахъ украинцевъ была масса бѣглыхъ землепашцевъ, плохо вооруженныхъ и плохо владѣвшихъ оружіемъ, а орда вся дѣйствовала луками. Такъ незначительны были передовые отряды, выставленные двумя народами, готовыми ринуться другъ на друга съ страшнымъ ожесточеніемъ. За молодымъ Потоцкимъ, предводительствовавшимъ передовымъ отрядомъ, стоялъ старый Потоцкій, коронный гетманъ, а затѣмъ и вся масса войска, какую могла выставить Польша. Хмельницкому же въ случаѣ неудачи не на кого было разсчитывать. Даже татары, его союзники, и тѣ несомнѣнно бросились бы

на него при первыхъ неудачныхъ дѣйствіяхъ. Для него и для поднятаго имъ возстанія все зависѣло отъ исхода перваго столкновенія.

Противники сошлись у потока *Желтыя Воды*. Никто не начиналъ боя. Поляки поджидали реестровыхъ казаковъ, плывшихъ Днѣпромъ: а Хмельницкій.... онъ увѣщевалъ этихъ самыхъ казаковъ не проливать братской крови и присоединиться къ нимъ.

«Всѣ народы,—говорилъ онъ,—защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы тоже дѣлаютъ: на то Богъ далъ имъ зубы и когти. Или намъ оставаться невольниками въ собственной землѣ своей? Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣру—все это въ благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя Польское королевство!»

Реестровые убили Барабаша и другихъ, стоявшихъ за поляковъ, присоединились къ запорожцамъ и, въ виду польскаго лагеря, вошли въ казацкій обозъ. Теперь шансы борьбы стали далеко неравными. Поляки окопались и рѣшили выдерживать осаду, пока подоспѣетъ помощь. Но Хмельницкій перехватилъ посланнаго ими гонца. Положеніе становилось безвыходнымъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, поляки храбро отбивались, но въ концѣ концовъ потерпѣли страшное пораженіе (5, 7 и 8 мая 1648 года). Очень не многимъ удалось уйти съ поля сраженія. Масса пала, многіе знатные паны были взяты въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ оказался между прочимъ Выговскій, ставшій вскорѣ самымъ приближеннымъ лицомъ къ Хмельницкому. Но что было важнѣе всего для казаковъ, это—доставшіяся имъ пушки. Теперь Хмельницкому предстояло сразиться съ главными силами поляковъ, которыя онъ настигъ подъ *Корсунемъ*; и онъ обращается, какъ поется въ народной думѣ, къ казакамъ съ такими словами:

„Гей, друзи молодци.
Браття козаки запорозци.
Добре дбайте, барзо гадайте
Изъ ляхами пиво варити зачинайте!
Лядьский солодъ, козацька вода;
Лядьски дрова, козацьки труда.“

Въ польскомъ войскѣ шла жестокая распря между военачальниками. Русскіе воины переходили на сторону казаковъ. Загнанные въ ловушку поляки здѣсь были разбиты на голову (16 мая 1648 г.).

«Роковое мѣсто для поляковъ,—говоритъ Костомаровъ,—было въ концѣ рощи. Дорога спускалась съ крутой горы въ долину и поднималась на гору. Вдоль долины на нѣсколько верстъ шелъ выкопанный глубокій ровъ. Польскія пушки и возы, съѣзжая съ горы, летѣли въ этотъ ровъ. Напрасно передніе кричали заднимъ: «стой! стой!» Лошади, успѣвшія достигнуть спуска, не въ силахъ были удержаться, падали съ возами однѣ за другими въ ровъ; другіе возы въ безпорядкѣ бросались въ сторону, но по бокамъ были овраги, и они туда попадали. Прямо на поляковъ съ противоположной горы палили козацкія пушки, а сзади пріударили на нихъ со всѣхъ силъ казаки и татары.»

Поляки смѣшались. Князь Корецкій съ своими двумя тысячами жолнеровъ покинулъ обозъ. Казаки ворвались въ польскій четыреугольникъ и началось нещадное избіеніе поляковъ. Самъ коронный гетманъ Потоцкій попался въ плѣнъ; та же участь постигла второго гетмана Калиновскаго и многихъ другихъ пановъ. Всѣ они пошли на вознагражденіе татарамъ за союзъ и были отправлены въ Крымъ до уплаты выкупа. Казакамъ же достались въ добычу богатые обозы пановъ, собравшихся пировать побѣду надъ хлопами.

Корсунская побѣда,—это увертюра къ страшной кровавой драмѣ, разыгранная на сабляхъ при пушечномъ грохотѣ. Но не одними кровавыми дѣяніями, побѣдами и пораженіями пишетъ эту драму казацкій батько Хмельницкій. Онъ—не Наливайко, Павлюкъ, Перебійносъ и тому подобные народные вожди. Онъ вѣдь прошелъ іезуитскую школу. Онъ придаетъ большое значеніе *разговорамъ*, громадное значеніе, во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ слѣдовало бы. Переговорами онъ думалъ уладить непримиримый раздоръ между русскимъ народомъ и польской шляхтой. Роковое заблужденіе! Правда, бываютъ моменты, когда *слово* совершаетъ великія дѣла. Но какое слово? Во всякомъ случаѣ не дипломатическое. И затѣмъ бываютъ моменты, когда никакое слово не въ состояніи разрѣшить накопившихся неправдъ. Развѣ былъ какой нибудь мостикъ между «паномъ и «хлопомъ»? Словесный пожалуй, но дѣйствительнаго никакого.

Кромѣ того переговоры, которые велъ Хмельницкій, не соотвѣтствовали дѣламъ, которыя онъ дѣлалъ. Онъ не вполнѣ ясно понималъ еще мотивы, вызвавшіе украинскій народъ на борьбу, и потому не могъ формулировать надлежащимъ образомъ его требованій. Этотъ разладъ между дѣлами, побѣдами и словами, переговорами, звучитъ вопіющимъ диссонансомъ среди бряцанія сабель, грохота пушекъ, стоновъ и криковъ погибающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, насколько Хмельницкій былъ преданнымъ и вѣрнымъ еще сыномъ своего отечества. Что бы ни говорили, этотъ бунтарь выказалъ большую по обстоятельствамъ времени лояльность.

Послѣ Корсунской битвы Хмельницкій разослалъ по всей Украинѣ универсалъ съ призывомъ къ возстанію; онъ приглашалъ всѣхъ, желающихъ владѣть оружіемъ, собраться подъ Бѣлой-Церковью, гдѣ казаки расположились лагеремъ. Что онъ писалъ въ этомъ универсалѣ, достовѣрно неизвѣстно, такъ какъ сохранившіяся копіи считаются подложными или искаженными. Но въ то же время онъ отправляетъ депутацію къ королю, не смотря на слухи о смерти послѣдняго. Депутація должна была представить письмо Хмельницкаго и изложить различныя обиды и неправды. Оказывается, что

и въ письмѣ, и въ объясненіяхъ депутатовъ дѣло идетъ объ обидахъ и неправдахъ, которыя терпятъ собственно *казаки.*

«Смиренно повергаемъ къ стопамъ вашего величества нашу вѣрность, подданство и козацкую нашу службу,—пишетъ самозванный, съ польской точки зрѣнія, гетманъ, только что безпощадно разгромившій короннаго гетмана съ немалочисленной панской ратью;—хотя мы ужъ и наскучили своими безпрестанными жалобами вашей королевской милости о нестерпимыхъ обидахъ, какія намъ дѣлаютъ господа старосты и помѣщики украинскіе, но негдѣ намъ искать обороны: только на Господа Бога, да на милосердіе вашего величества полагаемъ надежду..... Паны полковники наши, ихъ рукодайные слуги, вмѣсто того, чтобы насъ оборонять отъ такихъ бѣдъ и напастей, еще сами имъ противъ насъ помогаютъ; даже и жиды, надѣясь на господъ старостъ, дѣлаютъ намъ тягости, такъ что и въ турецкой неволѣ христіанство не переноситъ такихъ бѣдъ, какія причиняютъ намъ, подножкамъ вашей королевской милости. Мы сами знаемъ, что такія обиды дѣлаются въ противность вашей милости, но они намъ кричатъ: «мы вамъ дадимъ короля! А что сякіе-такіе сыны, помогаетъ вамъ король?» Наконецъ послѣ этого мы уже не могли болѣе терпѣть такого незаслуженнаго мученія; не стало силъ жить въ домахъ своихъ и, побросавши женъ и дѣтей, принуждена была часть войска бѣжать куда нибудь, унося головы съ душами».

Затѣмъ Хмельницкій объясняетъ, какъ на него напалъ коронный гетманъ Потоцкій и какъ «при сухихъ дровахъ досталось и сырымъ». А вотъ и изложеніе обидъ по пунктамъ.

1) Паны державцы и украинскіе урядники обходятся съ козаками не какъ съ рыцарями, а какъ съ рабами. 2) Хутора, нивы, луга, мельницы и все, что понравится, паны отбираютъ у нихъ, а ихъ самихъ сажаютъ въ тюрьмы, мучатъ, убиваютъ. 3) Собираютъ съ козаковъ, проживающихъ въ имѣніяхъ его королевскаго величества, точно съ мѣщанъ, десятину и поволовщину. 4) Не дозволяютъ козацкимъ сыновьямъ содержать у себя старыхъ отцевъ и матерей. 5) Съ казацкихъ вдовъ, хотя бы у нихъ сыновья были на службѣ, берутъ подати, какъ съ мѣщанъ, и грабятъ ихъ безъ милосердія. 6) Козацкіе полковники не защищаютъ ихъ, и даже помогаютъ утѣснять. 7) Жолнерская челядь забираетъ у козаковъ воловъ, коровъ, сѣно и хлѣбъ. 8) Не позволяютъ на Днѣпрѣ и Запорожьѣ свободно ловить звѣрей и рыбу. 9) Военную добычу, что получше, полковники вмѣстѣ съ жолнерами отнимаютъ у козаковъ и оставляютъ имъ одинъ только бракъ. 10) Пользуются всякимъ случаемъ, чтобы засадить козака въ тюрьму и взять съ него взятку, гоняютъ на работы, къ подводамъ и т. д. 11) 6 тысячъ реестровыхъ козаковъ недостаточно; король разрѣшилъ увеличить это число до 12 тысячъ и итти козакамъ на море, но воля королевская осталась не выполненною. 12) Войско не получало за пять лѣтъ жалованья, которое просятъ выплатить теперь. 13) Просятъ ни въ чемъ не нарушать древней греческой религіи и возвратить православнымъ всѣ церкви, обращенныя въ уніатскіе костелы и 14) Просятъ сохранить за войскомъ всѣ льготы, дарованныя прежними королями.

Итакъ, даже разгромивъ на голову польскія войска, казаки не думаютъ ни объ отдѣленіи отъ Рѣчи Посполитой, ни о ниспроверженіи панскаго гнета надъ простымъ народомъ вообще; они пере-

числяютъ частныя войсковыя обиды и только въ самомъ концѣ указываютъ на одну обиду общаго характера и просятъ о древней греческой религіи. Однако обиды, испытываемыя казаками отъ пановъ, не имѣли ничего специфически казацкаго: тѣ же обиды испытывалъ и весь народъ, только въ послѣднемъ случаѣ это были уже не обиды, а тяжелое и притомъ признанное закономъ порабощеніе. Поэтому на борьбу, поднятую казаками въ своихъ интересахъ, долженъ былъ отозваться весь народъ. Дѣйствительно, между казаками и простымъ народомъ не было непроницаемой перегородки, какъ между шляхтичемъ и хлопомъ. Всякій хлопъ, чувствовавшій влеченіе къ казакованію, легко могъ сдѣлаться казакомъ, несмотря на всѣ запреты: «сичь-маты», какъ мы знаемъ, всякаго принимала и всякаго укрывала. Пусть тамъ казацкія депутаціи излагаютъ передъ польскимъ сеймомъ и королемъ свои казацкія обиды и требуютъ возстановленія своихъ привилегій. Весь народъ будетъ биться подъ казацкимъ знаменемъ. Частное должно превратиться во всеобщее. Казацкая привилегія на свободный трудъ должна стать всеобщимъ правомъ; въ противномъ случаѣ цѣлости и даже самому существованію Рѣчи Посполитой угрожала большая опасность. Но ни польскіе правители, ни даже казацкіе предводители не находились на высотѣ пониманія совершавшихся событій, и потому результаты получились далеко не тѣ, какіе могли бы получиться.

Конечно Хмельницкій понималъ, что съ народомъ нечего говорить о казацкихъ привилегіяхъ; поэтому онъ призываетъ его на борьбу за вѣру, указывая на экономическій гнетъ, вообще испытываемый имъ отъ пановъ, но не предлагая въ этомъ отношеніи никакого опредѣленнаго выхода. Точно также и въ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ онъ выставляетъ на первый планъ интересы православной церкви, утверждая, что казаки умираютъ за древнюю греческую вѣру, терпятъ насилія отъ «безбожныхъ аріанъ» и т. д.

«Желали бы мы—писалъ онъ царю,—самодержца государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская вельможность, православный христіанскій царь; тогда бы, чаю, исполнилось предвѣчное пророчество Христа Бога нашего, что всѣ въ рукахъ его святой милости будемъ; увѣряемъ ваше царское величество: еслибы на то была воля Божья и твой царскій поспѣхъ тотчасъ наступить на эти государства, немедля, мы со всѣмъ войскомъ запорожскимъ готовы услужить вашей царской вельможности. Отдаемся вамъ съ нижайшими услугами; если ваше царское величество услышишь, что ляхи съизнова на насъ хотятъ наступить, поспѣшайся съ своей стороны на нихъ наступить, а мы ихъ съ Божью помощью возьмемъ отселѣ, и да управитъ Богъ изъ давнихъ лѣтъ глаголемое пророчество.»

Празднымъ вопросомъ будетъ доискиваться, искрененъ или не-

искрененъ былъ казацкій батько, придавая поднятому имъ движенію религіозный характеръ. Тогдашняя Москва вовсе не заботилась объ искренности и была пропитана внѣшней религіозностью. Едва ли въ какомъ-либо иномъ духѣ мыслимы были переговоры Хмельницкаго съ Московскимъ царемъ. Когда же обнаруживалось, что московскіе воеводы сносятся съ польскими пограничными властями, онъ въ раздраженіи писалъ прямо: «дай Боже, чтобы и всякій непріятель нашего войска запорожскаго такъ себѣ шею уломалъ, какъ нынѣ Богъ послалъ намъ ляховъ надломить!» Въ то время, когда Богданъ велъ всѣ эти переговоры, народное возстаніе быстро распространялось по южнорусской землѣ. Вѣсти о пораженіи поляковъ и призывы Хмельницкаго служили тѣми искрами, отъ которыхъ воспламенялся народный гнѣвъ. Духовенство, въ особенности низшее, также не мало натерпѣвшееся отъ шляхетскаго своеволія, горячо призывало къ борьбѣ:

«Приспѣлъ часъ, желанный часъ!—говорили священники:—время возвратить свободу и честь нашей вѣры! Вѣка проходили и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Намъ не давали даже убѣжища для молитвы. Всѣ наши приходы, церкви, обители, епархіи въ рукахъ латиновъ и уніатовъ... Латинамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные православные восточнаго благочестья страдаютъ въ нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды управляютъ ихъ имѣніями и попираютъ бѣдныхъ христіанъ. Пора! пора! Ополчайтесь за свою жизнь! Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ.»

Даже и въ этомъ обращеніи слышится матеріальная нотка: «доходныя мѣста». Что же удивительнаго, что все движеніе приняло крайне матеріалистическій, грубый характеръ. Народъ, ожесточенный долгими годами необузданнаго своеволія и насилія, далъ волю своей ненависти. Началась дикая расправа съ панами и жидами.

Хлопы, вооружившись чѣмъ попало, составляли загоны и дѣйствовали въ разбродъ по собственному почину и на свой страхъ. Они назывались также казаками; но случалось, что Хмельницкій даже не зналъ объ ихъ существованіи. Какъ только такой загонъ появлялся въ извѣстной мѣстности, крестьяне присоединялись къ нему и врывались въ домъ своего пана. Тутъ уже все гибло: и старые, и молодые, и паны, и слуги, если только они были не православные; имущество же грабилось и дѣлилось между участниками. Единственное спасеніе для пановъ было въ бѣгствѣ. Шайки, возростая въ численности, проявляли и бо́льшую дерзость. Пограбивъ помѣщичьи усадьбы, они обращались на укрѣпленные замки, осаждали, брали ихъ, наконецъ выдерживали цѣлыя сраженія, если опомнившіеся отъ испуга шляхтичи успѣвали организовать какой-нибудь отпоръ. Чѣмъ большее сопротивленіе встрѣчала такая шайка или такой отрядъ въ своемъ опустошительномъ движеніи, тѣмъ же-

сточе была расплата. Женщинъ нерѣдко насиловали на глазахъ мужей, младенцевъ разбивали о стѣны, доставшимся же живыми въ плѣнъ полякамъ придумывали всяческія казни: ихъ рѣзали, вѣшали, топили, распиливали пополамъ, сдирали съ живыхъ кожу и т. д. Все это не трудно объяснить одной дикостью и кровожадностью некультурнаго народа. Но такое сужденіе будетъ по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ. Что выносилъ этотъ самый народъ въ мирныя времена панскаго управленія? А затѣмъ, не такимъ ли же казнямъ подвергался онъ въ случаѣ торжества высокообразованныхъ Потоцкихъ, Конецпольскихъ, Вишневецкихъ? Кто, какъ не Іеремія Вишневецкій кричалъ въ иступленіи: «мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!» Насилье за насилье, смерть за смерть, казнь за казнь—таковъ былъ лозунгъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. За посягательство въ спокойныя времена на православныя святыни отвѣчали теперь поруганіемъ и издѣвательствомъ надъ католическими святынями: костелы грабили и жгли, устраивали въ нихъ пьяныя оргіи, образа рубили и уродовали, мертвыя тѣла вытаскивали изъ усыпальницъ и выбрасывали вонъ и т. д. Еще страшнѣе народная месть разразилась надъ евреями, которые, какъ говорится въ одной думѣ, всѣ козацкія дороги заарендовали и на каждой милѣ поставили по три кабака, всѣ торговыя мѣста заарендовали и на всякіе привозимые казаками продукты наложили пошлину, всѣ казацкія церкви заарендовали и брали поборы за всякое отправленіе религіозныхъ потребностей, всѣ казацкія рѣки заарендовали и т. д., и т. д. И вотъ разомъ згинули не только всѣ эти аренды, но, можно сказать, почти все еврейское населеніе на Украйнѣ. Современникъ еврей Ганноверъ разсказываетъ страшные ужасы о неистовствахъ народа на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ его описаніи краски несомнѣнно сгущены, единичнымъ случаямъ приданъ общій характеръ, но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ: евреевъ вырѣзывали поголовно и придумывали имъ такія казни, какія только могли прійти въ голову, опьяненную кровью.

Въ лѣвобережной Украинѣ волненіе началось, лишь только дошли первыя вѣсти о дѣйствіяхъ Богдана Хмельницкаго. Здѣсь на стражѣ польско-шляхетскихъ интересовъ стоялъ Вишневецкій, владѣвшій громадными пространствами въ теперешней Полтавской губерніи по рѣкамъ Сулѣ и Пслу. Этотъ завзятый магнатъ, колонизаторъ степи, отличался не меньшей жестокостью, какъ мы тотчасъ говорили, чѣмъ Ганжа, Кривоносъ и другіе предводители казацкихъ загоновъ. Рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ собралъ немедленно шляхтичей тысячъ до восьми и сталъ разгонять мятежныя

скопища. Висѣлица и колъ обозначали путь, по которому онъ подвигался. Такъ онъ прошелъ отъ Лубенъ до Переяславля и хотѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ, чтобы идти на помощь Потоцкому, какъ услышалъ, что Переяславль возмутился и Кривоносъ, его достойный соперникъ по кровожадности, готовится напасть на него. Вслѣдъ затѣмъ къ нему явились посланцы отъ Богдана Хмельницкаго: казацкій предводитель извѣщалъ о своей побѣдѣ подъ Корсунемъ и просилъ не проливать крови. Вишневецкій посадилъ посланцевъ на колъ, а самъ поспѣшилъ отступить къ Лубнамъ и, взявши жену, бѣжалъ на правую сторону Днѣпра.

Но и на правой сторонѣ возстаніе было уже въ полномъ разгарѣ. На Подоли дѣйствовали загоны Ганжи, Остапа Павлюка. Половьяна и Морозенка. Укрѣпленные замки и города Немировъ, Нестерово, Винница, Брацлавъ и другіе были взяты и разорены. «По всей Подоли до самой Горыни (притокъ Припети) панскіе замки, города, мѣстечки лежали въ развалинахъ; кучи гнившихъ тѣлъ валялись безъ погребенія, пожираемыя собаками и хищными птицами; воздухъ заразился до того, что появились смертельныя болѣзни. Дворяне бѣжали толпами за Вислу и ни одной шляхетской души не осталось на Подоли.» Въ это время среди растерянныхъ шляхтичей и евреевъ появляется Вишневецкій «. О,—говоритъ онъ,—я накажу измѣнниковъ, такъ что и свѣтъ не слыхалъ еще такой кары!». Насталъ въ полномъ смыслѣ слова «адъ человѣческой злобы». Злополучный Немировъ, несдавшійся по первому требованію Вишневецкаго, испыталъ на себѣ всю жестокость его необузданнаго сердца. На глазахъ этого высококультурнаго аристократа немировцамъ вырывали глаза, распинали ихъ, растесывали пополамъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ, и онъ находилъ какое то удовольствіе въ зрѣлищѣ всѣхъ этихъ мученій и еще больше разжигалъ палачей. Но и здѣсь онъ встрѣтилъ своего соперника Кривоноса, этого характерника по народнымъ понятіямъ, т. е. человѣка, котораго не брала вражья пуля. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ Вишневецкій, опасаясь, что скоро на выручку Кривоноса придетъ самъ Хмельницкій, отступилъ еще дальше въ глубь страны, къ Збаражу, куда бѣжала Гризельда, его жена. Теперь мятежные загоны могли свободно разгуливать и по Волыни. Города Кременецъ, Острогъ, Луцкъ, Владиміръ и другіе были взяты и признали надъ собою власть Хмельницкаго. «Мы спимъ,—писалъ одинъ современникъ изъ Волыни,—съ женами и дѣтьми подъ страхомъ нападенія день и ночь, каждую минуту. Взрослые обоего пола и дѣти толпятся въ костелахъ; ксендзы возсылаютъ молитвы объ отвращеніи гнѣва

Божія. Говорятъ, семьдесятъ казаковъ пущено по Волыни возмущать хлоповъ и мѣщанъ.» «Христіане надъ христіанами,—писалъ Кисель,—совершали на Волыни такія жестокости, какихъ не дѣлаютъ даже турки и татары.» Загоны доходили до самаго Бреста, который также подвергся разоренію. Такимъ образомъ казаки дѣйствительно были уже не далеко отъ Бѣлой рѣки (Вислы), за которую они угрожали полякамъ пробраться.

Въ Бѣлой Руси гуляли свои загоны подъ начальствомъ своихъ атамановъ: Небабы, Кривошапки, Хвеська и другихъ. Города Гомель, Львовъ, Ерахпнъ, Пинскъ, Могилевъ побывали въ рукахъ мятежниковъ. Даже въ Червонной Руси подъ Львовомъ и въ самомъ Львовѣ, гдѣ поляки чувствовали себя вполнѣ, какъ дома, было далеко не спокойно. Былъ случай даже открытаго возмущенія хлоповъ. «Вездѣ около Львова,—писалъ одинъ мѣстный обыватель,—поляку и жиду опасно проѣхать по дорогѣ: стерегутъ, нападаютъ, убиваютъ, мучатъ. Вся Русь дышетъ злобою ко всему католическому и шляхетскому!»

IV

Разгромъ.

Медлительность Хмельницкаго.—Сеймъ.—Посылка коммиссаровъ.—Польское войско и польскіе паны.—Разгромъ шляхты подъ Пилявою.—Осада Львова.—Недовольство черни.—Осада Замостья.—Разговоры на сеймѣ.—Избраніе Яна Казимира.—Первые шаги новаго короля.—Универсалъ Хмельницкаго.—Въѣздъ въ Кіевъ.—На вершинѣ славы.—Рѣшимость «кончать ляховъ».—Сношенія съ Москвою.—Переговоры съ польскими коммиссарами.—Поздно!—Война за вѣру и народъ.—Больше дипломатъ, чѣмъ строитель.

Такъ быстро разгоралось пламя возстанія, пока Богданъ Хмельницкій стоялъ подъ Бѣлой Церковью и велъ разные дипломатическіе переговоры. Онъ отправилъ, какъ мы говорили, депутацію на сеймъ, приглашалъ къ себѣ Киселя для переговоровъ, велъ переписку съ пограничными московскими воеводами. Онъ согласенъ былъ повидимому итти на мировую съ поляками. Но не безъ его конечно вѣдома и даже не безъ его согласія разносили во всѣ стороны южнорусской земли пламя возстанія казацкіе и хлопскіе загоны. Нужно было воспользоваться моментомъ, нагнать страхъ на пановъ, пока они еще не успѣли прійти въ себя и собраться вокругъ хотя бы такого завзятаго воина, какъ Вишневецкій, разорять ихъ

помѣстья, показать имъ воочію все ихъ безсиліе и тѣмъ вынудить на такое соглашеніе, какое было бы наивыгоднѣе для казаковъ. Неистовства же народа никоимъ образомъ не падали на него лично; все это было дѣломъ рукъ разныхъ Кривоносовъ, Ганжей и т. п. въ то время, какъ съ польской стороны Вишневецкій напримѣръ лично распоряжался казнями и придумывалъ всевозможныя муки. Въ такомъ видѣ онъ представлялъ дѣло въ Варшавѣ и медлилъ военными дѣйствіями, хотя и приготовлялся къ нимъ, выжидая, какой отвѣтъ привезутъ отъ сейма казацкіе депутаты.

Въ Польшѣ наступило тревожное время безкоролевія. Владиславъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Предстояли выборы новаго короля. Въ странѣ, гдѣ каждый великопомѣстный магнатъ могъ питать тщеславныя мысли о королевскомъ санѣ, такой моментъ былъ далеко не безопасенъ для всего государства. Но собравшійся теперь въ Варшавѣ сеймъ только выслушалъ извѣщеніе о смерти короля и занялся главнымъ образомъ обсужденіемъ вопроса о подавленіи казацкаго мятежа. Первымъ дѣломъ рѣшено было послать противъ мятежниковъ войско, для чего набрать за счетъ провинцій 36 тысячъ человѣкъ въ видѣ земскаго ополченія. На бѣду государственная казна оказалась пуста, въ ней, какъ доложилъ сейму министръ финансовъ, было всего 76 тысячъ злотыхъ; изъ русскихъ провинцій поступленіе доходовъ за всеобщемъ разореніемъ прекратилось, да и изъ самой короны (Польши) значительно уменьшилось. На этотъ разъ слѣдовательно паны не могли даже откупиться отъ татарской орды, помогавшей казакамъ. Рѣшено было нанимать въ войско преимущественно шляхтичей и чужеземцевъ, хлоповъ же избѣгать, такъ какъ на ихъ вѣрность нельзя было положиться. Во главѣ ополченія поставили трехъ предводителей: Заславскаго, Конецпольскаго и Остророга. Паны опасались диктатуры, кажется, больше, чѣмъ казацкаго разгрома; они побоялись вручить предводительство Іереміи Вишневецкому, не смотря на всѣ его военные заслуги и популярность, какой онъ пользовался среди войска; побоялись быть можетъ именно вслѣдствіе этихъ его достоинствъ, хотя онъ былъ безспорно самый подходящій человѣкъ для роли полководца.

Вопросъ же, чѣмъ вызвано народное волненіе, сеймъ сталъ обсуждать уже послѣ того, какъ порѣшилъ подавить его силой. Призвали казацкихъ депутатовъ. Они дали объясненія, извѣстныя намъ по инструкціи и письму Хмельницкаго. Между панами возникло разногласіе. Одни стояли за безпощадное подавленіе возстанія, не входя въ разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ его. Другіе были благоразумнѣе и говорили:

«Не надо бранить казаковъ за то, что они поякшались съ татарами; можно обратиться къ самому аду, лишь бы избавиться отъ такого рабства и утѣсненія, какое они терпѣли... Казацкій коммиссаръ былъ полякъ, полковники—поляки, гарнизоны на Запорожьѣ состояли постоянно изъ поляковъ... Можно бы и судъ установить для тѣхъ, которые вздумали бы обижать и притѣснять казаковъ... Я совѣтую, чтобы казаки были удовлетворены во всемъ».

Радзивиллъ находилъ, что причиною бури «были грѣхи наши, да угнетеніе убогихъ». Кисель предлагалъ покончить миромъ съ казаками. Даже между духовными сенаторами были такіе, которые предлагали даровать казакамъ амнистію, возстановить казацкія вольности и устранить ненавистнаго казакамъ Вишневецкаго отъ предводительства коронныхъ войскомъ. Бурю негодованія вызвало разоблаченіе какихъ-то таинственныхъ сношеній между покойнымъ королемъ и казаками и желаніе казаковъ, чтобы паны стали простой шляхтой, а король былъ одинъ главою надъ всѣми. Канцлера Оссолинскаго называли измѣнникомъ; раздавались требованія изслѣдовать все дѣло судебнымъ порядкомъ. Пренія принимали дурной оборотъ для казаковъ; партія Вишневецкаго легко могла восторжествовать, еслибы Оссолинскому, умѣвшему выходить сухимъ изъ воды, не удалось и на этотъ разъ успокоить расходившихся пановъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія противъ казаковъ, послать къ нимъ коммиссаровъ и попытаться покончить дѣло миромъ. Казацкимъ же депутатамъ вручили отъ всего сейма письменный отвѣтъ такого рода:

«Нѣтъ надобности объяснять вамъ вашего поступка: вы сами знаете, что поступили противъ присяги Богу, противъ всѣхъ христіанскихъ обязанностей, когда осмѣлились поднять саблю на христіанъ, соединившись съ невѣрными и пользуясь малочисленностью и неустройствомъ Рѣчи Посполитой. Хотя, съ милостію Божіей, Рѣчь Посполитая могла бы отомстить вамъ, и вѣрно Богъ самъ благословилъ бы насъ на то, но, не желая болѣе проливать крови христіанской, Рѣчь Посполитая склоняется на ваши униженныя просьбы: вамъ назначаютъ коммиссаровъ изъ людей знатныхъ и не отказываютъ вамъ въ прощеніи, однако требуютъ, чтобы вы прежде отпустили всѣхъ плѣнниковъ, обратили бы вниманіе на предводителей своевольныхъ шаекъ, которые нападаютъ на шляхетскіе дома, и представили ихъ передъ панами коммиссарами, разорвали бы заключенный съ татарами союзъ и впередъ не имѣли бы никакого отношенія съ погаными. Тогда ожидайте коммиссаровъ».

Между тѣмъ на Руси разнесся слухъ, будто бы поляки посадили на колъ казацкихъ депутатовъ. Мирное соглашеніе казалось невозможнымъ. Кривоносъ громилъ пановъ на Волыни, и самъ Хмельницкій, снявъ свой обозъ, двинулся впередъ. Но на пути онъ встрѣтилъ казацкихъ депутатовъ, а затѣмъ и посланцевъ Киселя, ѣхавшихъ для мирныхъ переговоровъ. Хмельницкій остановился. Отвѣтъ сейма не могъ однако удовлетворить казаковъ: въ немъ ни-

чего не говорилось, примутъ ли паны при переговорахъ во вниманіе требованія казаковъ. Посланцы же Киселя привезли листъ, писанный отъ имени коммиссаровъ, и того менѣе еще успокоительный: о правахъ казаковъ снова не было ни слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ требовали удаленія татаръ и возвращенія полякамъ взятаго въ бою оружія, казни предводителей загоновъ, т. е. отъ казаковъ требовали, чтобы они, лишивъ себя союзниковъ и оружія, предались на полную волю поляковъ. Въ лагерѣ Хмельницкаго поднялся ропотъ; его самого стали подозрѣвать въ потачкѣ панамъ. При такихъ условіяхъ мировая очевидно была немыслима. Миротворецъ Кисель такъ даже и не добрался до лагеря Тамерлана, какъ онъ называлъ Хмельницкаго. Столь же безуспѣшно было и посредничество кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова. Можетъ быть Хмельницкій и искренно говорилъ ему, что онъ самъ готовъ миромъ покончить распрю, но что общая рада не соглашается. Вообще, при первыхъ же переговорахъ, обнаружилось глубокое заблужденіе польскихъ пановъ относительно истиннаго характера возстанія; они не прочь были удовлетворить разными подачками казацкую старшину, но совершенно игнорировали народъ, а между тѣмъ возставшая чернь представляла силу, которой вынужденъ былъ подчиняться въ рѣшительныхъ случаяхъ даже самъ казацкій батько.

Итакъ, военныя дѣйствія снова должны были открыться. За эти нѣсколько мѣсяцевъ выжиданія возстаніе сдѣлало громадные успѣхи. Весь край къ югу отъ рѣки Случи былъ въ рукахъ мятежниковъ и казаки дѣйствительно могли говорить, какъ поется въ думѣ: «Оттакъ, ляше, по Случъ наше». Хмельницкій успѣлъ перенести театръ военныхъ дѣйствій въ самый центръ русской земли, откуда къ нему безпрестанно стекался со всѣхъ сторонъ народъ и гдѣ онъ былъ обезпеченъ относительно продовольствія. Онъ собралъ большое войско и могъ дать хоть какое-нибудь устройство этимъ бѣглымъ толпамъ, не имѣвшимъ даже оружія. Поляки также не теряли даромъ времени. Они выставили противъ казаковъ войско, состоявшее изъ земскаго ополченія и панскихъ командъ. Но несогласія между панами, обнаружившіяся на сеймѣ, и тутъ произвели расколъ. Вишневецкій не хотѣлъ подчиниться тріумвирату изъ Заславскаго, Конецпольскаго и Остророга и сталъ отдѣльнымъ лагеремъ подъ Константиновымъ. Дѣйствительно, это былъ постыдный тріумвиратъ. Хмельницкій потѣшался надъ нимъ и называлъ Заславскаго *«перынок»* за его изнѣженность, Конецпольскаго—*«дытыною»* въ виду его молодости и неопытности, Остророга — *«латыною»* за его ученость. Многіе паны переходили

съ своими командами изъ главнаго лагеря къ Вишневецкому, выражая явное нежеланіе находиться подъ начальствомъ «перины»—Заславскаго. Только приближеніе грознаго врага заставило помириться гордыхъ магнатовъ, и главный польскій лагерь передвинулся также къ Константинову. Любопытно, что, выступая въ походъ на защиту своихъ панскихъ правъ, польскіе паны какъ бы сговорились явиться передъ взбунтовавшимися сермяжными хлопами во всей роскоши и блескѣ своего богатства. Они повидимому думали, что имъ не придется даже сражаться, что одинъ ихъ театрально-величественный видъ, всѣ эти панскіе побрякушки тотчасъ же снова загипнотизируютъ хлопа, проснувшагося отъ тяжелаго сна...

«Шляхта,—разсказываетъ полякъ,—выступила въ походъ съ такою пышностью, на какую только могла собраться послѣ многолѣтняго мира. Добыли паны изъ скарбовень богатѣйшее оружіе, одѣлись въ рыси и соболи, забрали пурпурные раззолоченные рыдваны и полные дорогихъ одеждъ, серебра, золота, драгоцѣнностей, обоевъ скарбовые возы, а было много такихъ товарищей (товарищемъ назывался рядовой шляхтичъ), которые, чтобы сравняться съ другими, продали послѣднее имущество. Такъ явилось подъ стѣнами Львова (во время передвиженія на Украину) 40,000 шляхты, снарядившейся какъ бы на свадебное торжество. Мигали въ толпѣ протканные серебромъ шелки, бархаты, золотые пояса, серебряные панцыри и шлемы; шумѣли на всадникахъ сокольи крылья, колыхались бриліантовыя кисти, а пышные кони въ позолоченной упряжи, въ шелковыхъ сѣткахъ выступали на серебряныхъ подковахъ... Войско шло на Украину, какъ бы на коронацію. Двѣсти тысячъ слугъ въ легкомъ вооруженіи сопровождали безчисленные панскіе возы и кареты. Хотѣли показать взбунтованнымъ хлопамъ, что это идутъ паны; а шляхта громко говорила, что будетъ воевать съ хлопами не саблей, а нагайками.»

Вся эта роскошь располагала не къ войнѣ, а къ непрерывному пированію. Паны проводили время въ кутежахъ; за ними тянулось и наемное войско. Взятое впередъ жалованіе было скоро промотано; жолнеры стали добывать себѣ пропитаніе обычнымъ своимъ манеромъ—грабежомъ. «Королевскія и шляхетскія села,—писалъ львовскій архіепископъ,—опустошены до крайности, доведены до голода: люди не въ силахъ терпѣть и разбѣгаются, куда глаза глядятъ».

Паны пировали, а Хмельницкій поджидалъ орду на помощь. Чтобы еще больше усыпить врага, онъ снова возобновилъ переговоры съ Заславскимъ и просилъ его уладить несогласіе, возникшее между казаками и Рѣчью Посполитой. Такое предложеніе льстило великому магнату и вызывало раздоръ среди польскихъ военачальниковъ. Заславскій собралъ военный совѣтъ. Кисель, также присоединившійся къ польскому лагерю, на вопросъ, что дѣлать отвѣчалъ:

«Воевать, но не сражаться; медлительною проволочкою времени мы можемъ достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира,,

Панъ Цехлинскій поддерживалъ Киселя:

«Намъ слѣдуетъ совѣтомъ, а не оружіемъ, — говорилъ онъ, — отклонить и сокрушить замыслы мятежниковъ.

Вишневецкій твердилъ свое:

«Это просто мечты, а не разсужденія, — возражалъ онъ миротворцамъ; — увѣряю васъ, начатое дѣло можетъ кончиться гибелью одного изъ непріятелей».

Споръ рѣшилъ Заславскій своимъ въ высшей степени характернымъ разсужденіемъ:

«Побѣда въ нашихъ рукахъ, это такъ, — сказалъ онъ, — но какая польза отъ побѣды? Если мы истребимъ казаковъ, то никто столько не потерпитъ, какъ я. Большая часть мятежниковъ состоитъ изъ моихъ хлоповъ; для чего *я буду губить своихъ собственныхъ подданныхъ, когда могу уладить споръ съ ними мирными средствами?* Никогда я этого не сдѣлаю! Тѣмъ хорошо такъ совѣтовать, которые не имѣютъ здѣсь маетностей; но я что буду дѣлать, истребивъ ихъ! Самъ земли пахать не умѣю, а милостыни просить стыжусь.»

Вотъ онъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ, почему паны такъ долго медлили съ рѣшительными средствами и старались уладить распрю миромъ. Кто же врагъ себѣ? А подавлять мятежъ, это значитъ изводить собственное имущество своими же руками. Около двухъ недѣль еще тянулись переговоры. Наконецъ и Заславскій убѣдился, что все это—хитрость Богдана, затягивавшаго время въ ожиданіи орды, и передвинулъ свой станъ ближе къ казакамъ, стоявшимъ подъ Пилявою. Начались «герцы», стычки, но до боя всѣми силами дѣло не доходило. Поляки увидѣли, что одними плетьми имъ не справиться; къ тому же позиція у нихъ оказалась неудобная, болотистая, изрѣзанная ярами. Въ лагерѣ царила неурядица. Какой-то страхъ передъ неминуемой бѣдой овладѣвалъ панами. Наконецъ крики: «Татары пришли, татары пришли!» — довершили все дѣло. Татары дѣйствительно пришли, но всего только 4 тысячи. Въ то время, когда казаки готовились къ серьезной битвѣ, польскіе военачальники рѣшили бѣжать тайкомъ, а власть передать Вишневецкому. Было однако уже поздно. Въ ночь съ 22-го на 23-е сентября по лагерю распространилась скандальная вѣсть, что предводителей уже нѣтъ, и все воинство бросилось вслѣдъ за ними, точно панургово стадо. Поляки бѣжали, побросавъ оружіе и всѣ панскіе припасы въ добычу врагамъ. По словамъ современниковъ, казакамъ досталось до 120 тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ и примѣрно на 10 милліоновъ польскихъ злотыхъ всякихъ драгоцѣнностей. Четыре дня пировали побѣдители свою побѣду, упиваясь припасеннымъ панами виномъ, медомъ, пивомъ. А поляки бѣжали безъ оглядки до самаго Львова. Едва-ли кто либо изъ нихъ могъ объяснить причину такого паническаго страха, охватив-

шаго панами послѣ не менѣе же чрезмѣрной самонадѣянности. Въ Польшѣ подняли ропотъ противъ бѣглецовъ; требовали казни виновниковъ неслыханнаго позора. Но кого казнить? Всѣхъ? Преступники остались безнаказанными по своей многочисленности. На сеймѣ Радзивиллъ прямо говорилъ, что изъ подъ Пилявецъ поляки «бѣжали *ни отъ кого;* ибо гордость, распутство, угнетеніе и мученіе убогихъ людей, вотъ тѣ, которые нападали на нихъ!» И затѣмъ заявилъ, что брошенные панами возы «были нагружены *имуществомъ хлоповъ*, а потому хлопамъ и достались».

Теперь передъ Хмельницкимъ были открыты настежъ двери въ самую Польшу. Варшава и Краковъ находились въ страхѣ. Лишенные войска, они едва ли устояли бы при быстромъ натискѣ со стороны казаковъ. Но къ чему бы привелъ полный разгромъ Польши? Рѣчь Посполитая была еще сильна, и она собралась бы съ силами, чтобы отстоять свое существованіе. Вѣдь не могъ же казацкій Тамерланъ разсчитывать, чтобы кичливые паны посадили его на вакантный королевскій престолъ, какъ побѣдителя! На этотъ престолъ было много претендентовъ, въ томъ числѣ и московскій царь Алексѣй Михайловичъ. Противъ посягательствъ Хмельницкаго на Польшу возстали бы не только въ Западной Европѣ, гдѣ папа въ случаѣ надобности не затруднился бы объявить даже крестовый походъ противъ новой грозы для католическаго міра, но и въ Москвѣ, которая не прочь была воспользоваться въ своихъ интересахъ внутренними раздорами сосѣдняго королевства, своего исконнаго врага. Недавно еще разгромленная поляками, Москва не хотѣла воевать; она надѣялась достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ, черезъ избраніе на польскій престолъ самого царя или царевича. Въ этомъ смыслѣ и велись переговоры. Понятно поэтому, что московское правительство не только отказывало до поры до времени въ своей поддержкѣ казакамъ, но скорѣе даже было на сторонѣ поляковъ. Стоило только въ критическую минуту панамъ предложить польскую корону царю, и московское оружіе обратилось бы противъ безпокойной казатчины. Хмельницкій былъ не только хорошій воинъ, но и человѣкъ вообще «великихъ способностей», какъ писалъ о немъ Остророгъ. Какъ ни манила впередъ перспектива полнаго разгрома перетрусившихъ пановъ, онъ остановился. Нужно было предоставить панамъ возможность къ отступленію, возможность обратиться къ мирнымъ средствамъ, чтобы покончить братоубійственную вражду. Лучшимъ исходомъ Хмельницкій считалъ (и то немного позже) основаніе южно-русскаго удѣльнаго княжества. Но при нежеланіи Москвы поддержать казаковъ, такое княжество въ ту пору

было мыслимо только въ союзѣ съ поляками. Поэтому не слѣдовало дѣлать изъ нихъ непримиримыхъ враговъ, и мы видимъ, что Хмельницкій какъ бы отказывается пользоваться своими побѣдами. Эта тактика была конечно также рискована и кромѣ того постоянно приводила его въ столкновеніе съ массой, которая не заглядывала въ далекое будущее и увлекалась минутой успѣха.

Такъ и послѣ Пилявецкой побѣды Хмельницкій колебался, хотѣлъ возвратиться на Украину, послать депутатовъ на сеймъ и выжидать избранія короля. Быть можетъ въ этотъ именно моментъ слѣдовало дѣйствовать рѣшительно и не выжидать въ степяхъ Украины, а предписать подъ стѣнами Варшавы съ оружіемъ въ рукахъ мирный договоръ. Масса дѣйствительно рвалась за Вислу и увлекала его. Хмельницкому пришлось уступить радѣ; но онъ былъ противъ опустошенія Польши и рѣшилъ сдерживать своихъ казаковъ даже обманомъ и хитростью. Нѣкоторыхъ полковниковъ онъ разослалъ съ отрядами по Волыни и Полѣсью съ порученіемъ очистить русскую землю отъ ляховъ, остальное же войско повелъ къ Львову и осадилъ его. Жители города рѣшились сопротивляться и приготовились къ осадѣ. Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлала нѣкая шляхтянка Катерина Слоневская. Она принесла на сходку свое имущество и обратилась къ Вишневецкому съ горячей мольбой стать во главѣ ополченія и спасать отечество. Энтузіазмъ овладѣлъ всѣми собравшимися. Вишневецкій былъ избранъ единогласно полководцомъ. На собранныя пожертвованія онъ нанялъ жолнеровъ, сколько можно было найти желающихъ въ городѣ; самъ же отправился въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ собраться сеймъ для избранія короля, а защиту города возложилъ на испытаннаго генерала Артишевскаго. Хмельницкому жаль было громить Львовъ, эту столицу древне-русскаго княжества. Послѣ довольно продолжительной осады онъ взялъ съ жителей выкупъ въ 200 тысячъ червонныхъ злотыхъ и хотѣлъ было отступить въ Украину, но казацкая чернь во главѣ съ Чернотою возроптала и кричала одно: «Пане гетмане, веди на Польшу!» Волей неволей Хмельницкому пришлось повиноваться. Казаки осадили сильный и почти неприступный замокъ Замостье, гдѣ оставленъ былъ Вишневецкимъ хорошій гарнизонъ и достаточно съѣстныхъ припасовъ. Хмельницкій дѣйствовалъ и здѣсь медлительно, вызывая ропотъ и даже негодованіе массы. «Нашъ гетманъ такъ распился,—кричалъ Чернота,—что ни о чемъ не думаетъ, и страхъ овладѣлъ имъ... Панъ гетманъ началъ поблажать полякамъ, ведетъ съ ними тайныя сношенія и обманываетъ войско!» Подобнаго рода обвиненія въ потачкѣ полякамъ раздавались, какъ видимъ, все громче

и громче. Хмельницкій порѣшилъ наказать бушевавшую чернь, жадную на грабежъ, но мало способную къ правильнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Онъ поставилъ ее въ передніе ряды и повелъ на приступъ. Нападеніе было неудачное; буяны сильно пострадали и присмирѣли. Послѣ этого казаки не возобновляли уже непріязненныхъ дѣйствій.

Они взяли небольшой выкупъ и стояли таборомъ подъ Замостьемъ, выжидая рѣшенія сейма. На сеймѣ Адамъ Кисель слѣдующимъ образомъ обрисовалъ общее положеніе вещей:

«Ни одинъ монархъ на свѣтѣ,—говорилъ онъ,—не можетъ устоять противъ него (Хмельницкаго). Мы потеряли все, онъ пріобрѣлъ все. Когда выстрѣлитъ сотня нашихъ нѣмцевъ, они убьютъ одного. Когда выстрѣлитъ сотня казаковъ, они навѣрное попадутъ въ 50 человѣкъ. Огнистый народъ. Численность его велика: намъ съ нимъ не совладать. Легче было совладать, пока не повторилась побѣда. Теперь на наши силы нѣтъ больше надежды. Это такой тиранъ, котораго надобно или терпѣть, или прогнать, или умолить. Терпѣть, это - дѣло невыносимое и для Рѣчи Посполитой постыдное. Чтобы прогнать непріятеля, на это нѣтъ силъ у насъ. А умилостивить его можно вотъ какимъ образомъ. Надобно, какъ можно скорѣе выбрать такого человѣка, который бы развѣдалъ: почему первая коммиссія была недѣйствительна? А тутъ козаки познаютъ короля, котораго все же боятся они, тогда какъ Рѣчь Посполитую презираютъ и ставятъ ни во что. Благоволите, господа вѣдать, что для этихъ мужиковъ маестатъ республики не существуетъ. «А що воно Річь Посполита? говорятъ они. Мы й сами Річь Посполита, але король, ото въ насъ панъ!»

Хотя нѣкоторые изъ пановъ и негодовали на Киселя и видѣли въ немъ чуть ли не шпіона Хмельницкаго, однако большинство въ душѣ было согласно, что остается одно средство —*умилостивить* врага. Оно, это большинство, блѣднѣло при одной мысли о возможности появленія казаковъ въ виду Варшавы и готовилось къ бѣгству, такъ что на сеймъ внесено было предложеніе запретить панамъ вывозить свое имущество по Вислѣ въ Данцигъ, даже хлѣбъ, подъ видомъ котораго отправлялись разныя вещи. Паны не понимали всей важности переживаемаго момента. Они много говорили и мало дѣлали. Въ дневникѣ Радзивилла встрѣчаются такія записи:

«Совѣщаются такъ, какъ будто въ самое мирное время, совѣщаются для забавы. А непріятель находится сегодня уже только въ 14 миляхъ отъ Варшавы.... Одни совѣтовали, какъ бы итти на встрѣчу непріятелю, другіе, какъ бы оборонить переправу на Вислѣ, третьи—какъ бы защищаться въ Варшавѣ. Таковы были разсужденія, а самое дѣло стояло такъ, что все живое укладывало свои «робы» въ сундуки, шнуровали тюки; отправляли готовые возы; снастили шкуны и ялики. По улицамъ ни о чемъ больше нѣтъ рѣчи, какъ о томъ, что паны собираются въ путь.»

Не смотря на весь свой испугъ, паны не рѣшились всетаки вручить хотя бы временно безусловную власть Вишневецкому и не выбрали въ короли маломальски способнаго человѣка. Вишневецкому поручили набирать войско и предводительствовать имъ, но за нимъ

не признали даже гетманскаго достоинства, а на королевскій престолъ посадили Яна Казимира, человѣка хилаго тѣломъ и духомъ, получившаго іезуитское воспитаніе и даже принадлежавшаго къ іезуитскому ордену. На избраніе Казимира оказалъ громадное вліяніе Хмельницкій. Казацкимъ депутатамъ было поручено прямо заявить сейму о желаніи казаковъ видить именно его на польскомъ престолѣ. Затѣмъ Хмельницкій отправилъ въ Варшаву еще ксендза Мокрскаго съ письмомъ къ сеймовавшимъ панамъ, въ которомъ оправдывалъ себя и взвалилъ всю вину на Вишневецкаго и Конецпольскаго; кромѣ того Мокрскій долженъ былъ агитировать отъ имени казаковъ въ пользу Казимира. Что̀ побуждало Хмельницкаго такъ упорно стоять за этого ничтожнаго іезуитскаго ученика, остается неизвѣстнымъ. Между ними были сношенія еще раньше и, вѣроятно, Казимиръ, не разсчитывавшій на поддержку пановъ, пообѣщалъ исполнить всѣ желанія казацкаго батьки. Онъ же добивался прощенія «невольнаго прегрешенія» (поднятаго возстанія), «неодобренія тѣхъ пановъ, которые всему злу причиной» (Вишневецкій, главнымъ образомъ) и умиротворенія казачества путемъ признанія за ними всѣхъ тѣхъ вольностей и привилегій, о которыхъ мы говорили выше. Хмельницкій признавалъ себя все еще «вѣрнымъ слугою Рѣчи Посполитой», но пощады, милости, даже просто справедливости отъ пановъ онъ конечно не могъ ожидать. Другое дѣло король, имъ собственно посаженный на престолъ и имѣвшій противъ себя большинство пановъ. Такой король будетъ у него въ рукахъ.

И дѣйствительно, первые шаги новоизбраннаго правителя были въ высшей степени миролюбивы. Правда, онъ предписывалъ Хмельницкому немедленно отступить на Украину.

«Я избранъ,—писалъ онъ въ своемъ приказѣ,—польскимъ королемъ по единодушному согласію обоихъ народовъ, такъ какъ ты самъ, Хмельницкій, требовалъ этого пламенно въ нѣкоторыхъ письмахъ своихъ и частныхъ, и посланныхъ въ сенатъ. Признай же во мнѣ верховнаго намѣстника великаго Бога, не опустошай по непріятельски областей польскихъ и перестань разорять моихъ подданныхъ. Отступи отъ Замостья; я желаю, чтобы это было первымъ доказательствомъ твоего послушанія ..»

Но вслѣдъ за этимъ, когда Хмельницкій, повинуясь приказанію снялъ свой таборъ и двинулся на Украину, его нагналъ другой посланецъ и привезъ ему булаву и хоругвь. Важнѣе этихъ знаковъ отличія были слѣдующія слова въ королевскомъ посланіи:

«Что касается междоусобія, которое, къ сожалѣнію, продолжается до сихъ поръ,—писалъ король,—то *мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, что причины его тѣ самыя, которыя вы изложили въ письмѣ вашемъ, а запорожское войско не виновато.* Вы желаете, чтобы запорожское войско состояло подъ властью нашею, независимо отъ украинскихъ

старостъ; мы того же хотимъ и, уразумѣвъ отъ пословъ вашихъ, ваше справедливое желаніе, желаемъ привести его въ дѣйствіе черезъ коммиссаровъ, какъ можно лучше. Относительно уніи мы также хотимъ удовлетворить просьбу вашу надлежащимъ образомъ.»

Такимъ образомъ Хмельницкій повидимому достигъ вполнѣ своей цѣли. Если казаки, какъ говорилъ Кисель, дѣйствительно не хотѣли знать никакой Рѣчи Посполитой и признавали одну только королевскую власть, то они имѣли теперь короля, готоваго плясать по ихъ дудкѣ. Но, увы, человѣкъ, готовый плясать по чьей бы то ни было дудкѣ, не бываетъ годенъ ни на какое серьезное дѣло. Вручить власть въ руки такого человѣка значитъ отнять у власти всякій *нравственный* смыслъ и превратить ее въ нестерпимое *насиліе*. Іезуитская дудка оказалась сильнѣе казацкой.

Оправданный и признанный королемъ, Хмельницкій распоряжается теперь, какъ полновластный гетманъ. Онъ обращается съ универсаломъ не только къ народу и приказываетъ загонамъ прекратить свои набѣги, но и къ дворянамъ и говоритъ съ ними, какъ человѣкъ, держащій въ своихъ рукахъ судьбу Польши.

«Желаю,—писалъ онъ,—чтобы, сообразно волѣ и приказанію его королевскаго величества, вы не замышляли ничего дурного противъ нашей греческой религіи и противъ вашихъ подданныхъ, но жили съ ними въ мирѣ и содержали ихъ въ своей милости. А если, сохрани Боже, кто нибудь, упрямый и злой, задумаетъ проливать христіанскую кровь и мучить убогихъ людей, то виновный нарушитель мира и спокойствія, установленнаго его королевскимъ величествомъ, доведетъ Рѣчь Посполитую до гибели.»

Можетъ быть этотъ универсалъ имѣлъ въ виду опять-таки Вишневецкаго, главнаго теперь Богданова ненавистника, отъ котораго каждую минуту можно было ожидать новой кровавой расправы надъ хлопами; но Хмельницкій придалъ ему общій характеръ и оповѣщалъ всѣхъ пановъ, что разъ они будутъ попрежнему относиться къ своимъ хлопамъ, миръ и спокойствія продлятся недолго. Отнынѣ прежнія отношенія стали немыслимы. Отнынѣ угнетенные и обиженные найдутъ себѣ заступника въ лицѣ человѣка, признаннаго самимъ королемъ. Будьте же осторожны! Иначе вы снова приведете свое отечество на край гибели. Съ другой стороны этотъ универсалъ развязывалъ руки и всему «хлопству»: ему запрещено было составлять загоны и грабить панское добро, но въ то же время гетманъ давалъ понять, что, въ случаѣ какого нибудь насилія со стороны пановъ, хлопы могутъ дѣйствовать свободно: онъ уже заранѣе оправдываетъ ихъ. И дѣйствительно, кровавыя столкновенія между панскими командами и хлопскими загонами не прекратились, несмотря на чрезвычайно любезный и миролюбивый обмѣнъ посланіями между іезуитомъ-королемъ и казакомъ-мятежникомъ.

Изъ подъ Замостья Хмельницкій направился въ Кіевъ. Въѣздъ въ древнерусскую столицу былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ побѣдителя. У стѣнъ Св. Софіи его встрѣтилъ митрополитъ со всѣмъ клиромъ при звонѣ колоколовъ, пальбѣ изъ пушекъ, радостныхъ восклицаніяхъ народа; бурсаки изъ духовной коллегіи пѣли сочиненные въ честь его стихи, а іерусалимскій патріархъ Паисій, произнесъ привѣтственную рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой называлъ Хмельницкаго «знаменитѣйшимъ княземъ». Понятно, съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ простой народъ своего героя; разсказываютъ, что въ церкви у него цѣловали ноги. Молва о немъ разнеслась до отдаленнѣйшихъ государствъ западной Европы. Такъ, англійскій мятежникъ Кромвель прислалъ своему украинскому собрату грамоту на латинскомъ языкѣ, изъ которой уцѣлѣли только слѣдующія заглавныя сло́ва:

«Богданъ Хмельницкій, Божею милостію генералиссимусъ грековосточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихриста и іудеевъ...»

Что̀ писалъ Кромвель, остается неизвѣстнымъ; но очевидно, культурный западникъ, вступившій въ борьбу съ правоправящими классами тогдашней Англіи съ шпагой въ одной рукѣ и Библіей въ другой, видѣлъ что то родственное себѣ въ малокультурномъ сынѣ дикихъ степей. Хмельницкій находился тогда на вершинѣ своей славы. Едвали онъ когда мечталъ о такомъ положеніи и во всякомъ случаѣ не стремился къ нему сознательно, не домогался его. Еще такъ недавно онъ отстранялъ отъ себя гетманское достоинство, а теперь его величаютъ «знаменитѣйшимъ княземъ»! Развѣ онъ поднялъ мечъ съ тою цѣлью, чтобы искоренить польское дворянство, истребить римское священство, іудеевъ, наконецъ, самого антихриста? Нѣтъ, онъ принужденъ былъ взяться за мечъ, чтобы спасти свою голову. Но оказалось, что и цѣлому народу надо было спасать свою голову, и онъ, какъ человѣкъ «великихъ способностей», сталъ *вождемъ* своего народа. Эта страна, годъ, два тому назадъ цвѣтущая и обильная «плодами земными», а теперь представлявшая дымившуюся руину, этотъ народъ, встрѣчавшій его, какъ своего избавителя, наконецъ эти рѣчи патріарха, «святого отца», ясно говорили ему, что дѣло идетъ уже вовсе не о спасеніи собственной головы. Разсказываютъ, что Хмельницкій въ Кіевѣ сильно перемѣнился. То онъ грустилъ, постился, лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами и подолгу бесѣдовалъ съ Паисіемъ и другими духовными особами: то вдругъ, какъ бы неудовлетворенный благоче-

стивыми бесѣдами, призывалъ къ себѣ колдунь и требовалъ отъ нихъ, чтобы онѣ своими чарами и заклинаніями раскрыли будущее; то наконецъ бросалъ тѣхъ и другихъ, предавался пьянству въ компаніи съ своими испытанными товарищами, складывалъ «думы» про свои кровавыя дѣла и пѣлъ ихъ. Въ обращеніи съ другими онъ былъ также неровенъ: то доступенъ и ласковъ, то гордъ и суровъ. Очевидно въ немъ шла какая то внутренняя работа. Онъ несомнѣнно спасъ свою голову. Король и паны, въ томъ числѣ даже непримиримый врагъ Вишневецкій, готовы были забыть всѣ его сокрушительныя дѣянія и осыпать почестями. Но за народомъ, боровшимся вмѣстѣ съ нимъ, польская шляхта не хотѣла попрежнему признать никакого права на самобытное существованіе. Что же дѣлать ему? Неужели онъ пойдетъ противъ народа? Паисій благословлялъ его на новую войну, совѣтовалъ «кончать ляховъ» и образовать самостоятельное, удѣльное княжество. Паисій отпустилъ ему всѣ прегрѣшенія и причастилъ его... «Какъ же мнѣ было,—говоритъ онъ польскимъ коммиссарамъ,—не послушать такого великаго патріарха, головы нашей и гостя дорогого?» Хмельницкій рѣшился продолжать войну за православную вѣру и за весь русскій народъ, чтобы «выбить его изъ лядской неволи».

Пока польскіе коммиссары, назначенные сеймомъ для переговоровъ съ казаками, собирались въ путь, Хмельницкій успѣлъ завязать сношенія съ татарами, турками, волохами, венграми и съ Москвою. По мѣрѣ того, какъ надежда быть избраннымъ въ польскіе короли слабѣла, Алексѣй Михайловичъ становился все суровѣе и суровѣе къ полякамъ и ласковѣе къ казакамъ. Раньше онъ рѣшительно отклонялъ всякія предложенія казаковъ, указывая на то, что у него съ польскимъ королемъ заключено «вѣчное докончаніе». Теперь же онъ посылаетъ къ Хмельницкому гонца Унковскаго, который раздаетъ казацкой старшинѣ царское жалованье и говоритъ, что царь «жалуетъ и милостиво похваляетъ» казаковъ, мало того, что царь даже готовъ принять ихъ подъ свою высокую руку, «если, дастъ Богъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы безъ нарушенія мира».—«Да мы и теперь свободны, отвѣчалъ на это Хмельницкій; цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ-Казимиръ и коронованъ; однако насъ Господь отъ нихъ избавилъ. Короля мы не выбирали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не присылали, а потому мы свободны. Почему же теперь государю не помочь намъ?» На такія рѣчи Унковскій отвѣчалъ только, что гетманъ говоритъ ихъ, «не помня къ себѣ царской милости»,

какъ-бы не понимая, что дѣло идетъ вовсе не о милостяхъ, а о возсоединеніи разрозненнаго народа въ одно политическое цѣлое. Зато въ переговорахъ съ польскими панами московскій посолъ Кунаковъ начинаетъ явно наступательную политику. Дѣло начинается, какъ и обыкновенно бываетъ съ международныхъ сношеніяхъ, съ мелочныхъ придирокъ. Почему, говоритъ Кунаковъ, въ расписаніи предстоявшей ему аудіенціи у примаса и пановъ-рады не сказано, что про здоровье царя Алексѣя Михайловича они должны спрашивать стоя? На пріемѣ не долженъ присутствовать римскій легатъ, продолжаетъ сурово выговаривать московскій дьякъ. «Даже помыслить непристойно и страшно», какъ это паны-рады хотѣли въ благодарственной грамотѣ московскому царю написать сперва имя своего новоизбраннаго короля, потомъ имя арцибискупа гнѣзненскаго и всѣхъ пановъ-рады, а потомъ уже имя московскаго царя съ его полными титлами... и т. д. Нѣсколько позже уже самъ царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ въ отвѣтъ Яну-Казимиру, извѣщавшему о своемъ избраніи, что тотъ «непристойно» выхваляетъ умершаго брата своего «великимъ свѣтиломъ христіанства, просвѣтившимъ весь свѣтъ» и т. д., потому что существуетъ «одно свѣтило всему, праведное солнце — Христосъ». Ясное дѣло, что Москва искала теперь предлога къ разрыву «вѣчнаго» мира.

Наконецъ собрались въ путь и польскіе коммиссары. Съ большими затрудненіями пробирались они по странѣ, все еще охваченной возстаніемъ. Уже въ пути они убѣдились, что изъ ихъ миссіи ничего не выйдетъ, и писали въ Варшаву, чтобы тамъ готовились къ неизбѣжной войнѣ. Хмельницкій поджидалъ ихъ въ Переяславѣ и устроилъ торжественную аудіенцію подъ открытымъ небомъ на площади въ виду массы казаковъ и простого народа, толпившагося на улицахъ и крышахъ домовъ. Во главѣ коммиссаровъ стоялъ снова Кисель, у котораго, по мѣткому выраженію казаковъ, «русскія кости обросли польскимъ мясомъ». Онъ поднесъ Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство и булаву; затѣмъ гетману вручили еще красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. По прочтеніи грамоты въ толпѣ вдругъ раздался голосъ:

«Зачѣмъ вы, ляхи, принесли намъ эти цяцьки? Знаемъ мы васъ; вы снова хотите насъ въ неволю прибрать!» За нимъ другой: «..Теперь вы насъ ужъ не взнуздаете; не словами, а саблей раздѣлаемся, если вздумаете. Пусть вамъ будетъ ваша Польша, а намъ, казакамъ, пускай остается Украина...»

Хмельницкій осадилъ непрошенныхъ ораторовъ, но самъ не нашелся ничего сказать и пригласилъ коммиссаровъ къ себѣ на обѣдъ. Затѣмъ начались самые переговоры. Они велись съ большими уси-

ліями со стороны польскихъ коммиссаровъ, такъ какъ Хмельницкій и казаки явно не желали вступать ни въ какія соглашенія. Отъ Хмельницкаго требовали, чтобы онъ, какъ вѣрный подданный короля, положилъ конецъ возстанію, не принималъ подъ свое покровительство простыхъ холоповъ, привелъ ихъ въ повиновеніе своимъ прежнимъ панамъ и пришелъ къ соглашенію съ коммиссарами на счетъ будущаго устройства казацкаго войска. Но теперь Хмельницкій былъ, какъ мы знаемъ, уже не тотъ, что подъ Замостьемъ. Онъ не считалъ возможнымъ мирное соглашеніе съ поляками на основаніи предлагаемыхъ ими условій, готовился къ новой войнѣ и потому относился чрезвычайно пренебрежительно къ коммиссарамъ. На докучливыя просьбы послѣднихъ онъ, не стѣсняясь, кричалъ:

«Завтра будетъ справа и расправа, потому что я теперь пьянъ...; скажу вамъ коротко: изъ той коммиссіи ничего не выйдетъ; война должна начаться не позже, какъ черезъ три или четыре недѣли; переверну васъ всѣхъ, ляховъ, вверхъ ногами и потопчу такъ, что будете подъ моими ногами, а на послѣдокъ отдамъ васъ турецкому царю въ неволю...» «Было время,—говорилъ онъ въ другой разъ,—вести переговоры со мною, когда Потоцкій гонялъ меня за Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ было время и послѣ желтоводской, и послѣ корсунской забавы, и послѣ Пилявцевъ, и подъ Константиновымъ, и въ послѣдній разъ подъ Замостьемъ, и когда я изъ Замостья шелъ шесть недѣль въ Кіевъ, а теперь уже не время; теперь я уже доказалъ то, о чемъ и не думалъ, докажу еще и то, что задумалъ. Выбью изъ польской неволи весь русскій народъ. Сначала я воевалъ за неправду и убытки, причиненные мнѣ, теперь же буду воевать за нашу православную вѣру. И мнѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ вся русская чернь по Люблинъ и по Краковъ, а я отъ нея не отступлюсь и будетъ у меня двѣсти, триста тысячъ своихъ воиновъ... Заграницу войной не пойду... Будетъ съ меня Украины, Подоли и Волыни по Львовъ, Холмъ и Галичъ. А ставши надъ Вислою, скажу живущимъ дальше ляхамъ: «сидите, ляхи! молчите, ляхи!» И богачей, и князей туда загоню, а будутъ за Вислой кричать, я ихъ и тамъ найду... На Украинѣ не останется ни одного князя, ни одного шляхтича, а кто хочетъ съ нами хлѣбъ-ѣсть, пусть повинуется войску запорожскому и короля не лягаетъ».

Въ рѣчахъ казацкой старшины звучала непримиримая ненависть къ шляхтѣ. Самъ Хмельницкій прямо говорилъ: «короля почитаемъ, какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти и не будемъ имъ друзьями никогда!..» Ясное дѣло, что никакое соглашеніе не было мыслимо и коммиссары думали уже объ одномъ, какъ-бы имъ самимъ выбраться невредимо изъ этого логовища разсвирѣпѣвшаго Тамерлана. Однако при отправкѣ Хмельницкій вручилъ имъ перемирныя статьи, въ которыхъ требовалъ: уничтоженія уніи на Руси, допущенія кіевскаго митрополита въ сенатъ, запрещенія возобновлять разрушенныя костелы, изгнанія жидовъ, назначенія на должности въ предѣлахъ Руси исключительно лицъ, исповѣдующихъ греческую религію, возвращенія войску запорожскому

по всей Украинѣ прежнихъ вольностей, подчиненія казацкаго гетмана непосредственно самому королю и т. д. «Согласились мы и на такое перемиріе,—записали коммиссары въ своемъ дневникѣ,—лишь-бы вырваться изъ тиранскихъ рукъ и предостеречь короля и Рѣчь Посполитую, да чтобы этимъ ненадежнымъ перемиріемъ задержать Хмельницкаго у Днѣпра и вырвать у него плѣнниковъ». Понятно, обѣ стороны не придавали никакого значенія этому соглашенію и дѣятельно готовились къ возобновленію войны. Поляки ясно видѣли свою цѣль: они хотѣли возвратиться къ прежнимъ порядкамъ, къ прежнему панованью надъ русскимъ народомъ. Цѣль русскихъ въ началѣ была также вполнѣ ясна: избавиться отъ пановъ-ляховъ, низвергнуть режимъ экономическій, религіозный и политическій, поддерживаемый ими. Но теперь, когда режимъ этотъ былъ ниспровергнутъ, когда выступала на первый планъ положительная задача возстанья, замѣчается большая путаница понятій даже въ головѣ казацкаго вождя. Онъ говоритъ объ удѣльномъ княжествѣ, но нельзя сказать, что онъ борется дѣйствительно за осуществленіе этой идеи. Борьба вспыхиваетъ снова и снова, потому что великъ былъ запасъ горючаго матеріала съ обѣихъ сторонъ, велика была національная ненависть и ожесточеніе, но изъ такихъ чувствъ не возникаютъ, какъ извѣстно, новыя княжества и государства. На дѣлѣ Хмельницкій заботился о «протекціи», а не объ удѣльномъ княжествѣ и ищетъ ее то у московскаго царя, то у турецкаго, то возвращается къ польскому королю. Минутами роздыха онъ пользуется, чтобъ вступить въ дипломатическіе переговоры, а не для того, чтобы заложить новыя положительныя основы общественности, которыя сдѣлали-бы невозможнымъ возвращеніе къ старому порядку.

V.

«Згода!»

Открытіе военныхъ дѣйствій.—Осада подъ Збороженъ. — Битва подъ Збаравымъ. — «Дѣти мои, не бѣгите отъ меня!» – Позорная сдѣлка.—Зборовскій договоръ.—Несостоятельность его. – Внутреннее устройство Украины.—Недовольство народа.—Казни нарушителей панскаго покоя.—Приготовленія къ войнѣ.— Угрожающее положеніе Москвы по отношенію къ полякамъ.

Итакъ, новоизбранный король Янъ-Казимиръ не прекратилъ однимъ своимъ «маестатомъ» внутренней усобицы. Стычки между панами и хлопскими купами продолжались всю весну (1649 г.) и уже

въ іюнѣ мѣсяцѣ два войска стояли другъ противъ друга подъ Збаражемъ. Со стороны поляковъ это было передовое войско подъ начальствомъ опять-таки тріумвирата, на этотъ разъ болѣе мужественнаго: Фирлея, Ляндскоронскаго и Остророга; къ нимъ скоро присоединился и Вишневецкій. Самъ же король стоялъ во главѣ «посполитаго рушенія». Онъ призвалъ всѣхъ шляхтичей, способныхъ носить оружіе, на войну за отечество и вѣру; каждый долженъ былъ явиться въ полномъ вооруженіи на боевомъ конѣ и привести съ собою нѣсколькихъ слугъ, также вооруженныхъ. Но пока собиралось шляхетское ополченіе, а оно собиралось медленно и нехотя, небольшому сравнительно польскому войску, расположенному подъ Збаражемъ, приходилось выдерживать натискъ соединенныхъ полчищъ казацкихъ и татарскихъ. Хотя количественно союзники превосходили въ нѣсколько разъ поляковъ, но качественно они далеко не могли сравняться съ послѣдними, качественно не по храбрости, а по вооруженію. Мы не говоримъ уже о татарахъ, которые вовсе лишены были огнестрѣльнаго оружія; но даже и въ рядахъ казаковъ была масса народу, только что побросавшаго плугъ и не умѣвшаго владѣть оружіемъ, не имѣвшаго его. Они были вооружены, кто косами, кто цѣпами, кто кольями и т. д.; иногда они служили просто подвижной защитой для другихъ: на шею имъ надѣвали мѣшокъ съ землею и заставляли итти впереди. Поляки испугались громаднаго непріятельскаго войска, готовы были бѣжать послѣ первыхъ же стычекъ, но ихъ удержалъ Іеремія Вишневецкій. Они окопались и рѣшили выдерживать осаду, пока подоспѣетъ на выручку король съ посполитымъ рушеніемъ. Хмельницкій также скоро убѣдился, что завзятаго Іеремію можно взять только голодомъ, и облегъ польскій лагерь со всѣхъ сторонъ, такъ что поляки были совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра и скоро стали испытывать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Они зарывались въ все болѣе и болѣе узкій кругъ валовъ; но по пятамъ за ними надвигались осаждающіе. Наконецъ враги могли свободно переговариваться съ валовъ. «Когда же вы, паны,—говорили казаки,—будете чиншъ на Украинѣ собирать. Вѣдь вотъ уже годъ тому, какъ мы вамъ ничего не платимъ...» «Все это вамъ надѣлали ваши поборы: очкови, та панщина, та пересуди, та сухомельщина!» и т. д. «Теперь вамъ покальгота,—отвѣчали паны —а вотъ скоро пойдете на панщину гатить плотину черезъ Днѣпръ»... и т. д. Несмотря на все отчаянное мужество поляковъ, поддерживаемое исключительно Вишневецкимъ, дѣло дошло до того, что казаки со своихъ высокихъ валовъ могли, по словамъ очевидца, пересчитать всѣхъ поляковъ и пере-

бить ихъ, какъ куръ. Хмельницкій зорко слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ осажденныхъ. Они не могли даже увѣдомить короля о своемъ положеніи. Всѣ ихъ посланцы попадали въ руки казаковъ. Наконецъ одному удалось пробраться и онъ доставилъ королю отчаянное письмо осажденныхъ.

Тутъ только король и его совѣтники увидали, какую ошибку они сдѣлали, медля со сборами, и рѣшили двигаться впередъ съ тѣмъ ополченіемъ, какое было на лицо, разсчитывая, что по пути къ нимъ будутъ присоединяться запоздавшія партіи. Хмельницкій, узнавъ своевременно о движеніи польскаго войска и оставивъ пѣшихъ подъ Збаражемъ продолжать осаду, съ конницею и татарами незамѣтнымъ образомъ пошелъ навстрѣчу королю и захватилъ его врасплохъ на переправѣ подъ Зборовымъ. Здѣсь послѣ двухдневной битвы польскіе полководцы съ ужасомъ увидѣли неизбѣжность позорнаго пораженія, такъ какъ посполитое рушеніе каждую минуту готово было разбѣжаться. Въ ночь послѣ перваго дня сраженія въ обозѣ разнеслась молва, будто король съ панами уходятъ тайкомъ. Войско пришло въ смятеніе. Король потребовалъ себѣ лошадь и при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ, съ открытой головой, чтобы всѣ видѣли его лицо, объѣзжалъ ряды и безпрестанно кричалъ: «Вотъ я! Вотъ я, король вашъ! Не бѣгите отъ меня, дѣти мои! Не оставляйте, благородные шляхтичи, своего государя! Не покидайте, воины, своего командира!..» Онъ обнадеживалъ ихъ побѣдою на завтра. Но, увы, вмѣсто побѣды на слѣдующій день самъ король чуть было не достался въ руки казакамъ. Въ рѣшительную минуту, когда казаки разсѣяли королевскихъ тѣлохранителей и готовы были схватить самого короля, раздался крикъ Хмельницкаго: «Згода!» (миръ), положившій конецъ битвы. Хмельницкій хотѣлъ показать, что онъ воюетъ не противъ короля, а противъ шляхты, которую безпощадно полонилъ, не разбирая чина и званія. Поляки еще раньше засылали къ татарамъ гонцовъ съ мирными предложеніями. Теперь пришелъ отвѣтъ. Крымскій ханъ требовалъ себѣ дани и права воевать польскія владѣнія огнемъ и мечомъ на возвратномъ пути; что же касается казаковъ, то онъ требовалъ, чтобы ихъ желанія были удовлетворены. Въ письмѣ отъ Хмельницкаго, поданномъ при этомъ, были изложены и самыя желанія. Позорная сдѣлка! Но король согласился на нее, хотя онъ не осмѣлился въ оффиціально обнародованномъ договорѣ помѣстить статью, предоставлявшую татарамъ право грабить польскія владѣнія. Съ казаками былъ заключенъ особенный договоръ, извѣстный подъ именемъ Зборовскаго. Этимъ договоромъ опредѣлялось будущее устройство Украины. Онъ пред-

ставлялъ, такъ сказать, максимумъ, на который согласились поляки, и однако оказался, какъ увидимъ сейчасъ, далеко не соотвѣтствующимъ желаніямъ народа. По договору число запорожскаго войска назначалось въ 40 тысячъ реестровыхъ казаковъ; опредѣлялся районъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ границахъ котораго казаки должны были проживать; въ этихъ мѣстахъ запрещалось коронным войскамъ занимать квартиры, а жиды изгонялись совсѣмъ; всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ рѣшено быть замѣщать впредь только мѣстными дворянами, исповѣдующими греческую вѣру; казаки получали право курить вино для собственнаго потребленія и для оптовой продажи, но «шинковать горилкою» имъ запрещалось; что касается дѣлъ вѣры, то кіевскому митрополиту обѣщано было мѣсто въ сенатѣ и затѣмъ, въ его присутствіи и согласно его желанію, должно быть постановлено рѣшеніе на сеймѣ относительно вопроса объ уничтоженіи уніи и возвращеніи православныхъ церквей и вотчинъ, приписанныхъ къ нимъ; іезуитамъ запрещалось проживать въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ находились привилегированныя русскія школы; наконецъ Богданъ Хмельницкій сохранялъ за собою гетманскій санъ и ему на булаву отдавалось чигиринское староство; всѣмъ шляхтичамъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи, объявлялась амнистія и вообще все происшедшее предавалось забвенію и никакой панъ не долженъ былъ мстить и казнить за прошлое.

Такимъ образомъ основной вопросъ, глубочайшее противорѣчіе между интересами двухъ общественныхъ классовъ тогдашней Руси, польскаго панства и русскаго хлопства, этимъ договоромъ не былъ разрѣшенъ, не былъ даже сколько нибудь серьезно затронутъ. Изъ подъ панской власти высвобождалось только 40 тысячъ человѣкъ! Вмѣстѣ съ женами, дѣтьми, слугами и т. д. они могли составить много-много 300 тысячъ. Что же значили эти 300 тысячъ передъ всей той массой народа, которая принимала участіе въ междоусобной войнѣ? Сотни тысячъ, милліоны должны были возвратиться подъ власть пановъ и снова отбывать панщину! Но если эта панщина была тяжела и подъ часъ невыносима до возстанья, то какъ народъ могъ снести ее теперь, послѣ двухъ лѣтъ необузданнаго своеволія и дикой свободы? Тѣмъ болѣе, что паны, такъ много потерявшіе, вовсе не намѣрены были предавать забвенію прошлое. За что же, оказывается, боролись эти сотни тысячъ, эти побѣдители, силой бумажнаго договора превращенные въ побѣжденныхъ? За булаву Богдану Хмельницкому? За 40 тысячъ реестровыхъ казаковъ? За воеводства русичамъ Киселямъ и ему подобнымъ? Нѣтъ, народъ боролся за то,

чтобы на Украинѣ не было «ляха-пана», не было «жида» и не было «уніи». Но Зборовскій договоръ не разрѣшалъ радикально и окончательно ни одного изъ этихъ вопросовъ. Ясное дѣло,—народъ отвергнетъ бумажный договоръ и будетъ продолжать борьбу. Не можетъ быть, чтобы Хмельницкій, прекрасно умѣвшій пользоваться настроеніемъ народа и слѣдовательно знавшій его, не понималъ всей непрочности подобнаго мирнаго соглашенія и неизбѣжности дальнѣйшей междоусобицы. Надо думать, что онъ согласился на такую мирную сдѣлку просто потому, что въ тотъ моментъ не было другого выхода: поляки не шли на большее, а татары, помирившись съ поляками, принуждали и его къ миру, въ противномъ же случаѣ готовы были обратить свое оружіе противъ казаковъ. Какъ бы тамъ ни было, Хмельницкій присягнулъ королю и, снявши осаду съ Збаража, отправился на Украину устраивать внутреннія дѣла на основаніи новаго соглашенія. Вѣрилъ ли онъ, или не вѣрилъ въ него, но онъ рѣшилъ попробовать осуществить его. Въ городахъ оставалось прежнее устройство. Болѣе значительные изъ нихъ пользовались самоуправленіемъ на основаніи магдебургскаго права; другіе же находились въ зависимости отъ пановъ; съ ограниченіемъ правъ послѣднихъ и эти зависимые города получали возможность устроиться на началахъ самоуправленія. Главное вниманіе гетмана было обращено на устройство военнаго класса, казаковъ. Еще раньше Хмельницкій раздѣлилъ ихъ на полки, сотни, курени; причемъ подъ этими названіями понималось не извѣстное число воиновъ, а извѣстная территорія съ находящимися на ней городами, мѣстечками, селами и хуторами. Центральное управленіе составляла генеральная войсковая канцелярія, состоявшая изъ гетмана, обознаго (начальника артиллеріи и лагерной постройки), есаула (оберъ-лейтенанта), писаря (государственнаго секретаря) и хорунжаго (главнаго знаменосца). Затѣмъ въ каждомъ полку была своя канцелярія, въ составъ которой входило полковое начальство: полковникъ, обозный, есаулъ, писарь, судья, хорунжій; въ сотни—сотенная канцелярія, состоявшая изъ сотника, писаря и хорунжаго; куренями начальствовали атаманы. Все это начальство составляло казацкую старшину, избираемую вольными голосами и утверждаемую гетманомъ. Территорію, отошедшую по Зборовскому договору подъ власть гетмана, Хмельницкій раздѣлилъ на 15 полковъ и приступилъ къ реестрованію казаковъ, т. е. къ составленію казачьихъ списковъ. Всѣ непопавшіе въ списки должны были возвратиться подъ панское начальство. Это то и была ахилесова пята въ Зборовскомъ договорѣ. Непопадавшіе въ списки подымали ропотъ. Чтобы хоть сколько нибудь

ослабить его, Хмельницкій приказалъ набирать казаковъ преимущественно изъ имѣній богатѣйшихъ пановъ. Вишневецкаго, Конецпольскаго и другихъ. Онъ отбиралъ отъ нихъ цѣлыя имѣнія, города, села, на томъ основаніи, что все это составляло раньше государственную собственность, и раздавалъ казацкой старшинѣ съ правомъ временнаго пользованія. Такимъ образомъ образовался на Украинѣ особый классъ владѣльцевъ, пользовавшихся имѣніями во время службы; впослѣдствіи съ возсоединеніемъ Малороссіи этотъ порядокъ былъ превращенъ въ крѣпостную зависимость крестьянъ.

Несмотря на всю осторожность, съ какой дѣйствовалъ Хмельницкій, народъ сильно волновался при составленіи реестровъ. Гетманъ просилъ пановъ помедлить нѣсколько со своимъ возвращеніемъ на Украину. Кисель, назначенный кіевскимъ воеводою, настаивалъ: «наступаетъ зима,—говорилъ онъ,—каждый хотѣлъ бы обогрѣться на своемъ пепелищѣ, каждому домъ свой милъ: послѣ двухлѣтней драки каждый научился держать себя скромно и привлекать къ себѣ подданныхъ»... Но Хмельницкій ждалъ утвержденія Зборовскаго договора сеймомъ и, только получивъ извѣщеніе о томъ отъ короля, разрѣшилъ панамъ возвращаться въ свои имѣнія. Нужно замѣтить однако, что Зборовскій договоръ былъ нарушенъ на сеймѣ въ одномъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ: кіевскаго митрополита не допустили къ засѣданію въ сенатѣ. Кромѣ того весь договоръ вообще вызвалъ крайнее неудовольствіе въ Варшавѣ и паны говорили тайно и явно, что онъ будетъ нарушенъ при первомъ удобномъ случаѣ. Хмельницкій, имѣвшій хорошихъ шпіоновъ въ Варшавѣ, зналъ обо всемъ этомъ, но до поры до времени молчалъ и исполнялъ обязанности, принятыя на себя. Онъ казнилъ въ Кіевѣ до двадцати казаковъ за убійство шляхтича. Затѣмъ издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ всѣмъ незаписаннымъ въ казачіе реестры, повиноваться своимъ владѣльцамъ подъ страхомъ смертной казни. Въ королевскомъ универсалѣ ко всѣмъ жителямъ Украины, опубликованномъ въ это время, также говорилось, что, въ случаѣ бунтовъ хлоповъ противъ владѣльцевъ, коронное войско *вмѣстѣ съ запорожскимъ* будетъ преслѣдовать бунтовщиковъ, какъ чужеземнаго врага. Вмѣсто свободы, слѣдовательно, народъ получалъ сорокатысячное воинство, которое должно было дѣйствовать противъ него же, народа, при малѣйшей его попыткѣ сбросить съ себя шляхетское иго. Однимъ словомъ, поляки хотѣли, какъ и въ былое время, разъединить русскій народъ и, сдѣлавъ уступки горсти, держать всю массу при помощи этой же горсти въ рабствѣ. Понятно, съ какимъ негодованіемъ встрѣтилъ народъ универсалы, гетманскій и королевскій,

я возвращавшихся пановъ. Хлопы бранили гетмана и отказывались работать на пановъ. Тогда нѣкоторые изъ пановъ, по богаче и по отважнѣе, стали силою приводить къ покорности своихъ подданныхъ, хватали зачинщиковъ и казнили ихъ. Хлопы въ свою очередь брались за оружіе. То тамъ, то здѣсь происходили вооруженныя столкновенія. Хмельницкій, строго придерживаясь договора, безпощадно преслѣдовалъ нарушителей панскаго покоя, вѣшалъ ихъ, сажалъ на колъ. Но строгость эта приводила только къ тому, что имя гетмана теряло въ народѣ свое обаяніе. Изъ протестантовъ выдавался особенно Нечай, брацлавскій полковникъ, прославленный въ народныхъ думахъ, какъ образецъ казацкой завзятости и непримиримости. Кисель требовалъ даже казни его, но Хмельницкій видѣлъ, что разыгрывается новая буря, и не осмѣлился поднять руку на человѣка, занимавшаго видное положеніе и пользовавшагося громадной популярностью. Онъ объявилъ, что въ реестръ принимать больше нельзя, а кто хочетъ, пусть составляетъ «охочее» войско. т. е. опять тѣ же самовольные купы и загоны, какіе гуляли раньше по всей Украинѣ и Литвѣ, и отправилъ этихъ волонтеровъ подъ начальствомъ Нечая на западную границу. На упреки Киселя, что онъ начинаетъ опять потворствовать бунтовщикамъ, онъ отвѣчалъ, что поляки поддѣли его, что по ихъ просьбѣ онъ согласился на такой договоръ, который исполнить ни коимъ образомъ невозможно. «Сами посудите, —говорилъ онъ,—сорокъ тысячъ казаковъ, что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на поляковъ все-таки поднимутся».

Для окончательнаго утвержденія реестровъ Хмельницкій собралъ генеральную раду въ Переяславлѣ. Это было, по словамъ современника, «настоящее національное собраніе государства вольнаго и независимаго». Съ принятіемъ реестровъ рѣшалась окончательно (пока конечно бумажнымъ образомъ) судьба всѣхъ не вписанныхъ и Хмельницкій хотѣлъ сложить съ себя, такъ сказать, отвѣтственность за ихъ участь. Рада была чрезвычайно бурная, а въ Кіевѣ, куда уѣхалъ тотчасъ Хмельницкій и гдѣ собралось много недовольныхъ, вспыхнулъ настоящій мятежъ. Своею рѣшительностью въ критическую минуту гетманъ укротилъ народъ, но долженъ былъ пообѣщать, что онъ отправитъ новое посольство къ королю и до полученія отвѣта не пуститъ пановъ въ ихъ владѣнія. Такимъ образомъ одной рукой онъ продолжалъ казнить непокорныхъ хлоповъ, а другою вынужденъ былъ снова поднимать ихъ противъ пановъ.

Итакъ, Зборовскій договоръ, представлявшій по мнѣнію однихъ слишкомъ большую уступку, а по мнѣнію другихъ нѣчто совершенно

не соотвѣтствующее желаніямъ, въ дѣйствительности же, что называется, середку на половину, не могъ удовлетворить противниковъ, и они снова становились въ боевую позицію другъ противъ друга. Поляки старались перетянуть на свою сторону татаръ, обнадеживая ихъ войной съ Москвою, гдѣ они могли хорошо поживиться. Къ тому же Москва была ихъ непримиримымъ врагомъ. Кто, какъ не Москва овладѣла Казанскимъ и Астраханскимъ царствами? Крымскій ханъ не прочь былъ бы возвратить эти царства подъ власть правовѣрныхъ мусульманъ. Отношенія же между Польшею и Москвою становились все болѣе и болѣе натянутыми.

«Великій государь,—говорили московскіе послы панамъ,—изволитъ гнѣваться на васъ, поляковъ, за нарушеніе крестнаго цѣлованія. При вѣчныхъ и доконченныхъ грамотахъ мирныхъ постановлено было, чтобы титулъ царскаго величества писался съ большимъ страхомъ и безъ малѣйшаго пропуска, а вы этого не соблюдаете»... «Его царское величество,—продолжали они,—требуетъ, чтобы всѣ безчестныя книги (книги, въ которыхъ встрѣчались оскорбительныя выраженія для московскаго царя) были собраны и сожжены въ присутствіи пословъ, чтобы не только слогатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были печатаны, наборщики и печатальщики, а также и владѣльцы маетностей, гдѣ находились типографіи, были казнены смертью».

Напрасно паны убѣждали пословъ, говоря: «...Разбирательство безчестныхъ книгъ и преслѣдованіе ихъ сочинителей не только не произведетъ уменьшенія, но прибавитъ оскорбленія его царскому величеству...» Послы настаивали на своемъ и наконецъ прямо заявили требованіе о возвращеніи Смоленска со всѣми принадлежащими къ нему городами. Еле-еле панамъ удалось предотвратить на этотъ разъ разрывъ, но они ясно уже видѣли неизбѣжность его.

Татары побаивались возраставшей силы казаковъ, которые при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли обратиться противъ нихъ; это также ослабляло ихъ дружбу и преклоняло ихъ «слухъ» къ предложеніямъ поляковъ.

Хмельницкій съ своей стороны сносился съ различными государями и искалъ союза болѣе прочнаго, чѣмъ съ татарами. Москва попрежнему держала себя уклончиво; она продолжала поддерживать сношенія съ Хмельницкимъ и зорко слѣдила за ходомъ борьбы между Польшей и Украиной, но ограничивалась одними только похваливаніями. Это раздражало гетмана, которому приходилось разрѣшать мучительный вопросъ: «быть или не быть», и онъ подъ пьяную руку кричалъ: «Вы мнѣ все про дубье, да про насѣки толкуете (по поводу пограничныхъ столкновеній), а я пойду изломаю Москву и все Московское государство, да и тотъ, кто у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится...» Съ Москвы онъ перено-

силъ свои надежды на Турцію, тѣмъ болѣе что, заручившись ея поддержкою, онъ могъ быть спокоенъ и на счетъ татаръ, турецкихъ вассаловъ. Султанъ готовъ былъ принять его съ распростертыми объятіями подъ свою «протекцію», строго приказывалъ крымскому хану «не обращать очей и ушей своихъ къ Польшѣ», а напротивъ защищать казаковъ «своими быстролетными войсками» и обѣщалъ прислать на помощь турецкое войско. Въ то же время Хмельницкій сносился и съ прикарпатскими вассалами блистательной порты. Съ Ракочіемъ, седмиградскимъ княземъ, онъ уговорился напасть одновременно съ разныхъ концовъ на Польшу, а съ молдавскимъ господаремъ Лупуломъ велъ переговоры о женитьбѣ своего сына на его дочери, окончившіеся, какъ мы уже говорили, походомъ въ Молдавію. Этимъ походомъ онъ искусно отвлекъ вниманіе татаръ отъ Москвы и примирилъ ихъ съ собою, доставивъ имъ возможность удовлетворить своимъ инстинктамъ къ грабежу. Но по отношенію къ Польшѣ, у которой искалъ между прочимъ поддержки Лупулъ, это былъ лишній поводъ для раздраженія. Наконецъ гетманъ послалъ довѣренныхъ лицъ для переговоровъ даже въ далекую Швецію.

Мы уже говорили, что Хмельницкій, убѣдившись въ невозможности выполненія зборовскаго договора, отправилъ пословъ къ королю. Ко времени ихъ пріѣзда въ Варшаву тамъ уже открыто говорили о предстоящей войнѣ съ казаками. Требованія Хмельницкаго были выслушаны панами съ негодованіемъ и отвергнуты. Хмельницкій требовалъ совершеннаго уничтоженія уніи, какъ въ коронѣ, такъ и въ княжествѣ литовскомъ, и возвращенія православнымъ всѣхъ уніатскихъ епархій, каѳедръ, церквей, земель и т. д.; просилъ защиты отъ пановъ, иначе,—говорилъ онъ,—мы, спасая свои головы, должны будемъ, въ предупрежденіе зла, искать себѣ пріятелей»; въ залогъ же ненарушимости мира онъ требовалъ, чтобы во-первыхъ нѣкоторые высшіе духовные и свѣтскіе сановники утвердили присягою миръ между Рѣчью Посполитой и войскомъ Запорожскимъ и во вторыхъ четыре знаменитѣйшихъ украинскихъ пановъ проживали въ своихъ помѣстьяхъ, безъ войска и хоругвей, безъ большой дворни и ассистенціи, какъ заложники. Эти требованія напомнили панамъ басню, въ которой волки заключаютъ мировую съ пастухами на томъ условіи, чтобы послѣдніе удалили собакъ. Война была рѣшена на сеймѣ единогласно. Когда Хмельницкій узналъ объ этомъ, то, не дожидая королевскихъ коммиссаровъ, которымъ для затяжки времени поручено было войти еще въ переговоры съ нимъ, собралъ раду и вслѣдъ затѣмъ издалъ универсалъ, извѣщавшій русскихъ о новой войнѣ, запрещавшій панамъ проживать въ Украинѣ и призывавшій весь народъ къ ополченію.

VI.

Снова война.

Успѣхи поляковъ. — Война подъ знаменами двухъ религій. — Битва подъ Берестечкомъ. — Исчезновеніе Хмельницкаго. — Пораженіе казаковъ въ Литвѣ. — Усмиреніе бунтовъ въ Червонной Руси и Польшѣ.—Торжество поляковъ.—Появленіе Хмельницкаго. — Стоглавая гидра мятежа оживаетъ. — Переговоры съ поляками.—Волненіе въ казацкомъ войскѣ.—Нерѣшительное сраженіе.— Бѣлоцерковскій договоръ. — Нѣтъ пощады непокорнымъ! — Призывъ къ войнѣ Хмельницкаго.—Битва подъ Батогомъ.—Шутки долой!—Неистовства Чарнецкаго. — Осада подъ Жванцемъ, — Разрывъ «вѣчнаго докончанія» Москвы съ Польшею.

Военныя дѣйствія открылись въ Подоліи. Тутъ полякамъ сначала повезло. Подъ предводительствомъ Калиновскаго они напали нечаянно на казаковъ, пировавшихъ въ Красномъ, и нетолько разгромили ихъ, но и убили брацлавскаго полковника Нечая, этого истинно казацкаго героя. Затѣмъ, опустошивъ нѣсколько селеній между Днѣпромъ и Бугомъ, они осадили Винницу, которую защищалъ другой народный любимецъ, винницкій полковникъ Богунъ. На помощь къ нему подоспѣлъ отрядъ, посланный Хмельницкимъ, и польское войско принуждено было отступить къ Каменцу. Узнавши объ этихъ стычкахъ, король выдалъ послѣднее, третье приказаніе, призывавшее ополченцевъ, и самъ съ наемнымъ войскомъ двинулся изъ Люблина. Теперь самъ святой отецъ, папа, благословлялъ поляковъ на брань и прислалъ королю освященный мечъ. Увлеченные религіознымъ рвеніемъ, поляки съ воодушевленіемъ выступили въ походъ. Такое-же настроеніе сказывалось и среди казаковъ. Главное требованіе, предъявленное Хмельницкимъ и возмутившее такъ пановъ, было, какъ мы знаемъ, уничтоженіе уніи. Такимъ образомъ казаки выступали теперь болѣе, чѣмъ когда либо, защитниками попранной вѣры. Правда, кіевскій митрополитъ Коссовъ не сочувствовалъ имъ и не благословлялъ ихъ на бой съ поляками. Но вмѣсто него дѣйствуетъ чужеземный пришелецъ, коринѳскій митрополитъ. Онъ перепоясалъ казацкаго гетмана мечомъ, освященнымъ на гробѣ Господнемъ, и самъ съ духовенствомъ отправился въ походъ. Константинопольскій патріархъ также одобрялъ Хмельницкаго за рѣшеніе воевать противъ угнетателей православія и поборниковъ сатаны. Словомъ, война велась теперь дѣйствительно подъ знаменами двухъ враждовавшихъ вѣроисповѣданій: католическаго и православнаго.

Непріятельскія войска сошлись подъ Берестечкомъ. Польша и Украина, вспомоществуемая крымскимъ ханомъ, стояли во всеоружьи своихъ народныхъ силъ. Здѣсь должна была произойти вто-

рая битва, подобная Зборовской, рѣшавшая судьбы двухъ народовъ. На этотъ разъ поляки заняли удобную позицію, обширную гладкую равнину, гдѣ могла развернуть свои силы конница, а казаковъ оттѣснили къ болотамъ и топямъ р. Стыри. Въ польскомъ лагерѣ былъ собранъ весь цвѣтъ польской военной силы; тутъ были: Вишневецкій, Лянскаронскій, Чарнецкій, Конецпольскій, Калиновскій и др., было много наемныхъ нѣмцевъ, ветерановъ тридцатилѣтней войны. У казаковъ также были свои завзятые «характерники»: Богунъ, Джеджалій и др.; вся масса, не исключая и холоповъ, шла отважно на бой, зная, что въ случаѣ неудачи ей не будетъ пощады со стороны пановъ. Но союзники-татары относились къ дѣлу гораздо холоднѣе и послѣ первыхъ же стычекъ готовы были помириться съ поляками. На другой день битвы войска съ ранняго утра выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ.

Былъ видъ величественный, говорятъ современники; на пространствѣ, сколько можно было окинуть взоромъ, разостлались несмѣтные ряды трехъ враждебныхъ народовъ... Польское войско, собранное въ такомъ громадномъ размѣрѣ, въ какомъ рѣдко собиралось, блистало чрезвычайною нарядностью и пестротою... Противоположность имъ представляла простота казацко-татарскаго полчища, гдѣ масса холоповъ въ бѣдныхъ сермягахъ шла въ походъ съ дубинами вмѣсто оружія, а татары, кромѣ мурзъ и беевъ, одѣты были въ холстинные чекмени и въ бараньи шапки...

Но вотъ разсѣялся уже утренній туманъ, а ни та, ни другая сторона не начинала битвы. Разсказываютъ, что ханъ, осмотрѣвъ въ зрительную трубу польское войско, сказалъ казацкимъ полковникамъ:

«Ну что? Проспался уже вашъ хмель (наканунѣ онъ, по тѣмъ же разсказамъ, засталъ Хмельницкаго пьянымъ)? Онъ обманывалъ меня нелѣпыми баснями, будто польское войско слабо и неопытно. Ступайте къ нему, пускай идетъ сперва самъ выбирать медъ у этихъ пчелъ, да пускай прогонитъ прочь такое множество жалъ».

Наконецъ послѣ полудня король далъ знакъ къ наступленію. Впереди полетѣлъ со своимъ отрядомъ ненавистникъ казаковъ Іеремія Вишневецкій съ обнаженной саблею, безъ панцыря и шапки. Казаки не выдержали стремительнаго натиска и подались. Бой кипѣлъ съ перемѣннымъ счастьемъ по всей линіи. Главную надежду свою Хмельницкій возлагалъ на засаду, которую устроилъ для поляковъ въ прилегающемъ лѣсу. Однако засада эта была открыта поляками во-время. Успѣхъ склонялся на сторону поляковъ, но до побѣды было еще далеко. Какъ вдругъ ханъ со всею своею ордою бросился въ бѣгство. Хмельницкій, передавъ начальство Джеджалію, кинулся за нимъ, чтобы остановить его и возвратить назадъ. Казацкій таборъ сомкнулся и въ полномъ порядкѣ отступилъ къ рѣчкѣ Пляшовой. Поляки не рѣшились напасть на него. Казаки тотчасъ-

же окопались. Началась осада. Татары не только не возвратились, но и гетмана увели съ собой. Казацкій таборъ представлялъ не горсть лучшихъ воиновъ, какъ у поляковъ подъ Збаражемъ, а стотысячную толпу, въ которой громадную массу составляли непривыкшіе къ упорному сопротивленію и недисциплированные хлопы. Выдерживать долго осаду съ такими воинами было немыслимо. Хотя русскіе успѣшно отражали приступы и дѣлали удачныя вылазки, однако скоро возникли внутреннія неурядицы. Переговоры съ поляками не приводили ни къ чему: казаки не соглашались выдать старшину, на чемъ настаивали паны. Скоро Джеджалія смѣнилъ Богунъ. Онъ задумалъ вывести таборъ изъ болотъ и тогда начать правильное отступленіе вглубь страны. Но чернь, не посвященная въ планы предводителя и думая, что старшина заботится только о себѣ, превратила отступленіе въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство. Узнавши, что старшина съ казаками уже переправляется, всѣ разомъ бросились къ плотинамъ, устроеннымъ Богуномъ чрезъ болото, разгрузили ихъ и стали вязнуть и топуть въ болотѣ. Поляки нѣкоторое время смотрѣли съ недоумѣніемъ, не догадываясь, въ чемъ дѣло, затѣмъ бросились въ оставленный казацкій таборъ и безпощадно избивали бѣглецовъ. «Весь день, пока не стемнѣло, наши,—говоритъ полякъ,—подвигаясь облавою, производили кровавую бойню, вытаскивая казаковъ изъ кустовъ и болотъ, разстрѣливая и рубя головы... Едва-ли нашелся-бы кто-либо, кому не довелось убить казака». Но нашлись храбрецы, которые и здѣсь поддержали казацкую славу. Самъ король прибѣгалъ смотрѣть, какъ 300 казаковъ, засѣвшихъ на небольшомъ островкѣ, отбивались отъ поляковъ, не смотря на обѣщаніе даровать имъ жизнь, пока не погибли до одного.

Поляки торжествовали не только подъ Берестечкомъ. Одновременно начались военныя дѣйствія и въ Литвѣ. Туда Хмельницкій отправилъ отрядъ казаковъ въ 20 тысячъ подъ начальствомъ Небабы; къ нему пристала, какъ и вездѣ, масса хлоповъ. Но Радзивиллъ, литовскій гетманъ, разогналъ загоны, разбилъ самого Небабу и, усмиривъ край, направился къ Кіеву. Также неудачно для Хмельницкаго кончилось и возмущеніе, поднятое имъ въ Червонной Руси. Даже въ самой Польшѣ крестьяне начинали волноваться. Здѣсь борьба должна была бы принять уже чисто соціальный характеръ. Въ своихъ универсалахъ Хмельницкій обѣщалъ всему польскому крестьянству свободу отъ всякихъ повинностей и работы въ пользу пановъ. Итакъ, паны торжествовали на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ и Вислы до Днѣпра. Изъ подъ Берестечка главныя силы польскаго войска направились въ глубь Украины.

Торжествующіе поляки жестоко карали мятежниковъ. Если хлоповъ и спасло что отъ смерти, такъ это чисто матеріальныя соображенія пановъ: сожаленіе о гибели своего же добра, о гибели принадлежавшей имъ рабочей силы.

Послѣ Берестечскаго пораженія возстаніе лишилось на нѣкоторое время своего центра, своей организаціи, но вовсе не улеглось. Народъ попрежнему не хотѣлъ признавать власти пановъ, разбѣгался и укрывался по лѣсамъ, переселялся въ Московское государство или оказывалъ панамъ отчаянное сопротивленіе. Волынскій край былъ такъ опустошенъ, что польское войско не встрѣчало на своемъ пути ни городовъ, ни селеній, всюду—«только поле и пепелъ; не было видно ни людей, ни животныхъ, только птицы кружились въ воздухѣ». Вступившій въ Украину Потоцкій получилъ такого рода посланіе отъ четырехъ казацкихъ полковниковъ:

«Поляки! заключимъ искренній и братскій миръ; вы можете побѣдить насъ выгодными условіями, но завоевать—никогда: знайте это! И если вы насъ теперь одолѣете, то казаки будутъ непреклоннѣе въ своемъ мщеніи, чѣмъ въ борьбѣ за свободу.»

Но полякамъ не страшны были разрозненныя дѣйствія хотя бы и непримиримаго врага. Пока одинъ только Хмельницкій могъ объединить стремленія милліонной народной массы и подчинить ихъ одному общему руководству. А что сталось съ нимъ, никто до поры до времени не зналъ. Въ народѣ проявлялось даже явное недовольство и ожесточеніе противъ него, какъ главнаго виновника побратимства съ татарами, которые не упускали случая пограбить и уводили много простого народа въ плѣнъ. Недовольство это переносилось и на всѣхъ казаковъ вообще. Такъ что въ средѣ самого народа русскаго стала обнаруживаться пагубная рознь.

Скоро однако Хмельницкій снова показался на горизонтѣ. Разсказываютъ, что ханъ потребовалъ отъ него выкупа и затѣмъ, когда Выговскій доставилъ требуемую сумму, выпустилъ его и снова изъявилъ согласіе помогать казакамъ противъ поляковъ. Только вырвавшись на свободу, Хмельницкій узналъ о страшномъ пораженіи подъ Берестечкомъ, о растройствѣ казацкаго войска и вдобавокъ о недовольствѣ въ народѣ лично противъ него. Все это сначала видимо смутило его, и онъ говорилъ: «не хочу больше воевать съ панами, уйду на Запорожье»; но прежняя бодрость и присутствіе духа не замедлили возвратиться къ нему. «Онъ,—говоритъ современникъ,—не измѣнялся предъ подчиненными ни въ лицѣ, ни въ духѣ; съ веселымъ видомъ, съ смѣлою рѣчью показывалъ видъ, что счастье его не потеряно». Изъ Корсуня онъ разослалъ универсалы, приказывалъ

казакамъ снова собираться въ походъ, а народъ призывалъ на защиту отечества. Къ Потоцкому же, спѣшившему на соединеніе съ Радзивилломъ, онъ отправилъ депутацію и написалъ письмо, въ которомъ оправдывался необходимостью самозащиты; «и пташка, писалъ онъ, — охраняетъ свое гнѣздо», и просилъ короннаго гетмана прекратить кровопролитіе и походатайствовать передъ королемъ, чтобы онъ возвратилъ казакамъ ихъ вольности и оказалъ милосердіе надъ своими подданными. «Извольте увѣдомить насъ,— заканчивалось письмо,—чего отъ насъ требуетъ король, а съ войскомъ на насъ не наступайте... И мы не подвигаемся съ нашимъ войскомъ и будемъ ждать милостиваго рѣшенія вашего; надѣемся получить его въ понедѣльникъ». По тону письма нельзя было бы даже догадаться, что это пишетъ предводитель войска, недавно разгромленнаго на голову. О Берестечскомъ пораженіи онъ просто упоминаетъ: «мы уступили своему государю и пошли домой, желая мира». Очевидно, Хмельницкій чувствовалъ себя снова достаточно сильнымъ, чтобы *трактовать* съ поляками, какъ равный съ равнымъ. Геройскій отпоръ, встрѣченный поляками въ ничтожномъ селеніи Трилисахъ, и сожженіе самими мѣщанами Кіева, а затѣмъ и положительные успѣхи казацкаго оружія: занятіе Винницы, Паволичи, Хвастова и т. д., показывали полякамъ, что стоглавая гидра мятежа снова ожила. Между тѣмъ положеніе побѣдителей ухудшалось: несогласія между вождями доходили до того, что они ругались послѣдними словами и хватались за сабли, войско страдало отъ голода и болѣзней, литовцамъ хотѣлось поскорѣе возвратиться домой, подкрѣпленія ожидать было не откуда и т. д. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ поляки дѣйствовали нерѣшительно и готовы были покончить распрю миромъ. Поэтому на вторичное предложеніе Хмельницкаго относительно мира они отвѣчали согласіемъ и послали коммиссаровъ въ казацкій таборъ для переговоровъ.

Конечно теперь поляки, какъ побѣдители, предписывали свои условія. Они требовали отъ казаковъ безусловнаго разрыва дружбы съ Ордою, уменьшали реестровое войско до 12 тысячъ, ограничивали ихъ мѣстопребываніе только Кіевскимъ воеводствомъ, лишали Хмельницкаго гетманскаго званія и т. д. Эти требованія вызвали большое волненіе въ казацкомъ таборѣ, гдѣ чернь не хотѣла иначе мириться, какъ на условіяхъ зборовскаго договора. Поляки соглашались сдѣлать нѣкоторыя уступки: увеличивали нѣсколько численность казацкаго войска, оставляли Хмельницкаго гетманомъ, но о зборовскомъ договорѣ не хотѣли и слышать. Окончательные переговоры велись въ Бѣлой Церкви, занятой казаками, такъ какъ

чернь не отпустила казацкой старшины въ польскій лагерь. Когда же Хмельницкій съ полковниками вышелъ къ толпѣ, чтобы прочесть проектированныя статьи договора, и хлопы увидали, что они снова должны будутъ служить панамъ, поднялся шумъ и крики:

«Такъ то ты, панъ гетманъ, съ ляхами трактуешь, а насъ оставляешь и отъ орды отступаешься! Самъ себя да старшину спасаешь, а насъ и знать не хочешь... Отдаешь насъ, бѣдныхъ, на муки подъ кіями, ботогами, на колахъ да на висѣлицахъ. Но прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до того, ты самъ положишь свою голову и ни одинъ ляхъ не уйдетъ отсюда живымъ!!»

Раздались выстрѣлы; хлопы бросали камни, татары — стрѣлы; одна стрѣла чуть было не попала въ голову Киселю, снова разыгрывавшему роль миротворца. Хмельницкій, схвативши булаву въ обѣ руки, бросился въ толпу и сталъ разгонять ее ударами направо и налѣво. Наконецъ при помощи полковниковъ и казаковъ удалось возстановить порядокъ; но на слѣдующій день волненіе еще болѣе усилилось и бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ толпѣ пушками. Съ большими затрудненіями проводилъ Хмельницкій коммиссаровъ черезъ таборъ, защищая отъ яростнаго нападенія хлоповъ. Но лишь только они очутились въ открытомъ полѣ, толпа хлоповъ и татаръ нагнала ихъ и ограбила дочиста. Поляки простили и эту выходку разъяреннаго народа. Вдругъ къ панамъ, выѣхавшимъ, чтобы принять присягу отъ казаковъ, являются новые посланцы и говорятъ: «Милостивые паны и коммиссары! Войско запорожское послало насъ къ вашимъ милостямъ просить, чтобы вы утвердили зборовскія статьи, чтобы войско коронное вышло изъ Украины и не занимало въ нашей землѣ квартиръ и чтобъ намъ не мѣшали сноситься съ татарами, которые сохраняютъ нашу свободу.» Паны приходятъ въ неистовство и кричатъ: — «Что же это? Мы будемъ игрушками въ рукахъ презрѣннаго хлопства!..» «Опомнитесь, вѣдь мы уже обо всемъ уговорились...» — «Мы не знаемъ и не вѣдаемъ, — отвѣчали казаки, — о чемъ вы уговорились. Мы разошлись съ паномъ гетманомъ. Подпишите зборовскій договоръ, и мы присягнемъ въ вѣрности». Конечно это посольство состоялось не безъ вѣдома Хмельницкаго, который находился, что называется, между двухъ огней. Условія новаго договора были дѣйствительно тяжелы и даже невозможны въ виду настроенія народа, но чрезвычайно рискованной представлялась также и война съ поляками въ настоящую минуту. Рискованной для кого? Для тѣхъ счастливцевъ, которые могли разсчитывать попасть въ реестръ, но не для массы вообще. Массѣ нечего было собственно проигрывать. Съ возстановленіемъ панства на прежнихъ основаніяхъ она теряла все, чѣмъ пользовалась въ кровавые годы

междоусобицы, и возвращалась къ ненавистному рабскому состоянію. Для нея царившая въ послѣдніе годы анархія была лучше панскаго порядка. Никакія силы неба или ада не могли бы убѣдить ее въ противномъ. Тѣмъ болѣе не могъ сдѣлать этого Хмельницкій. Онъ не былъ тѣмъ героемъ, которому повинуются безпрекословно стихійныя силы. Онъ стушевывается, по крайней мѣрѣ мы не видимъ его на челѣ событій.

И вотъ переговоры прерваны, заложники возвращены. Снова войска выстраиваются въ боевомъ порядкѣ, снова начинается сраженіе. Но противники дѣйствуютъ нерѣшительно. Послѣ первой стычки казаки отступаютъ съ поля битвы. На слѣдующій день они съ гикомъ и крикомъ кидаются на польскій лагерь. Съ обѣихъ сторонъ были значительныя потери. Проходитъ еще день, казаки еще тѣснѣе облегаютъ польскій лагерь. «Если подъ Берестечкомъ, — говоритъ панамъ Кисель,— въ чужой землѣ, окруженные войскомъ въ трое многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣстоположеніи, казаки не только не сдались, но въ виду нашихъ ушли и разрушили наши предположенія, то легко ли покорить этотъ народъ въ его собственной землѣ?» Старый Потоцкій также хочетъ мира и остается глухъ къ совѣтамъ уничтожить казачество до основанія. Хочетъ мира и старый Хмельницкій, такъ какъ не надѣется одолѣть поляковъ. Бушевавшая чернь тоже присмирѣла: она убѣдилась, что взять пановъ не такъ то легко и что только несогласія полководцевъ мѣшаютъ имъ, панамъ, разбить на голову казаковъ. Тогда Хмельницкій снова возобновляетъ переговоры и выторговываетъ увеличеніе числа реестровыхъ казаковъ до 20 тысячъ; на другія уступки поляки не идутъ.

Бѣлоцерковскій трактатъ еще менѣе выражалъ дѣйствительныя желанія польскаго панства и русскаго хлопства, чѣмъ зборовскій договоръ. Паны, какъ побѣдители, желали теперь полнаго уничтоженія казачества; а русскій народъ, хотя и побѣжденный, хотѣлъ попрежнему полнаго освобожденія отъ польскаго панства. Число реестровыхъ козаковъ сокращалось теперь съ 40 тысячъ до 20 тыс.; имъ разрѣшалось проживать только въ Кіевскомъ воеводствѣ, а по зборовскому договору можно было кромѣ того въ брацлавскомъ и черниговскомъ; коронному войску запрещалось квартировать только въ Кіевскомъ воеводствѣ, а по зборовскому договору кромѣ того, въ брацлавскомъ и черниговскомъ; унія не уничтожалась, объ ней не говорится ни слова въ новомъ трактатѣ; жидамъ дозволялось свободно проживать въ шляхетскихъ и королевскихъ имѣніяхъ; гетманъ обязывался не вступать ни въ какія сношенія съ Ордою и во-

обще съ иностранными государствами. Таковы проигрыши казаковъ по сравненію съ тѣмъ, что они получали по зборовскому договору. Что-же выигрывали паны? Ровно ничего, кромѣ развѣ еще болѣе яснаго сознанія, что никакими компромиссами, ни большими, ни малыми, не возможно было снова связать интересы двухъ боровшихся общественныхъ классовъ на Украинѣ. «Паны увидѣли,—говоритъ лѣтописецъ,—что надо готовиться къ войнѣ». Хлопы не хотѣли признавать Бѣлоцерковскаго трактата, не хотѣли пускать пановъ въ ихъ владѣнія и не хотѣли подчиняться имъ, отбывать панщину, давать «стацій» и т. д. Калиновскій, принявшій начальство надъ польскимъ войскомъ послѣ смерти Потоцкаго, вѣшалъ ихъ, четвертовалъ, жегъ, словомъ казнилъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Батько Хмельницкій тоже повидимому рѣшился дѣйствовать въ одномъ духѣ съ нимъ. Не попавшимъ въ реестръ онъ приказывалъ служить панамъ. «Уже теперь,—писалъ онъ въ универсалѣ—не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде: никому не будетъ пощады, кто не хочетъ покориться». Онъ какъ бы разрывалъ со всѣмъ своимъ славнымъ прошлымъ: теперь уже не годится дѣлать того, что дѣлалось прежде. За то теперь годилось дѣлать то, чего не дѣлалось прежде! Хмельницкій сталъ карать народъ за его нежеланія служить панамъ-ляхамъ. По его инниціативѣ была назначена особая коммиссія, занявшаяся разборомъ дѣлъ о зачинщикахъ смутъ. Гетманъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы погубить и своихъ личныхъ враговъ. А такихъ у него было не мало, такъ какъ онъ становился все менѣе и менѣе популяренъ, и появлялись личности, претендовавшія на его мѣсто. Такимъ образомъ погибъ корсунскій полковникъ Мозыра, миргородскій полковникъ Гладкій, Хмелецкій и другіе.

Оба гетмана ревностно заботились о приведеніи народа къ покорности. Но что сулила ему эта покорность? Вотъ картина крестьянскаго житья въ то время, нарисованная од нимъ изъ поляковъ.

«Мы обвиняемъ,—говорилъ онъ,—враговъ своихъ, а на себя не оглянемся что такое наша Польша? *Адъ подданныхъ*, осужденныхъ на вѣчную работу владѣльцамъ; дворяне, вмѣсто награды за труды, платятъ имъ безчестнымъ обращеніемъ, берутъ подати съ участковъ земли, съ сохи, съ дыма, съ каждой го ловы и наконецъ выдумываютъ такіе поборы, какіе только могутъ прійти на умъ. Этого мало. Что остается бѣдному человѣку послѣ панскихъ поборовъ для прокормленія съ женою и дѣтьми, то заберетъ у нихъ жолнеръ, найдетъ хоругвей десять въ одно село, всѣхъ надобно кормить, поить, каждому дать, а кто не захочетъ или, лучше сказать, не можетъ, у того повернутъ все кверху дномъ; придутъ еще слуги, возницы и до того оберутъ несчастнаго поселянина, что у него ни крохи не останется! Отъ этого хлопы разбѣгаются, бунтуютъ, города и мѣстечки пустуютъ, поля остаются не засѣянными, прекращаются ремесла, останавливается торговля и въ казнѣ вѣч-

ныя недоимки. Жолнеръ, который приходитъ защищать жителей отъ непріятелей, поступаетъ съ ними хуже, чѣмъ непріятель».

Теперь жолнеры были оставлены для защиты пановъ, и они понятно смотрѣли на хлоповъ, какъ на прямыхъ враговъ. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ на Украинѣ былъ голодъ и свирѣпствовало моровое повѣтріе. Народъ сталъ массами переселяться въ предѣлы Московскаго государства и образовалъ здѣсь Слободскую Украину, не подлежавшую власти гетмана. Оставшимся же не было другого исхода, какъ составлять самовольныя шайки и снова вести партизанскую войну съ панами. Конечно въ дѣйствительности Хмельницкій хотѣлъ только казаться грознымъ для народа. Такимъ путемъ онъ надѣялся съ одной стороны усыпить бдительность пановъ, а съ другой—извести своихъ личныхъ враговъ. Подъ рукой же онъ позволилъ записаться въ реестръ не 20, а 40 тысячамъ, вошелъ въ переговоры съ турецкимъ султаномъ и московскимъ царемъ и готовился къ войнѣ. Поводъ къ разрыву давали сами поляки. Они не утвердили Бѣлоцерковскаго трактата, такъ какъ сеймъ былъ сорванъ. Въ сентябрѣ былъ заключенъ этотъ трактатъ, а въ мартѣ Хмельницкій выпустилъ уже универсалъ слѣдующаго рода.

«Принимая во вниманіе,—говорилъ онъ,—что ляхи попрежнему причиняютъ намъ обиды и уже не мало войсковыхъ молодцовъ замучили и погубили и притомъ заставляютъ работать на себя не только въ будни, но и въ праздники, и трудно теперь намъ забыть, что мы недавно были вольными, и привыкать работать на тѣхъ пановъ, надъ которыми мы сами были панами, мы находимъ, что пришла удобная пора вырваться намъ изъ неволи, потому что ляхи сами не знаютъ, что дѣлаютъ, и черезъ свою безмѣрную наглость хотятъ сами себя сгубить, а намъ животъ даровать. Оповѣщаемъ, чтобы всѣ, даже каждый посполитый человѣкъ, были готовы къ войнѣ и приготовили жизненные припасы... Но никто не смѣетъ двинуться безъ моего приказанія, чтобы не подать ляхамъ повода къ нарушенію мира съ нашей стороны, чего они только и желаютъ.»

Однимъ такимъ универсаломъ Хмельницкій возвращалъ себѣ сердца народныя. Народъ убѣждался, что «батько» никогда ему не измѣнялъ, но, недоумѣвая по поводу его политики, говорилъ, какъ поется въ думѣ: «тильки Богъ святый знае, що Хмельницкій думае, гадае!» Мысли его на этотъ разъ носились дѣйствительно довольно далеко. Убѣдившись на Берестечкомъ погромѣ, какъ не прочна его дружба съ татарами, онъ продолжаетъ усиленно искать иныхъ союзниковъ, болѣе надежныхъ. Онъ неустанно стучится въ Московскую дверь, но безуспѣшно; податливѣе оказывалась турецкая дверь, но турки—невѣрные и съ ними не можетъ быть, какъ и съ татарами, прочнаго союза; оставались еще сосѣднія турецкія вассальныя кня-

жества. На одно изъ нихъ, Молдавію, Хмельницкій преимущественно и обратилъ свое вниманіе. У молдаванскаго господаря была красавица дочь, а у него — «неотеса» сынъ. Онъ рѣшилъ обвѣнчать ихъ, не спрашивая согласія ни самой красавицы, ни отца ея. Впрочемъ отецъ ея, Лупулъ, вынужденный обстоятельствами, далъ было свое согласіе, но теперь не хотѣлъ исполнить его. Хмельницкій отправилъ Тимофея силой добывать себѣ невѣсту. Лупулъ искалъ помощи у поляковъ. Паны возмутились наглостью Хмельницкаго, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ нихъ сами добивались руки красавицы, а сестра ея была замужемъ за магнатомъ Радзивилломъ. Калиновскій, къ которому собралось много знатныхъ шляхтичей, загородилъ дорогу Тимофею, расположившись лагеремъ съ 20 тысячнымъ войскомъ на берегу Буга, близъ горы Батога. Столкновеніе должно было произойти неизбѣжно. Обѣ стороны даже прямо разсчитывали на это. Для Хмельницкаго представлялся удобный случай уничтожить все польское войско, оставленное на Украинѣ для охраны мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ взвалить всю отвѣтственность на поляковъ: зачѣмъ Калиновскій помѣшалъ Тимофею идти своимъ путемъ. Для Калиновскаго же представлялся случай нанести жестокій ударъ Хмельницкому: схватить его сына. Дѣйствительно, подъ Ботогомъ произошла битва. Поляки потерпѣли страшное пораженіе; почти все войско ихъ съ военачальниками и знатными панами было вырѣзано и перебито. Батько Хмельницкій назвалъ эту рѣзню въ письмѣ къ королю «*шалостью*, свойственной веселымъ людямъ»! Ужасная, страшная шалость, уступавшая развѣ только шалостямъ пановъ, которыя они устраивали, пользуясь бѣлоцерковскимъ трактатомъ, надъ своими подданными хлопами! Шалость за шалость! Паны, какъ и подобаетъ культурнымъ людямъ, устраивали свои шалости на основаніи бѣлоцерковскаго трактата, а казаки, какъ истые сыны дикихъ степей, не вѣрили «бумагѣ» и шалили больше саблями да копьями.

Ошалѣлые паны съѣхались на сеймъ и въ сотый разъ принялись разсуждать о томъ, что отечество ихъ въ опасности, и въ сотый разъ *позволяли себѣ* обманываться оправданіями и извиненіями Хмельницкаго или, вѣрнѣе, не понимать этихъ оправданій. Они принимали ихъ и однако не хотѣли знать тѣхъ *дѣйствительныхъ*, высказанныхъ или невысказанныхъ основаній, на которыхъ опиралось въ сущности оправданіе. Рѣшили снова послать коммиссаровъ къ Хмельницкому и набрать новое войско. Коммиссары, какъ и пославшіе ихъ, обращали больше вниманія на сладкія слова, чѣмъ на горькія дѣла. «Ты прислалъ къ королю, — говорятъ они гетману, — просить прощенія своихъ преступленій и милосердія»... Гетманъ

вспылилъ: вотъ олухи, вѣроятно подумалъ онъ. «Милосердія! прощенія!— кричалъ онъ въ раздраженіи:— да за что?.. за что?.. Такъ за этимъ вы пріѣхали? Что вы въ самомъ дѣлѣ *представляетесь простаками?* Что вы строите со мною шутки?».. Долой шутки!... «Король готовится итти на меня войною, какъ ему угодно! Желаю, чтобы онъ былъ предводителемъ: я готовъ его встрѣтить тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ»... «Мнѣ предлагаютъ почести, но тотъ, кого возвысила судьба, не нуждается въ нихъ». Вотъ когда изъ этой «пьяной», «коварной» души вырываются слова, которыя таились въ ней, словно жемчугъ въ кучѣ іезуитско-шляхетскаго навоза. Что ваши человѣческія почести для того, кому судьба указала совершить великое дѣло: «выбить русскій народъ изъ лядской неволи!» Но какъ рѣдко злополучный гетманъ находился на высотѣ пониманія своего дѣла! Теперь же онъ прямо, безъ всякихъ обиняковъ, какъ подобаетъ отважному человѣку, говоритъ полякамъ: если король вашъ, мною же посаженный, слѣпъ, если онъ хочетъ итти противъ меня, т. е. итти противъ судьбы, возвысившей меня (противъ «силы обстоятельствъ», сказали бы теперешніе обстоятельные люди), то, повинуясь той же судьбѣ, я готовъ встрѣтить его. Никогда раньше Хмельницкій не выступалъ такъ открыто противъ самого короля, какъ въ этотъ разъ. Напротивъ, онъ всегда говорилъ, что борется противъ пановъ, а не противъ короля. Очевидно развязка кровавой трагедіи была уже близка.

Какъ бы въ отвѣтъ на такія рѣчи, поляки снарядили Чарнецкаго, который съ 12 тысячнымъ войскомъ ворвался, точно фурія, въ Украину. Онъ истреблялъ огнемъ и мечомъ все, что попадалось ему на пути; мирныхъ жителей вырѣзывалъ поголовно; селенія и города превращалъ въ груды развалинъ, пока не наткнулся на Богуна, который поохладилъ немного пылъ панскаго вояки. Но за отрядомъ Чарнецкаго должно было выступить цѣлое войско подъ предводительствомъ самого короля. Поляки повидимому крѣпко рѣшились истребить все казачество и, цѣною хотя бы окончательнаго превращенія Украины въ груду пепла и развалинъ, сдѣлать невозможными дальнѣйшіе мятежи. Между тѣмъ силы и вниманіе Хмельницкаго были развлечены молдаванскими дѣлами. Сынъ его, Тимофей, отправился съ войскомъ на помощь изгнанному тестю своему, Лупулѣ, и требовалъ подкрѣпленія. Наконецъ получилось извѣстіе, что онъ раненъ. Тогда Хмельницкій, оставивъ часть войска для защиты Украины, съ другой двинулся на помощь сыну. Но на пути онъ встрѣтилъ казаковъ, которые везли тѣло погибшаго Тимоша. Отправивъ тѣло въ Чигиринъ, Хмельницкій продол-

жалъ путь и встрѣтилъ польское войско, поджидавшее Тимофея, подъ Жванцемъ. Въ польскомъ лагерѣ, не смотря на присутствіе короля, происходили обычные раздоры и безпорядки. Для поляковъ готовилось снова страшное пораженіе, еслибъ крымскій ханъ, вступившій въ союзъ съ Хмельницкимъ, не вошелъ въ сдѣлку съ ними и не отступилъ, выговоривъ себѣ хорошее вознагражденіе и право грабить Украину. Уже второй разъ поляки спасали своего короля позорной, безпримѣрной въ исторіи отдачей врагу на ограбленіе собственныхъ провинцій! Правда, это были русскія провинціи, но вѣдь польская шляхта претендовала на роль колонизаторовъ и устроителей дикихъ полей. Хороши колонизаторы! Для казаковъ ханъ требовалъ возстановленія зборовскаго договора, но тутъ же предлагалъ полякамъ итти на Москву и, если казаки не согласятся, окружить и перебить ихъ.

Хмельницкій поспѣшилъ удалиться съ своимъ войскомъ, возлагая надежду на Московскаго царя. Дѣйствительно, къ этому времени между Москвой и Польшей произошелъ окончательный разрывъ. Еще раньше, когда польское войско только выступало въ походъ, московскіе послы имѣли аудіенцію у короля. Они снова указывали на пропуски въ титулѣ царя, требовали казни виновныхъ, и еще одного шляхтича, отзывавшагося дурно о царѣ въ Варшавѣ. Поляки отказали наотрѣзъ. Тогда послы заговорили въ первый разъ о казакахъ, но заговорили довольно рѣшительно:

«Великій государь, его царское величество,—сказали они,—для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей сдѣлаетъ брату своему, королевскому величеству, таковую поступку, что велитъ отдать вины людямъ, которые объявились въ прпискѣ въ государевомъ именованіи, если король и паны рады успокоятъ междоусобіе съ черкассами, возвратятъ православнымъ церкви, которыя были оборочены подъ унію, не будутъ впредь дѣлать никакого притѣсненія православнымъ и помирятся съ ними по зборовскому договору».

Поляки отвѣтили, что они рѣшились вести войну съ казаками, что ни по зборовскому, ни по бѣлоцерковскому договору они мириться не намѣрены, и предлагали, чтобы московскій дворъ лучше помогъ имъ наказать мятежниковъ. Московскимъ посламъ ничего не оставалось, какъ прервать переговоры, причемъ они заявили, что великій государь не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ посылать своихъ пословъ къ полякамъ, а будетъ стоять за свою честь, сколько подастъ ему помощи милосердный Богъ.

VII.

Возсоединеніе.

Неизбѣжность возсоединенія, вытекавшая изъ общаго положенія вещей. — Рѣшеніе земской думы въ Москвѣ. — Переяславская рада 8 января 1654 года.— Условія возсоединенія.—Несогласія среди казацкой старшины.—Война Москвы съ Польшею. — Объявленіе войны Польшѣ со стороны Швеціи. — Разгромъ Польши. — Независимость по образцу голландцевъ. — Виленскій договоръ.— Союзъ съ Карломъ-Густавомъ и Ракочи. — Недовольство Москвою и недовольство въ Москвѣ. — Преданность Хмельницкаго своей основной задачѣ

Дѣло объединенія Руси близилось къ концу. Хмельницкій, какъ мы знаемъ, поддерживалъ постоянныя сношенія съ Москвой и всѣми способами старался втянуть ее въ свою борьбу съ поляками. Для насъ неважно въ данномъ случаѣ, желали ли дѣйствительно объединенія Хмельницкій, казацкая старшина, духовенство и вообще всѣ передовые представители тогдашняго южнорусскаго общества. Объединеніе должно было состояться въ силу самой необходимости. Хмельницкому не удалось отстоять независимость южнорусскаго народа, не разрывая государственной связи съ Рѣчью Посполитою. Федеративное соединеніе, какъ «равныхъ съ равными», оказалось невозможнымъ. Для того, чтобы стать «равнымъ» съ полякомъ, южноруссъ долженъ былъ стать полякомъ и католикомъ. Отсюда вытекала историческая необходимость полнаго разрыва съ Рѣчью Посполитой. Образовать независимое государство было немыслимо. Даже еслибы Москва и не помѣшала этому, то Польша, Турція, татары не потерпѣли бы независимой казацкой республики. Союзъ съ татарами носилъ, само собою разумѣется, временный характеръ; иного онъ и имѣть не могъ; союзъ этотъ можно сравнивать съ практиковавшимся въ нѣкоторыхъ государствахъ на западѣ обыкновеніемъ нанимать на службу швейцарскихъ или нѣмецкихъ солдатъ. Добровольное подданство Турціи, о которомъ могли думать отдѣльныя головы, было также невозможно для цѣлаго народа, невозможно уже по одному тому, что турки держали знамя ислама, знамя непримиримой вражды съ христіанствомъ. Итакъ, оставалась только одна Москва. Только въ союзѣ съ нею Украина могла окончательно освободиться отъ «лядской неволи», а этого она должна была добиться первымъ дѣломъ и цѣною какихъ бы ни было жертвъ. Никто конечно не зналъ тогда, какія именно жертвы придется принести.

Но возвратимся къ событіямъ. Въ то время, когда поляки шли на встрѣчу Хмельницкому, а Хмельницкій не зналъ, выручать ли

сына, или итти биться съ поляками, въ Москвѣ засѣдала земская дума, собранная царемъ для рѣшенія вопроса о подданствѣ войска запорожскаго. Дума совѣтовала царю принять гетмана со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями подъ высокую государеву руку и объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и царской чести. На томъ и порѣшили. Къ началу января 1654 г. царскіе уполномоченные во главѣ съ бояриномъ Бутурлинымъ были уже въ Переяславлѣ, а 8 января тамъ происходила общая рада, на которую гетманъ пригласилъ всѣхъ полковыхъ старшинъ и много знатнѣйшихъ казаковъ. «Теперь,—говорилъ онъ плѣннымъ полякамъ, уѣзжая на раду, мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучимся... Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя»... Въ Переяславлѣ гетманъ держалъ рѣчь передъ громаднымъ сборищемъ народа подъ открытымъ небомъ:

«Панове полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! - сказалъ онъ. - Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имени русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть, черезъ своихъ пословъ; второй — ханъ крымскій: третій — король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый —царь православный Великой Руси, царь восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій,— бусурманъ... Крымскій ханъ тоже бусурманъ... Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно вамъ и сказывать... А православный царь восточный одного съ нами греческаго благочестія... Кромѣ его царской руки мы не найдемъ благоспокойнѣйшаго пристанища...»

Рада поддержала гетмана и высказалась въ пользу Московскаго царя. Возсоединеніе состоялось на слѣдующихъ основаніяхъ, подтвержденныхъ жалованной грамотой Алексѣя Михайловича. За войскомъ запорожскимъ сохраняются всѣ прежнія его права и вольности; въ дѣла его не вмѣшиваются ни воеводы, ни бояре, ни стольники царскіе; судится войско своимъ товарищескимъ судомъ: «гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судить»; гетманъ и старшина избираются вольными голосами; казаки сохраняютъ всѣ свои права на земли и разные «пожитки», находившіеся въ ихъ владѣніи; составъ войска запорожскаго опредѣляется въ 60 тысячъ; гетманъ сохранялъ за собою право принимать чужеземныхъ пословъ, но оно ограничивалось: во первыхъ, гетманъ долженъ немедленно извѣщать государя о своихъ переговорахъ; во-

вторыхъ, пословъ, пришедшихъ «съ противнымъ государю дѣломъ» онъ долженъ задерживать и, въ третьихъ, съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ царскаго указа вовсе не сноситься. Жалованье казаки получаютъ изъ мѣстныхъ доходовъ; шляхта, духовенство, города и вообще мірскіе люди остаются при своихъ вольностяхъ, какія получили они отъ великихъ князей русскихъ и королей польскихъ; пашенные крестьяне будутъ «должность обыкновенную его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего»; управленіе же всѣми дѣлами и даже сборъ податей въ казну остается въ рукахъ мѣстныхъ выборныхъ людей: царь посылаетъ своихъ сборщиковъ только для пріема податей и надзора за правильнымъ поступленіемъ ихъ. Сравнивая эти условія съ зборовскимъ договоромъ, этимъ максимумомъ «уступокъ», на которые согласились поляки въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, мы видимъ, что народъ много выигрывалъ съ переходомъ подъ царскую руку. Конечно это были только письменныя бумажныя условія, съ которыми особенно не церемонились въ тѣ времена. Сколько ихъ писалось съ поляками, а въ результатѣ всякій разъ получался несносный для народа шляхетско-католическій режимъ! Гораздо болѣе существенное значеніе имѣлъ тотъ новый, выработанный Москвою, укладъ общественной и государственной жизни, подъ защиту котораго становилась теперь Украина. Древнее вѣчевое начало, выражавшееся не только въ казацкихъ распорядкахъ, но и въ шляхтскомъ республиканизмѣ, доходившемъ временами до анархизма, уступало мѣсто московскому самодержавію. Этимъ, можно сказать, опредѣлялась на долгія годы судьба не одной только Украины, но и всего востока Европы. Любопытно, что кіевское духовенство во главѣ съ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ отказалось принести присягу на вѣрность царю и впродолженіи пятидесяти еще лѣтъ сохраняло свою независимость. Между казацкой старшиной находились также рѣшительные противники соединенія съ Москвою, отказавшіеся принести присягу. Въ числѣ ихъ мы назовемъ Сирка, будущаго кошевого атамана, и Богуна, извѣстнаго винницкаго полковника. Богунъ не хотѣлъ подчиняться ни московскому царю, ни польскому королю. Преданный казацкимъ традиціямъ, онъ предпочиталъ лучше погибнуть въ неравной борьбѣ за свободу, чѣмъ итти въ новую неволю. Онъ сталъ во главѣ побужанъ и продолжалъ войну съ поляками. Эти несогласія въ средѣ казацкой старшины стали тотчасъ-же извѣстны панамъ. Они надѣялись привлечь на свою сторону несогласившихся присягать московскому царю. Въ универсалѣ къ русскимъ мѣщанамъ и поселянамъ король

говоритъ: «Дошло до насъ, что злобный измѣнникъ Хмельницкій запродалъ васъ на вѣчное мученіе царю московскому подъ нестерпимое ярмо, противное вашей свободѣ, и принуждаетъ васъ присягать противъ воли этому мучителю; однако между вами нашлось много постоянныхъ въ вѣрности, которые, увидя измѣну мятежника, отступились отъ него»... и т. д. Но когда польскія войска вступили въ Украину, то они встрѣтили повсюду такой-же ожесточенный отпоръ со стороны народа, какъ и раньше.

Теперь полякамъ приходилось вести войну на два фронта. Со стороны Смоленска на нихъ наступали московскія войска съ небольшимъ отрядомъ казаковъ подъ начальствомъ наказнаго гетмана Золотаренко, а на Украинѣ ихъ должны были встрѣтить главныя казацкія силы подъ начальствомъ Хмельницкаго, вспомоществуемыя московскимъ отрядомъ подъ предводительствомъ Бутурлина. Но зато теперь сторону поляковъ принялъ крымскій ханъ, тщетно старавшійся расторгнуть союзъ Хмельницкаго съ Москвою. Въ Литвѣ война была несчастлива для поляковъ. Даже твердыни Смоленска сдались, и царь Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ торжественно въ древній русскій городъ. На Украйнѣ дѣла ихъ шли успѣшнѣе. Хмельницкій дѣйствовалъ медлительно, медлительно подвигался имъ на встрѣчу, опасаясь оставить границы незащищенными отъ нападенія татаръ. Кромѣ того между нимъ и Бутурлинымъ очевидно не было согласія. Поляки подъ предводительствомъ Потоцкаго ворвались на Подоль и первой жертвой ихъ жестокой расправы было мѣстечко Буша, куда укрылись многіе подоляне и которое не захотѣло сдаться на ихъ требованія. Русскіе сопротивлялись съ страшнымъ отчаяніемъ, даже женщины и тѣ бросались съ дѣтьми въ пламя, чтобы не «доставаться игрушкою солдатамъ». Въ Бушѣ погибло до 16 тысячъ народу. Такая-же участь постигла и многія другія селенія. Тогда Хмельницкій, стоявшій таборомъ подъ Бѣлой Церковью, двинулся съ частью войска на встрѣчу Потоцкому. Враги сошлись подъ Охматовомъ. У поляковъ было больше войска и они обложили казаковъ со всѣхъ сторонъ. Хмельницкій рѣшилъ отступить къ своему главному лагерю. Онъ устроилъ изъ саней подвижную защиту, замкнулся въ ней и послѣ двухдневной борьбы прорвался черезъ ряды поляковъ и ушелъ подъ Бѣлую Церковь. Поляки оставили его и вмѣстѣ съ татарами принялись за опустошеніе края. Полякъ-современникъ утверждаетъ, что татары нахватали въ это время до 200 тысячъ русскаго ясcыра.

Странно, что подобное опустошеніе и грабежи происходили на глазахъ соединеннаго московско-казацкаго войска. Только послѣ

того, какъ на злополучную Польшу напалъ съ третьей стороны шведскій король Карлъ-Густавъ, и провинціи одна за другой передавались ему, наши союзники рѣшительно двинулись впередъ. Хмельницкій думалъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ моментомъ, овладѣть южными частями Рѣчи Посполитой, населенными русскими, и такимъ образомъ завершить дѣло освобожденія народа. Дѣйствительно Польша находилась, казалось, на краю своей гибели. Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Шведы овладѣли Познанью, Великой Польшей, Мазовіею; наконецъ Варшава сдалась имъ даже безъ бою. Соединенныя московско-казацкія силы, дѣйствовавшія въ Литвѣ, взяли Вильну, и Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ именовать себя великимъ княземъ Литовскимъ. Хмельницкій разбилъ поляковъ подъ Гродекомъ и осадилъ Львовъ. Всѣ южно-русскія области сами просились къ нему въ руки. Никогда раньше обстоятельства не складывались такъ благопріятно, какъ теперь, для осуществленія его мысли объ южно-русскомъ удѣльномъ княжествѣ. Подъ Львовомъ, осада котораго велась вяло и неохотно, къ гетману явились послы отъ шведскаго и польскаго королей. Карлъ-Густавъ предлагалъ казакамъ пріостановить военныя дѣйствія и дожидаться мира, обѣщая предоставить имъ всю русскую землю, а Казимиръ не скупился на обѣщанія всяческихъ милостей, если только Хмельницкій расторгнетъ свой союзъ съ Москвою. «Вы будете ужъ не казаками,—говорилъ королевскій посланникъ,—а друзьями короля; вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія»... Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ не можетъ нарушить тѣснаго союза, заключеннаго съ москалями и шведами. «Если угодно его величеству,—говорилъ онъ, растроганный письмомъ польской королевы къ его женѣ,—пусть возвратится изъ Силезіи и начнетъ переговоры съ шведами и москвитянами; дальнѣйшее предоставимъ времени. Казаки останутся вѣрными союзниками Рѣчи Посполитой, если Рѣчь Посполитая черезъ коммиссаровъ своихъ торжественно признаетъ русскій народъ свободнымъ, какъ десять лѣтъ назадъ призналъ испанскій король голландцевъ»... Затѣмъ Хмельницкій, взявши небольшой выкупъ съ города, снялъ осаду и двинулся въ обратный путь на Украину. Черезъ два дня за нимъ послѣдовалъ и Бутурлинъ. Между предводителями очевидно не было согласія. Каждый дѣйствовалъ самъ по себѣ. «Я удостовѣрился собственными глазами, говоритъ полякъ, присутствовавшій при переговорахъ королевскаго посла съ Хмельницкимъ, что между казаками и москвитянами нѣтъ согласія и ладу; самъ Хмельницкій мнѣ сказалъ, что не хочетъ знать Москвы: она очень груба».

И дѣйствительно, уже въ 1655 году, т. е. черезъ полтора года послѣ возсоединенія, Хмельницкій входитъ въ сношеніе съ турецкимъ правительствомъ, успѣваетъ оправдать въ глазахъ султана свой союзъ съ Москвою и получаетъ отъ него грамоту съ изъявленіемъ султанскаго благоволенія и съ обѣщаніемъ помогать казакамъ противъ всякихъ ихъ враговъ. Неудовольствіе Хмельницкаго и казацкой старшины противъ Москвы еще больше усилилось послѣ Виленскаго договора (1656 г.), заключеннаго между Польшею и Москвою. Первое, что оскорбило ихъ, это недозволеніе казацкимъ посламъ участвовать въ переговорахъ. Уполномоченные Алексѣя Михайловича прямо сказали, что они, казаки, подданные, а потому не могутъ участвовать наравнѣ съ царскими посланниками въ обсужденіи дѣла, касающагося ихъ. Во-вторыхъ, по Виленскому договору между Польшею и Москвою состоялась сдѣлка такого рода: царь будетъ защищать короля и Польшу отъ шведовъ, зато поляки обязуются послѣ смерти Казимира избрать его, Алексѣя Михайловича, на польскій престолъ. Такая комбинація была въ высшей степени неблагопріятной для плановъ Хмельницкаго. Больше, чѣмъ когда либо, онъ думалъ теперь объ удѣльномъ южнорусскомъ княжествѣ. Для этого нужно было уничтожить самое существованіе Польши, раздѣливъ ее между Швеціею, Москвой и Украиной. Карлъ Густавъ благопріятствовалъ его предположеніямъ. Поэтому онъ стоялъ за тѣснѣйшій союзъ со Швеціею. Благодаря же Виленскому договору, Польша сохраняла свою цѣлость, получала даже защитника въ лицѣ Московскаго царя, и казаки должны будутъ въ соединеніи съ Московскимъ войскомъ воевать за Польшу и противъ шведовъ. Получалось какъ разъ обратное тому, къ чему стремился казацкій гетманъ. Затѣмъ, что̀ станется съ самой Украиной? Не будетъ-ли нарушена ея цѣлость? Не подѣлятъ ли ея между Москвой и Польшей и не обезсилятъ ли ея такимъ образомъ окончательно? Какъ отнесется теперь царь, если казаки, продолжая начатое дѣло, будутъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость отъ Польши? Вѣдь онъ теперь союзникъ польскаго короля и даже самъ король въ близкомъ будущемъ или по-крайней мѣрѣ in spe! И масса подобныхъ вопросовъ подымалась въ отягощенной горькимъ опытомъ головѣ казацкаго батьки. И голова никла, и силы физическія, подорванныя невоздержаннымъ образомъ жизни, окончательно ослабѣвали...

Получивъ сообщеніе изъ Москвы о заключеніи Виленскаго договора, онъ пишетъ царю:

«Какъ вѣрные слуги вашего царскаго величества о неправдахъ и хитростяхъ лядскихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ;

они на вѣру нашу православную давно воюютъ и никогда желательными быть не могутъ, а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ турскимъ и татарами и другими посторонними, снова на ваше царское величество воевать.... Мы ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. *Вторично* тебя, великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго царя, молимъ: не отдавай православнаго народа на поруганье, о которомъ ляхи помышляютъ.»

Именно вторично, такъ какъ хотя раньше царь и внялъ этой просьбѣ не отдавать народа на поруганье ляхамъ, но теперь онъ повидимому готовъ былъ отступиться отъ казаковъ и ихъ Украины, покрайней мѣрѣ такое убѣжденіе было распространено среди народа. Затѣмъ, не ограничиваясь одними представленіями, онъ ищетъ себѣ союзниковъ и, кромѣ шведовъ, съ которыми у него были общіе интересы, заключаетъ союзъ съ седмиградскимъ княземъ Ракочіемъ. Ракочи выступалъ претендентомъ на Польскій престолъ. Въ 1657 г. между Карломъ-Густавомъ, Ракочи и Хмельницкимъ заключенъ былъ договоръ о раздѣлѣ Польши, по которому шведскій король получалъ Великую Польшу, Ливонію, Гданскъ; бранденбургскій курфирстъ—всѣ польскія владѣнія въ Пруссіи; Ракочи—Малую Польшу, Великое княжество Литовское, княжество Мазовецкое и Червонную Русь, а Украина съ остальными южно-русскими провинціями признавалась на всегда независимой отъ Польши. Въ помощь Ракочи Хмельницкій отправилъ двѣнадцатитысячный отрядъ казаковъ.

Конечно всѣ эти дѣйствія гетмана, который на радѣ старшинъ и полковниковъ прямо заявилъ, что «ждать добра отъ Москвы нечего» и «остается отступить отъ Московскаго государя», стали скоро извѣстны въ Москвѣ. Царь послалъ довѣренныхъ людей съ выговоромъ. Хмельницкій не могъ однако вести съ ними оффиціальнаго разговора, такъ какъ лежалъ въ постелѣ больной; впрочемъ онъ продолжалъ настаивать, что вовсе не желаетъ измѣнять своей присягѣ государю, но что самъ государь «учинилъ надъ нимъ и надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ свое немилосердіе: помирился съ поляками и хотѣлъ ихъ отдать въ рукиполякамъ». Еще нѣсколько позже, принимая посла отъ польскаго короляКазимира, онъ сказалъ: «Я одною ногою стою въ могилѣ и на закатѣ дней моихъ не прогнѣваю небо нарушеніемъ обѣта царю Московскому». Неужели и здѣсь, на краю могилы все одна политика? Неужели этотъ отважный воинъ, давшій впродолженіи 10 лѣтъ гетманства тридцать четыре битвы своимъ врагамъ, даже передъ смертью не отважился *говорить* искренно, все лицемѣрилъ и двоедушничалъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Онъ былъ въ глубинѣ души искрененъ, когда говорилъ, что не нарушилъ

и не нарушитъ «обѣта царю московскому»! Онъ до конца дней своихъ неуклонно стремился къ освобожденію южнорусскаго народа отъ польской неволи и къ возсоединенію его съ остальнымъ русскимъ народомъ. Онъ до конца дней своихъ не выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Московскаго царя, не становился къ нему во враждебныя отношенія, не нарушалъ его интересовъ. Но онъ не могъ отказаться отъ своей основной, первѣйшей задачи: выбить русскій народъ изъ лядской неволи; онъ не могъ давать никакихъ «обѣтовъ» на этотъ счетъ, напротивъ, всякіе обѣты, какіе только онъ давалъ, онъ давалъ на томъ условіи, что ему помогутъ достигнуть этой цѣли. И онъ искренно, рискуя навлечь на себя гнѣвъ и немилость могущественнаго царя, заявлялъ это.

Хмельницкій умеръ въ 1657 г., не кончивши начатаго дѣла. Да развѣ и можно было окончить его въ 10 лѣтъ, прожитыхъ имъ со времени возникновенія роковой распри? Борьба между шляхетско-аристократическимъ и казако-народнымъ началами не могла быть закончена даже въ теченіи цѣлаго столѣтія. Осталось не совершеннымъ великое дѣло; но судьба не послала продолжателей и преемниковъ, достойныхъ начинателя. И странно, даже теперь, по прошествіи двухъ съ половиной вѣковъ не установилось еще спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ личности главнаго дѣятеля знаменательнѣйшей въ нашей исторіи эпохи, Богдана Хмельницкаго. Въ то время, какъ общество ставитъ ему памятникъ и Кіевскій комитетъ по сбору пожертвованій въ своемъ воззваніи опредѣляетъ значеніе Хмельницкаго слѣдующимъ образомъ:... «Тому, кто возвратилъ русскому народу Кіевскую святыню, кто спасъ можетъ-быть православіе на берегахъ Днѣпра и *положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всей Россіи*», въ это время Московское Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ издаетъ трехтомный страстный памфлетъ извѣстнаго Кулиша, рисующій Хмельницкаго просто отъявленнымъ злодѣемъ и негодяемъ! Видно, нельзя еще сказать, что дѣянія Богдана Хмельницкаго составляютъ достоянія временъ прошедшихъ....

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Беконъ, Беранже, Берне, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо,** Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ,** Вашингтонъ, **Л. Винчи.** Вирховъ, **Вольтеръ,** Гайднъ, **Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,** Гракхи, **Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ,** Декартъ, **Дефо, Дженнеръ.** Дидро, **Диккенсъ,** Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ,** Амосъ-Коменскій, Кондорсе, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ,** Кромвель, Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйелль, Лапласъ** (и **Эйлеръ), Лейбницъ,** Лессепсъ, **Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней Лойола, Локкъ,** Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, **Маколей Мейерберъ.** Меттернихъ, **Микельанджело, Милль, Мильтонъ,** Мирабо, **Мицкевичъ, Мольеръ,** Мольтке, **Монтескье, Т. Моръ, Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ,** Оуенъ, **Паскаль,** Пастеръ. **Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Рембрандтъ, Ренанъ, Рикардо, **Ришелье,** Ротшильды, **Руссо, Савонарола, Сакіа-Муни (Будда), Свифтъ,** Сенека, Сервантесъ. **В. Скоттъ, А Смитъ,** Сократъ, Спиноза, **Стэнли, Стефенсонъ (и Фультонъ) Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли,** Цицеронъ и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ (и Морзе), Дж. Эліотъ, Юмъ** и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, **Богданъ Хмельницкій, Боткинъ, Бѣлинскій, Бэръ,** В. В. Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь,** Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ,** Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ,** Добролюбовъ, **Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, Канкринъ, Кантемиръ, В. Н Каразинъ** (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, **С. В. Ковалевская, Кольцовъ, Баронъ Н. А. Корфъ,** Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ,** Лабачевскій, **Ломоносовъ,** Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ, Новиковъ,** Островскій, **Перовъ,** Петръ Великій, **Пироговъ,** Писемскій, **Писаревъ,** Н. Полевой, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій, Струве,** Суворовъ, **Сѣровъ,** Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ-Визинъ,** Шевченко, **Щепкинъ,** А. Н Энгельгардтъ, **Ѳедотовъ и другіе.**

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается особая книжка въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 ноября 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Лукoвникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 октября 1893 года.